ISSN0136-0140

1994

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

МАЙКЛ МУРКОК
ГЛАЗА ЯШМОВОГО ГИГАНТА

МЕРВИН ПИК
ТАНЕЦ В ПОЛНОЛУНИЕ

АБРАХАМ МЕРРИТ
ОБИТАТЕЛИ БЕЗДНЫ

МАРИОН БРЭДЛИ
МЕЧ АЛДОНЕСА

2

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

2'94 (17)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ ФУТУРОЛОГИИ

ЕСЛИ

МОТИВ

СБОР ДАННЫХ

ГИПОТЕЗА

ЭКСПЕРИМЕНТ

РЕЗУЛЬТАТ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ НОМЕР: FANTASY

Хорхе Луис Борхес. *Двадцать пятое августа 1983 года.* 4

Григорий Померанц. Тоска бесконечности. 6

Марион Брэдли. *Меч Алдонеса.* Роман. 10

Игорь Царев. «Немедленно покиньте мою голову!» 65

Мервин Пик. *Танец в полнолуние.* 70

Владимир Рожнов. Стресс? Это как раз то, что вам нужно! 73

Абрахам Меррит. *Обитатели бездны.* 76

Майкл Муркок. *Глаза Яшмового Гиганта.* 82

Вадим Розин. Полеты во сне и наяву. 94

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

Редакция:
Елена Босовская,
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Леонард Никишин,
Наталия Сафронова,
Елена Сеславина.

Иллюстрации:
Олег Васильев *(М.Пик)*,
Ольга Дунаева *(М.Муркок)*,
Александр Жабинский *(Х.Борхес, М.Брэдли)*,
Кирилл Зеленцов *(А.Меррит)*.

Верстка:
Татьяна Сычева,
Тамара Шеламова.

Сдано в набор 05.12.93. Сдано в печать 10.01.94.
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул.1905 года, д.7.
Усл.печ.л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 75 тыс. экз.
В розницу цена свободная.
Заказ №592

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

© «Если»
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Хорхе Луис Борхес

Двадцать пятое августа 1983 года

Часы на маленькой станции показывали одиннадцать вчерашней ночи. Я направился к гостинице. Как бывало не раз, я ощущал здесь умиротворение и покой, чувства, которые испытываешь, оказавшись в давно знакомых местах. Широкие ворота были распахнуты, усадьба утонула в сумерках. Я вошел в холл, где туманные зеркала зыбко отражали цветы и детали интерьера. Удивительно, но хозяин не узнал меня. Он протянул регистрационную книгу. Я взял ручку, обмакнул перо в бронзовую чернильницу и, склонившись над раскрытыми страницами, столкнулся с первой из множества неожиданностей, которые подстерегали меня этой ночью. Мое имя, Хорхе Луис Борхес, было начертано в книге, и чернила еще не успели высохнуть.

Хозяин сказал мне:

— Мне казалось, вы уже поднялись... — но присмотревшись внимательнее, извинился: — Простите, сеньор. Тот, другой, очень на вас похож, но вы моложе.

— Какой у него номер? — спросил я.

— Он попросил девятнадцатый, — был ответ.

Этого я и боялся.

Я бросил ручку на конторку и бегом поднялся по ступенькам. Девятнадцатый номер находился на втором этаже, с окнами на внутренний дворик, жалкий и заброшенный, обнесенный балюстрадой; где, как помнилось мне, стояла пляжная скамейка. Это была самая большая комната в гостинице. Я толкнул дверь, она поддалась. Под потолком горела люстра. В ее безжалостном свете я узнал себя. На узкой железной кровати лежал я, постаревший и обрюзгший, и разглядывал лепнину на потолке. Я услышал голос. Не совсем мой — без обертонов, неприятный, похожий на магнитофонную запись.

— Удивительно, — сказал он, — нас двое и мы одно. Впрочем, во сне ничто не способно вызвать удивление.

Я робко спросил:

— Значит, все это сон?

— Причем последний сон. — Жестом он показал на пустой пузырек, стоявший на мраморной крышке ночного столика. — Тебе придется, наверное, увидеть множество снов, прежде чем доберешься до этой ночи. Какое сегодня число по твоему календарю?

— Точно не знаю, — ошеломленно ответил я. — Но вчера мне исполнился шестьдесят один год.

— Когда бессонница приведет тебя к этой ночи, тебе исполнится восемьдесят четыре. Сегодня двадцать пятое августа 1983 года.

— Как долго ждать... — прошептал я.

— А мне не осталось почти ничего, — сказал он резко. — Смерть может наступить в любой момент, и я затеряюсь в неведомом, где ждут иные сны. Неотвязная мысль, навеянная зеркалами и Стивенсоном.

Упоминание о Стивенсоне прозвучало для меня прощанием, а не призывом к беседе. Я был человеком, лежащим на кровати, и понимал его. Чтобы стать Шекспиром и написать незабываемые строки, недостаточно одних трагических моментов. Чтобы отвлечь его, я сказал:

— Я знал, что с тобой это случится. Как раз здесь, много лет назад, в одной из комнат первого этажа мы набросали черновик истории подобного самоубийства.

— Да, — подтвердил он задумчиво, как бы погрузившись в воспоминания. — Но я не вижу связи. В том наброске я брал билет до Адроге и в гостинице «Лас Делисьяс» поднимался в девятнадцатый номер, самый дальний. И там кончал счеты с жизнью.

— Поэтому я здесь, — сказал я.

— Здесь? Мы всегда здесь. Здесь я вижу тебя во сне в доме на улице Маипу. Здесь я хожу по комнате, которая принадлежала матери.

— В комнате, которая принадлежала матери, — повторил я, не стараясь понять. — Я вижу тебя во сне в девятнадцатом номере, расположенном над внутренним двориком.

— Кто кому снится? Я знаю, что ты снишься мне, но не знаю, снюсь ли я тебе. Гостиницу в Адроге давно сломали. То ли двадцать, то ли тридцать лет назад.

— Это я вижу сон, — произнес я с вызовом.

— Ты не представляешь, как это важно выяснить — один ли человек видит сон или двое снятся друг другу.

— Я — Борхес, который увидел твое имя в книге постояльцев и поднялся сюда.

— Борхес — я, и я убил себя на улице Маипу.

Помолчав, тот, другой, добавил:

— Давай проверим. Что было самое ужасное в нашей жизни?

Я склонился к нему, и мы начали говорить одновременно. Я знал, что мы оба лжем.

Легкая улыбка осветила постаревшее лицо. Я чувствовал, что его улыбка — отражение моей.

— Мы лжем, — заметил он, — потому что чувствуем себя двумя разными людьми, а не одним. На самом деле мы — и один человек, и двое.

Мне наскучила беседа, и я откровенно сознался в этом. И добавил:

— Неужели тебе в 1983 году нечего рассказать о тех годах, которые предстоит прожить мне?

— Что же сказать тебе, бедняга Борхес? На тебя будут продолжать сыпаться беды, к чему ты уже привык. Ты останешься один в доме. Будешь перебирать книги без букв и касаться барельефа с про-

филем Сведенборга и деревянного блюдца, на котором лежит орден Креста. Слепота — это не тьма, это род одиночества. Ты вновь окажешься в Исландии.

— В Исландии! В Исландии среди морей!

— В Риме ты станешь твердить строки Китса, чье имя, как и все прочие имена, недолговечно.

— Я никогда не был в Риме.

— Еще многое случится. Ты напишешь наше лучшее стихотворение, элегию.

— На смерть... — не окончил я фразы, боясь назвать имя.

— Она переживет тебя.

Мы помолчали. Он продолжал.

— Ты напишешь книгу, о которой мы столько мечтали. А году в 1979 ты поймешь, что твое так называемое произведение — не что иное, как ряд набросков, разнородных набросков, и откажешься от тщеславного заблуждения — написать Великую Книгу. Заблуждения, внушенного нам «Фаустом» Гете, «Саламбо», «Улиссом». Я написал невероятно много.

— И в конце концов понял, что потерпел неудачу.

— Хуже. Я понял, что это мастерская работа в самом тягостном смысле слова. Мои благие намерения не шли дальше первых страниц; затем появлялись лабиринты, ножи, человек, считавший себя отражением, отражение, полагавшее себя реальным, тигры ночи, сражения, которые остаются в крови, Хуан Муранья, неумолимый и слепой, голос Маседонио, корабль из ногтей мертвецов, занятия староанглийским по вечерам.

— Эта кунсткамера мне знакома, — заметил я с улыбкой.

— Кроме того, ложные воспоминания, двойная игра символов, долгие перечисления, легкость в восприятии действительности, неполные симметрии, что с радостью обнаружили критики, ссылки, не всегда апокрифические.

— Ты опубликовал книгу?

— Меня посещала мелодраматическая мысль — уничтожить ее, возможно, предать огню. В конце концов я издал ее в Мадриде под псевдонимом. Книгу сочли бездарным подражанием, а автора обвинили в том, что он лишь пародирует известного писателя.

— Ничего удивительного, — вставил я. — Каждый писатель кончает тем, что превращается в собственного бесталанного ученика.

— Эта книга, в числе прочего, и привела меня сюда. А прочее — старческие немощи, убежденность, что отмеренный тебе срок прожит...

— Я не стану писать эту книгу, — заверил я.

— Станешь. Мои слова останутся в твоей памяти лишь как воспоминание о сне.

Меня раздражал его менторский тон, без сомнения, тот самый, каким я говорил на лекциях. Меня раздражало, что мы так схожи и что он открыто пользуется безнаказанностью, которую ему дает близость смерти.

Чтобы отплатить ему, я спросил:

— Ты так уверен, что умираешь?

— Да, — ответил он. — Я чувствую облегчение и умиротворение, каких никогда не испытывал. Нет слов, чтобы передать тебе мои ощущения. Можно описывать только разделенный опыт. Отчего тебя так задевают мои слова?

— Потому что мы слишком похожи. Мне отвратительно твое лицо — карикатура моего, отвратителен твой голос, жалкое подражание моему, отвратительна твоя высокопарная манера выражаться, потому что она моя.

— Мне тоже, — ответил тот. — Поэтому я решил покончить с собой.

В саду коротко пропела птица.

— Последняя, — сказал он.

Жестом он подозвал меня к себе. Его рука искала мою. Я попятился, опасаясь, что мы сольемся в единое целое.

Он сказал:

— Стоики учат: не дóлжно сетовать на жизнь, дверь тюрьмы открыта. Я всегда чувствовал это, но лень и трусость останавливали меня. Недели две назад я читал в Ла Плата лекцию о шестой книге «Энеиды». Вдруг, произнося вслух гекзаметры, я понял, что мне надобно сделать. Я принял решение. С этого момента я почувствовал себя неуязвимым. Моя судьба станет твоей, ты совершишь внезапное открытие благодаря латыни и Вергилию, полностью забыв об этом любопытном провидческом диалоге, происходящем в двух разных местах и двух разных временах. Когда ты вновь увидишь этот сон, ты станешь мною и станешь моим сном.

— Я не забуду этот сон и завтра же запишу его.

— Он глубоко запечатлеется в твоей памяти под толщей других снов. Записав его, ты захочешь превратить его в фантастический рассказ. Но произойдет это не завтра, а через много лет.

Он перестал говорить, и я понял, что он мертв. Каким-то образом и я умер вместе с ним; опечаленный, я склонился над подушкой, но на кровати уже никого не было.

Я выбежал из комнаты. Там не оказалось ни внутреннего дворика, ни мраморных лестниц, ни большой уснувшей усадьбы, ни эвкалиптов, ни статуй, ни беседки, ни фонтанов, ни широких ворот в ограде усадьбы в поселке Адроге.

Там меня ожидали другие сны.

Перевела с испанского
Валентина КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА

Григорий Померанц

ТОСКА БЕСКОНЕЧНОСТИ

Философская притча Хорхе Луиса Борхеса, написанная с редкой беспощадностью к самому себе, занимает особое место в творчестве автора. Публикуя рассказ одного из наиболее значительных писателей двадцатого века, редакция журнала хотела бы привлечь внимание читателей факту: именно фантастический поворот сюжета помог мастеру обратиться к самым острым вопросам бытия, имеющим смысл не для одного лишь Борхеса. Переоценка себя есть наиболее мучительное действо в судьбе человека. Если нашим читателям доведется переживать этот горький опыт души, надеемся, им поможет беседа философа Г. Померанца, которую записала наш корреспондент Наталия Сафронова.

Как всякое художественное создание, прекрасный рассказ Борхеса не может быть истолкован однозначно. Вспомним, что говорил Мандельштам о слове: это пучок значений, из которого смыслы торчат во все стороны. Перед нами некий облик целого, который можно поворачивать как угодно. К тому же мы имеем дело с тремя Борхесами: Борхесом-60, Борхесом-83 и Борхесом-автором, который пишет этот рассказ.

Отчаяние Борхеса-83 — от невозможности совершенства: сколько бы ни писал, он не способен создать шедевр, равный «Саламбо» или «Фаусту». Но так ли уж необходимо человеку совершенство?

Всякий человек рано или поздно задумывается над смыслом жизни. Еще двадцатилетним я столкнулся с тем, что философы называют дурной бесконечностью, правда, в то время я не имел понятия, как это называется. Просто читал Тютчева, Толстого, Достоевского, которых, оказывается, мучило нечто похожее: бесконечность пространства и времени, ощущение, что все сделанное проваливается в некую черную бездну. Значит, это не ложный и не личный только вопрос, это вопрос, который рано или поздно приходится решать каждому.

Итак, имеет ли смысл моя жизнь, именно то, что зовется моим «Я», если все проваливается в бездну пространства и времени? Никакие масштабы совершенного не меняют сути: миллион, деленный на бесконечность, такой же нуль, как деленная на бесконечность единица. Да весь земной шар проваливается в бесконечность, становится нулем. Помните чувство Левина в «Анне Карениной»? Может ли в таком случае спасти человека создание какого-то шедевра? Сам шедевр тоже будет поглощен дурной бесконечностью.

— С этим можно поспорить. Рассказ Борхеса мы с интересом «разгадываем» сегодня, когда автора уже нет. Вернемся к тому, что же могло помочь Борхесу-83.

— После месяцев созерцания бездны я обнаружил, что в глубине моего «Я» есть чувство чего-то, что значительнее бездны пространства и времени. Описать это трудно — ощущение какого-то света. Оно пришло с некоторыми интеллектуальными решениями, которыми я поначалу очень гордился, но потом узнал, что эти решения открывались, забывались и снова открывались две с половиной тысячи лет. И тут заново ничего сказать нельзя, можно только заново пережить. Постепенно, по мере осознания своего и подобных опытов, я понял: чувство жизни приходит с ощущением своей причастности вечности. Жизнь, оторванная от целого, что в известной религиозной традиции называется Богом, не имеет смысла.

Когда Христос говорит: не ищу Моей воли, но воли пославшего меня Отца, мы слышим слова человека, которому не надо думать о смысле жизни. У него нет оторванности от целостности бытия, от Бога, он избавлен от ощущения жизни, которая чувствует себя висящей над бездной на волоске. Достоевский подобное состояние выразил словами: «полюбить жизнь больше смысла ее». А поиски смысла есть свидетельство отрыва от вечности. Как побороть отчаяние, перестать ощущать тоску погружения в дурную бесконечность? Человек ищет опору и нередко находит костыли. Скажем, в романе Владимира Набокова «Защита Лужина» герой пытается «защититься» от вопроса о смысле жизни тем, что он хороший шахматист. Это дает ему иллюзорное чувство значительности всего, что он делает. Но что значат шахматы перед бесконечностью? Вообще человеческая жизнь? Если я конечен, жизнь бессмысленна, если я атом среди других атомов, рано или поздно, будучи способен мыслить, почувствую тоску бесконечности. Только восстановив целостность бытия, можно обрести чувство полноты жизни. Тогда не имеет значения, что ты делаешь.

Примерно тысячу лет тому назад китайский поэт Пан Юнь написал так: как это чудесно, прекрасно, великолепно — я таскаю воду на кухне, я подношу дрова... Подобное чувство полноты жизни знакомо каждому. Ты можешь испытать его, когда косишь траву, собираешь грибы, разжигаешь в лесу костер. Могу сказать по своему опыту: в лесу у костра это чувство всплывает во мне точно так же, как за письменным столом. Нисколько не думая о том, будет ли написанное шедевром, будет ли забыто, просто пишу как могу лучше. Сейчас это нужно мне, другим людям. А в будущем — пусть в будущем и разберутся.

Был у меня однажды любопытный сон, навеянный чтением одной балийской сказки. Герой попадает на небо Шивы, оказывается вместе с другими гостями в большом доме, где присутствует Шива. Слуги разносят великолепные яства. Я вдруг ощутил себя сидящим в самом заднем ряду; понимаю, что это рай. Чувствую ра-

дость от того, что могу как-то послужить тем, кто лучше меня. И вдруг мелькает мысль: есть, наверное, и те, кто похуже. Рай сразу же рухнул. Мне кажется, что нечто подобное испытал замечательный писатель Борхес, заставив своего персонажа, Борхеса-83, взглянуть вниз. И провалиться из рая в ад. Борхес это пережил, поэтому и родился рассказ, но, написав его, Борхес освободился от отчаяния. Так некогда Гете, создав образ Вертера, избавился от искушения самоубийства. Создание шедевра иногда может помочь автору преодолеть самое злое отчаяние. В этом личный, персональный смысл художественного творчества.

— Вы сказали, что вопрос о смысле жизни рано или поздно приходится решать каждому. Как соотнести это с реальной жизнью растерянного человека, человека смутного времени да еще с атеистическим сознанием? Писатели ранга Борхеса или Гессе читаются у нас в несколько иных социальных, культурных, семейных и прочих контекстах, чем те, в которых они творили...

— В прошлом году у меня возник диалог в письмах с одной молодой писательницей, автором весьма талантливого романа. Персонажи ее произведения как бы иллюстрировали концепцию Кальвина: одни с рождения благословенны, другие — прокляты.

Бог мыслится ею где-то вне мира с его страданиями и заботами. Наблюдая за людьми со стороны, Бог одаривает их жребиями, то ли белыми, то ли черными. Подобный Бог — и в бунте Ивана Карамазова. Но я не принимаю концепции, по которой Бог не вездесущ. Думаю, чувствую, что Бог присутствует в событиях, он может влиять на них через нас, через наши души. Поэтому он вовсе не дарит ту или иную, добрую или злую судьбу. Человек волен сам распорядиться ею, даже стать выше судьбы. Это возможно в той мере, насколько каждый прислушивается к дыханию вечности. Судьба — удел тех, кто является песчинкой «под ногами» обстоятельств или мечом в их же руках. Дыхание вечности позволяет человеку стать выше всяких обстоятельств, всегда оставаться равным самому себе. Впрочем, до известного предела. Даже Христос воскликнул, страдая на кресте: зачем ты меня оставил? Обычных же людей охватывает отчаяние по поводам куда менее значительным. Вот хотя бы как мою корреспондентку, чей роман никак не удавалось опубликовать.

В ответном письме я предложил сравнить ее и мои жизни. Вспомнил время и место, когда мне было столько же лет, сколько ей сейчас. Я тогда только что освободился по амнистии из лагеря, учительствовал в сельской школе. Двенадцать лет мое имя запрещалось упоминать в печати, первые опубликованные мною сочинения подоспели к... 70-летию автора. И вскоре людям очень понадобился как раз «опыт неудач», которым оказались богаты многие из моего поколения. И опыт нахождения внутренней опоры в жизни без внешнего успеха, без почвы под ногами, без внешней помощи Бога. Мне не удалось убедить свою корреспондентку, но сама жизнь ее подхватила. Где-то в глубине души каждого есть потайная дверь, что ведет к сердцевине собственного бытия. Открыть дверь, значит, ускользнуть от лап судьбы. Но открыть бывает трудно: едва появится маленький просвет, как дверь снова захлопывается, вход оказывается завален всяческим хламом. В суете, каждодневных заботах дверь не поддается. Но привычку открывать ее можно развить. В этом смысле помогают молитвы, медитации. Способы есть разные — созерцание красоты природы, когда что-то начинает шевелиться в груди, созерцание икон. Любовь, наконец... И такое не есть удел одних только людей с особым художественным даром.

Борхес, видимо, испытал тоску небытия, которая так мучительна была и для Толстого, пережившего жесточайшие духовные кризисы до написания «Войны и мира», во время работы над романом и после нее. Так что владение художественным даром — не спасение. Зато написавший за всю жизнь не более нескольких десятков страничек схимонах Силуан освободился от чувства пустоты. Он знал период (по его словам) богооставленности, но сумел найти силы через него пробиться.

Искусство не всегда учит добру. Марина Цветаева говорила об искусстве «при свете совести». Она ставит вопрос: кто виноват, что многие читатели «Страданий молодого Вертера» покончили с собой? Но воспринимающие искусство ответственны так же, как и художник. Важно, КАК люди воспринимают искусство.

Вовсе не обязательно художнику обладать мудростью пророка или святого. Пророки, кстати, не всегда понимали своего Бога, проповедуя его учение в меру собственного понимания. Мохаммед Мекки и Мохаммед Медины — в сущности, разные люди. Вдохновение чистым духом любви мекканского периода сменилось зависимостью от политической целесообразности.

— И все же не всякая «тварь» способна прикоснуться к целостному и вечному, найти в глубине себя средство от отчаяния. Уже затрагивалась проблема самоубийства (она есть и в рассказе, и жизни самого Борхеса), отдали дань ей русские писатели, которых Вы упоминали. Как выглядит проблема с позиций религиозной этики?

— При самых тяжелых ударах судьбы человек может бороться с этим искушением. Хотя, по правде, самоубийство нельзя считать тяжким грехом во всех случаях. Возьмем сочинения Достоевского, писателя-христианина и, несомненно, хорошо знавшего догматы православия. Разве так страшно виновата Кроткая, выбрасывающаяся из окна с иконкой в руках? Или девочка, которую растлил Ставрогин? Если слабое существо, поддавшись отчаянию, не в состоянии его вынести, неужели Бог так суров, что не примет слабого?

С другой стороны, самоубийства Смердякова, Свидригайлова, Ставрогина? Души этих людей исчерпали полностью возможность воскресения. Как остроумно заметил один малоизвестный философ: дьявол иногда уничтожает свои собственные кадры. В случаях Смердякова, Свидригайлова, Ставрогина, самоубийство — торжество демонизма. У Кроткой — иное. Порой это единственный выход из положения. Жертвует собой, чтобы развязать сложный клубок, гибельный для нескольких человек, Федя Протасов.

Вот более близкий по времени пример. 10 декабря 1943 года у хутора Ново-Россошанского была разгромлена фашистами наша дивизия. Командир и комиссар саперной роты, оба евреи, чтобы не сдаваться в плен, застрелились. Велик ли грех самоубийства, когда нет иного морального выбора?

Реальность бывает много страшнее любых прописей. Есть и религии, которые прямо предписывают такой выход. Замаривают себя голодом, чтобы не погубить какую-нибудь мушку, джайнские аскеты. Или аскеты манихейские. Выход это ложный, но к нему прибегали люди, никому не причинившие зла. Невозможно оценить все подобные случаи однозначно. Слишком сложна жизнь. Повторю: от отчаяния может спасти только воссоединение с той глубиной бытия, что заключена в каждом из нас. Иногда для этого требуются десятки лет, иногда — вся жизнь. Мне 75 лет, но сознание близкого конца нисколько не отнимает у меня радости бытия. Война, потом лагерь научили принимать жизнь такою, какова она есть. И стараться давать счастье, а не требовать его.

— Вы заметили в одной из своих статей, что мы живем в апокалиптическое время. В мрачноватых прогнозах сегодня нехватки нет, но предвидение, кажется, перестало быть литературной традицией: про-

рочеств вроде тех, что связаны с именами Хлебникова, Блока, Волошина, Маяковского и других, нет. Как вы относитесь к предвидению?

— Можно допустить, что, живя в мире, у которого есть прошлое, настоящее и будущее, мы иногда как бы соприкасаемся с их пересечением. Точнее, единством. Поэтам дано чувствовать время. Иногда этот дар слишком тяжел, как дар Кассандры. И, может быть, хорошо, что дается он отрывочно, являет будущее не слишком ясно, чтобы всегда была как бы возможность «отступления». Предвидение — не только из сферы подсознательного, оно проходит через наш ум. И, если увиденное находится за рамками нашего опыта, оно предстает в причудливых формах. Железные летающие стрекозы видел некогда Нострадамус, но не мог описать аэроплана. Леонардо да Винчи, склонный к точным наукам, оставил уверенные чертежи летательных аппаратов.

— Чем объяснить столь большую власть бесовского в России? Шигалев «со товарищи» казались литературными персонажами. У Борхеса есть мысль, что развитие истории — это повторение лишь нескольких метафор. Случившееся с Россией не есть ли метафора самоубийства?

— То, что произошло в России, вызвано, как ни странно, продолжением добрых чувств за грань разумного. Стремления к справедливости. Боли за народ. Есть старая истина: пороки — всего лишь продолжение добродетелей. Случился невероятный прыжок в утопию, хотя сама идея утопии носилась над человечеством более двух тысяч лет, начиная с Платона. Утопия не раз овладевала умами в Китае, но там ничего из этого не получалось. Как и в Иране. Получилось в России, ведь система есть и в безумии. Наверное, человечество подошло к черте, когда ему требовалось преподать урок. Такую миссию предсказывали русские философы. А прыгнуть в утопию России было легче всего: обрыв исторической традиции, не слишком благополучная жизнь массы народа. Европеец ведь гораздо прочнее «укреплен» в настоящем. А что было терять многим в России? Прыгнуть, рвануть что есть силы, — это как бы в нашем характере. В русском прыжке в утопию очень сильно это «во имя». Идеализм, надежды на быстрое счастье, счастье поровну, счастье для всего человечества. Дьявол — всегда логик.

Вылезти из тупика, в который мы сами себя загнали, тоже немыслимо без какого-то «во имя». Нам не обойтись без цели идеальной, на чистом прагматизме и расчетливости наше будущее не построить. Один урок мы дали. Сейчас требуется дать другой.

— Личность всегда ждет соотнесенности с чем-то, кем-то. Мифы старые разрушены, новые не успели родиться, то и дело слышишь: никому не верю!.. Как помочь человеку?

— Смысл жизни нельзя найти за другого. Можно показать, как ты его нашел. При общем хаосе и неудачах, ломке представлений, пиршестве зла, общей растерянности особенно важно сохранить верность себе. Самому определять свое бытие, а не покоряться идее: бытие определяет сознание. Стенать и барахтаться в потоке неудач придется до тех пор, пока достаточно большая группа людей в нашем обществе не научится опираться на самих себя. Дело не только в дурных распоряжениях правительства, ошибках и преступлениях администрации. Перекорежено все, начиная с поведения отдельного работника. Это не значит, что не имеет смысла бороться со злом во внешней жизни. Однако сегодня важнее победа над злом в собственной душе. Здесь маленький сдвиг важнее громких внешних побед.

— Есть ли у Вас целостная философская концепция? Почему русские философы довольствовались фрагментами учений, более или менее талантливыми?

— Нет у меня никакой системы. Я не думаю, что истина требует системы. Буду делать то, что считаю осмысленным и разумным. Постараюсь не терять способности видеть и признавать то, что видеть и признавать порою неприятно, тем более — доводить до конца неприятные выводы. Как это умел делать Г.П.Федотов.

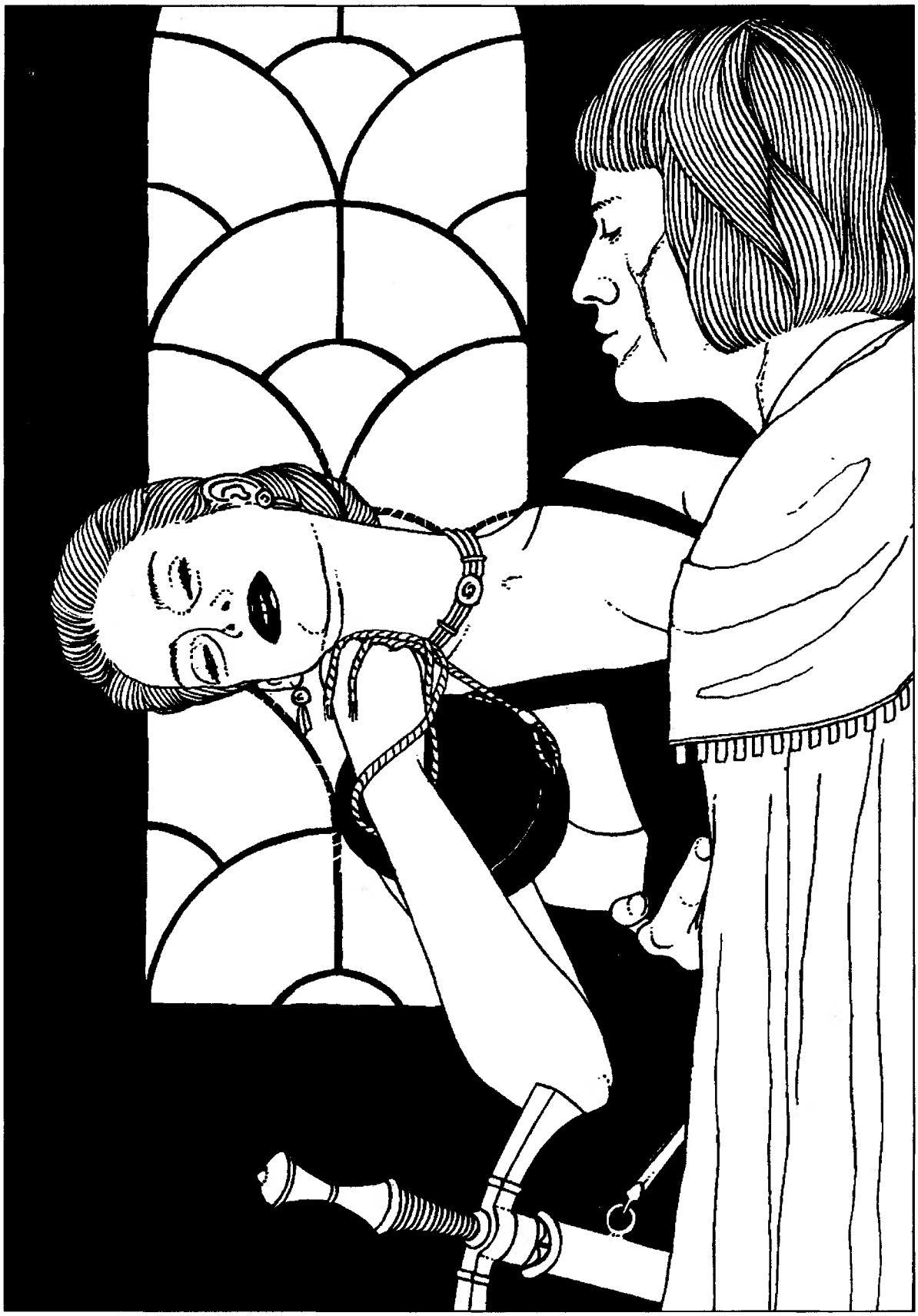
Что касается русской философии, то ведь она вся относится к сравнительно узкому историческому периоду, ко времени «концов и начал». В XX веке великие системы создавать было невозможно. Фома Аквинский или Гегель являлись отнюдь не в переломные моменты истории. Они пришли на вершине известной эпохи. Средних веков. Нового времени. Когда идет ломка — пишут, как Монтень. Весь наш век — век таких же эссеистических философий. Самое значительное — это опыт личного исследования истины, безо всякой системы, опирающийся только на внутреннее чутье, без веры в аксиомы и догмы. У философов могут быть личные принципы (как были они у Федотова), может никаких принципов и не быть (как у В.В.Розанова), но это их личные принципы или беспринципность.

В свое время, когда отечественных мыслителей отправили на пароходе в Европу, там, почитав их «фрагменты», решили, что это — экзистенциализм. Шестов не имел понятия, разрушая философскую антологию, что явится родоначальником «деконструктивизма». Русские философы всегда жили весьма интенсивно, но — в русле отрывочной мысли, свойственной XX веку. Не думаю, что здесь чисто русская особенность. Если говорить о созданиях крупных, русская культура имеет их в области литературы — роман. Но опять-таки, сейчас не время романов, которые могли создать Толстой и Достоевский. Время — эссе, «опытов», попыток, фрагментов, записок. Когда кусочек истины отвоевываешь, опираясь только на себя. Сущность современной эпохи в том, что старые формы истины обветшали, новые не сложились. Но держаться надо за самого себя, а не за поручни системы.

«Призыв «познай самого себя» имеет, видно, существеннейшее значение, если Бог знания и света начертал его на фронтоне своего храма как всеобъемлющий совет, который он мог нам дать. Платон говорит, что осуществление этой заповеди и есть следование разуму, и Сократ у Ксенофонта подтверждает это различными примерами. Трудности и темные места любой науки заметны лишь тем, кто ею овладел. Ибо нужно обладать некоей степенью разумения, чтобы заметить свое невежество, и надо толкнуть дверь, чтобы удостовериться, что она заперта. Отсюда и хитроумное платоновское положение, что знающим незачем познавать, раз они уже знают, а не знающим тоже незачем, ибо для того, чтобы познать, надо разуметь, что именно познаешь. Точно так же обстоит с познанием самого себя. Каждый знает, что в этом отношении у него все в полном порядке, каждый думает, что отлично сам себя понимает, но это-то и означает, что решительно никто сам о себе ничего не знает...»

Мишель Эйкем де Монтень.

«Об опыте».



СБОР ДАННЫХ

Марион Брэдли

Меч Алдонеса

Глава I

Мы обгоняли ночь.

«Южный Крест» совершил посадку на Дарковер в полночь. Я тут же пересел на лайнер, который должен был перенести меня в другое полушарие; прошел всего час, а в воздухе уже разливалось красноватое сияние — предвестник зари. Пол огромного корабля чуть накренился — мы начали снижение над приближающимися западными отрогами Хеллерса.

Шесть лет я скитался по другим планетам; я побывал в десятке других звездных систем; теперь я возвращался домой. Но никаких восторгов по этому поводу не испытывал. Ни ностальгии, ни возбуждения, ни даже сожаления. Я не хотел возвращаться на Дарковер, но и отказаться у меня не хватило духу.

Шесть лет назад я покинул Дарковер, чтобы никогда не возвращаться. Отчаянное послание Регента, направленное мне вдогонку, побывало на Терре, зовущейся также Землей, на Самарре, на Вэйнуоле. Это стоит огромных денег — послать персональное сообщение в другую галактику, даже по земной системе релейной связи, — но старый Хастур, Регент *Комина,* Лорд Семи Провинций не посчитался ни с чем. Просто отдал приказ. Однако я так и не понял, зачем я им вдруг понадобился. Все они были только рады избавиться от меня, когда я покидал планету.

Я отвернулся от окна, в которое просачивался бледный свет, и закрыл глаза, прижав ладонь здоровой руки к виску. Пассажиров космических кораблей при межзвездных перелетах обычно накачивают мощными седативами. Сейчас действие лекарства, которое вкатил мне корабельный врач, было на исходе; мною овладевала усталость, ослабляя защитные барьеры и пропуская тонкие струйки раздражающих телепатических сигналов.

Я уже ощущал на себе взгляды других пассажиров, брошенные исподтишка; их явно интересовало мое покрытое шрамами лицо, моя культя в подвернутом рукаве; но больше всего их интересовало, кто я такой и что собой представляю. Явный телепат. Выродок. И явно из рода Элтонов — одного из Семи Великих Родов, входивших в состав Комина, наследственной автаркической группы, которая правила Дарковером уже тогда, когда наше солнце еще и не собиралось гаснуть и превращаться в «красного карлика».

Да, из Элтонов, но все-таки не совсем такой, как другие. Мой отец, Кеннард Элтон, — теперь об этом знал любой мальчишка на Дарковере — позволил себе нечто почти позорное. Он женился — официально, соблюдая торжественную ларанскую церемонию, — на земной женщине, представительнице ненавистной Империи, которая покорила всю обитаемую Галактику.

Он обладал достаточной властью, чтобы заткнуть рот любому. Он был нужен правителям Комина. После старого Хастура он стал в Комине самым могущественным человеком. Ему даже удалось заставить их смириться с моим появлением на свет. Но все они были просто счастливы, когда я покинул Дарковер. И вот теперь я возвращался обратно.

Передо мной сидели двое землян. Вид у них был профессорский: наверное, из тех исследователей, что проводили разведку и картографирование планеты; сейчас они, видимо, возвращались из отпуска. Они обсуждали старую, как мир, проблему происхождения и взаимовлияния культур.

— Возьмите тот же Дарковер, — донеслись до меня слова одного из собеседников. — Планета на ранней стадии феодализма, стремится приспособиться к культурному влиянию Земной Империи...

Я утратил к ним интерес. Просто удивительно, что многие земляне все еще считают Дарковер феодальной, даже варварской планетой. Только потому, что мы предпочитаем — всего лишь предпочитаем! — ездить на лошадях и на мулах, не тратим времени попусту на постройку шоссе и равнодушны к иноземным машинам и оружию. Только потому, что Дарковер, связанный старинными Соглашениями, не желает рисковать возвратом ко временам войн и массовых убийств с использованием этого оружия трусов, поражающего с дальнего расстояния. Соглашения — закон для всех планет Лиги Дарковера и для всех цивилизованных миров вне ее. Тот, кто намерен убить, должен и сам находиться в пределах досягаемости. Можно сколько угодно пренебрежительно отзываться о code duello* и о феодализме вообще. Я не раз все это слыхал, будучи на Терре. Однако не покажется ли вам более цивилизованным убить своего врага в рукопашной схватке мечом или ножом, нежели поразить тысячи незнакомых людей с безопасного для вас расстояния?

Население Дарковера все еще способно было устоять — тверже, чем многие другие планеты — перед блеском и соблазнами Империи. Она покоряла новые миры отнюдь не силой оружия, а хладнокровно ждала, когда местная культура попросту рухнет под напором земной и планета добровольно превратится в одно из новых звеньев гигантской, чудовищной, суперцентрализованной системы, поглощающей миры один за другим.

Дарковер держался. Пока.

Человек, сидевший у пилотской кабины, встал и направился ко мне. Не спрашивая разрешения, он занял свободное кресло рядом.

— Комин? — Это был даже не вопрос, скорее утверждение.

* *Дуэльный кодекс (лат.).*

Человек был высок и крепок; скорее всего горец, кауэнга с Хеллерса. Его взгляд чуть дольше, чем допускали приличия, задержался на моих шрамах и на пустом рукаве. Потом он кивнул.

— Так я и думал, — ответил он сам себе. — Вы тот самый парень, который был замешан в истории с Шаррой.

Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо. Шесть лет я пытался забыть об этом мятеже. И о Марджори Скотт. Но шрамы на моем лице останутся навсегда.

— Кем бы я тогда ни был, — резко ответил я, — теперь я уже не тот. И вообще, я вас не помню!

— Ды вы еще и из Элтонов! — В его голосе слышалась насмешка.

— Несмотря на все ужасы, которые о нас рассказывают, — произнес я, — Элтоны не шляются без дела, читая чужие мысли. Прежде всего, это довольно трудно. Во-вторых, головы большинства людей забиты всякой мерзостью. А в-третьих, нам на них просто наплевать.

Он рассмеялся.

— Я и не думал, что вы меня узнаете, — сказал он. — Когда я видел вас в последний раз, вы были напичканы лекарствами и почти ничего не соображали. Я тогда сказал вашему отцу, что руку вы в конце концов все равно потеряете. Мне жаль, что так оно и случилось. — Никакого сожаления в голосе его не чувствовалось. — Я Дайан Ардис.

Теперь я его вспомнил. Горский князь, с дальних отрогов Хеллерса. Между нашими родами никогда не было особой приязни, хотя оба они входили в Комин.

— Вы летите один, мой юный Элтон? А где же ваш отец?

— Мой отец умер на Вэйнуоле.

— Ну что ж, добро пожаловать домой, Элтон из Комина!

Официальный титул, произнесенный вслух, прозвучал, как свист бича. А он лишь равнодушно посмотрел в светлеющий прямоугольник окна.

— Скоро посадка в Тендаре. Нам ведь по пути?

— Меня должны встретить.

Никто меня не должен был встречать, но мне не хотелось затягивать общение с ним. Дайан невозмутимо поклонился.

— Тогда встретимся в Совете, — произнес он. Затем добавил лениво и небрежно: — Хорошенько присматривайте за своими вещами, Элтон из Комина. Здесь, несомненно, найдутся люди, которые все еще желают вернуть себе *Талисман Шарры*.

Он повернулся на каблуках и пошел к своему креслу. А я остался сидеть, совершенно потрясенный, с ватными ногами. Проклятье! Он что же, читал мои мысли? Откуда он мог узнать о матрице? Чертов кауэнга! Мой мозг все еще был затуманен прокаламином, так что этот тип вполне мог проникнуть сквозь мои телепатические барьеры , а я этого и не заметил! Однако способен ли член Комина на подобную низость?!

Я бросил вслед ему яростный взгляд, начал было подниматься с кресла, но тут же упал обратно: лайнер быстро терял высоту. Загорелось табло: пристегнуть ремни. Я долго копался с пряжкой, мысли путались.

Он все-таки заставил меня вспоминать! Заставил вспомнить, почему я покинул Дарковер шесть лет назад, сломанный морально и изувеченный физически на всю жизнь. Раны, которые почти залечило время, заныли вновь, когда он произнес это слово — Шарра.

Полукровка, бастард, член Комина только в силу особой милости, поскольку у моего отца не было других сыновей, в жилах которых текла бы чистая кровь Дарковера, я легко поддался на уговоры мятежников, восставших под знаменем Шарры. Шарра — легенда именовала ее богиней, ставшей демоном, — навечно закованная в золотые цепи и призываемая с помощью огня. Я сам видел те огни и, пользуясь своими телепатическими способностями, пытался призвать на помощь могущество Шарры.

Алдараны, еще одно семейство Комина, подвергшееся изгнанию за свои связи с Террой, стали во главе мятежа. А я был родственником Белтрана, Лорда Алдарана.

Лица людей, которых я хотел бы забыть, чередой поплыли перед моим внутренним взором, причиняя моей душе неимоверные страдания. Человек по имени Кадарин, главарь мятежников, прирожденный лидер, тот, кто убедил меня присоединиться к восставшим под знаменем Шарры. Семейство Скоттов: вечно пьяный Зеб Скотт, который нашел Талисман Шарры, и его дети. Юный Рейф, который повсюду сопровождал меня, своего героя; Тайра — с глазами дикого зверя на девичьем лице. И Марджори...

Марджори! Время словно повернуло вспять. Испуганная девушка с мягкими каштановыми волосами и золотисто-янтарными глазами... Ее лицо будто приблизилось ко мне в странных отсветах времени. Вот она, смеясь, идет по улицам города, который теперь превращен в руины, а в руке у нее гирлянда золотых цветов...

Я с усилием оторвался от этих воспоминаний. Ничто уже не поможет. Былого не вернешь. Грохот тормозных реактивных двигателей оглушил; сквозь окно я уже мог разглядеть приземистые башни Тендары, розовеющие в лучах зари. Потом за окном мелькнул небоскреб, в котором размещалась администрация Империи, потом показались сияющие белизной здания космопорта. Я почувствовал толчок, удар — и мы приземлились. Я судорожно расстегнул привязной ремень. Интересно, куда подевался этот Дайан?..

Оглядевшись, я так и не заметил его. На летном поле толпилось множество народу — гуманоиды с тридцати планет, смешение сотен языков и наречий. Желая вырваться из этой круговерти, я внезапно налетел на тоненькую девушку, одетую в белое.

Она покачнулась и едва не упала. Я сделал движение, чтобы поддержать ее.

— Простите, пожалуйста, — сказал я на межгалактическом. — Я так спешил... — И только тут я глянул ей в лицо.

— Линнел! — меня охватила радость. — Как ты тут оказалась? — Я неловко обнял ее и прижал к себе, похлопав по спине. — Уж не меня ли ты встречаешь? А как выросла, сестренка!

— Прошу прощения! — Это было произнесено совершенно ледяным тоном. Ошеломленный, я тут

же отпустил ее. Да, она говорила на языке Дарковера, однако у местной девушки просто не могло быть такого акцента... С изумлением, почти с ужасом я смотрел на нее.

— Извините меня, — ко мне вернулся дар речи. — Мне показалось... — Я все продолжал в упор ее рассматривать. Высокая девушка, очень светлая кожа, нежный овал лица, сужающийся к подбородку, мягкие темно-каштановые волосы и нежные серые глаза. Правда, сейчас они не были нежными — они горели гневом.

— В чем дело?

— Извините, — запинаясь, пробормотал я. — Мне показалось, что вы — одна из моих кузин.

Она холодно пожала плечами, что-то пробормотала и пошла прочь. Я следил за ней взглядом. Как похожа! Фантастика! И дело не только во внешнем сходстве — это же просто зеркальное отражение моей двоюродной сестры Линнел Эйлард! Даже голос тот же!

Легкая рука опустилась мне на плечо, и я услышал веселый женский голос:

— Как тебе не стыдно, Лью! Так напугать бедную Линнел! Она проскочила мимо меня, даже не поздоровавшись! Ты что, так долго странствовал, что совсем отвык от хороших манер?

— Дио Райднау! — воскликнул я, пораженный.

Передо мной стояла миниатюрная смеющаяся девушка. Пушистые золотистые волосы рассыпались по плечам, серо-зеленые глаза полны лукавства.

— А я думал, что ты на Вэйнуоле, — добавил я.

— Когда ты со мной прощался, то, видно, решил, что я останусь там навечно и буду плакать по тебе! — произнесла она дерзко. — Вот уж нет! Путешествовать в космосе умеют не только мужчины. Вот так, Лью Элтон! Я тоже имею право заседать в Совете Комина, если у меня возникнет на то желание. Так с какой стати мне было оставаться и спать одной в широченной постели? — Она засмеялась. — Ох, Лью, ты бы видел сейчас свое лицо! Да что с тобой?

— Если это не Линнел, — сказал я , — то кто же?

Дио оглянулась вокруг, но девушка, так похожая на Линнел, уже исчезла в толпе.

— А где же мой дядя? — спросила Дио. — Ты что, опять поссорился с отцом, Лью?

— Нет! — резко ответил я. — Он умер на Вэйнуоле! — Интересно, они что, на Дарковере и не слыхали об этом? — Если бы не его смерть, я бы вряд ли здесь оказался!

С лица Дио тут же исчезло радостное выражение.

— Ох, Лью! Прости, я не знала...

Она вновь коснулась моей руки, но я не принял ее сочувствия. Дио Райднау — это гремучая смесь, во всяком случае, тогда было так. Но сейчас я вовсе не стремился к пробуждению прежних чувств. Похоже, у меня здесь и без женщин будет предостаточно неприятностей.

Однако я снова не сумел поставить телепатический барьер. Бледное лицо Дио вспыхнуло; она вдруг закусила губу, резко развернулась и почти бегом бросилась прочь.

— Дио! — крикнул я ей вслед, но в этот самый момент кто-то окликнул меня по имени.

— Лью! Лью Элтон!

Я увидел стройного темноволосого юношу в одежде землян. Он улыбался.

— Лью! Добро пожаловать домой!

А я никак не мог вспомнить, кто это и как его зовут.

Вроде бы я его знал. И он знал меня. Но я стоял, как столб, памятуя о том, как обознался с Линнел. Юноша рассмеялся.

— Ты что, не узнаешь меня?

— Клянусь адом Зандру! — воскликнул я. — Уж не Мариус ли ты?

— А что, разве не похож?

Я все еще не верил. Мариус, мой младший брат! Его рождение стоило жизни нашей матери... И как я не узнал собственного брата?

Он смущенно улыбался мне. Я немного пришел в себя.

— Извини, Мариус. Ты был совсем ребенком и так здорово изменился... Ну...

— Поговорим потом, — быстро произнес он. — Тебе надо пройти таможню и все прочее. Я просто хотел первым тебя встретить... Что с тобой, Лью? Ты нездоров?

Я тяжело оперся на его напрягшуюся под моим весом руку. Головокружение наконец прошло.

— Это все прокаламин, — объяснил я. В его глазах засветилось понимание. — На космических кораблях всех пассажиров перед полетом накачивают прокаламином, чтобы легче перенесли перегрузки и не развалились на составляющие. А у меня еще и аллергия на препарат.

Я перехватил его искоса брошенный взгляд и помрачнел еще больше.

— Что, я так скверно выгляжу? Конечно, когда ты меня видел в последний раз, вторая рука была еще цела, да и лицо не исполосовано. Что ж, можешь теперь рассматривать, сколько влезет...

Он тут же отвел взгляд, но я крепко взял его за плечи и повернул к себе.

— Смотри, смотри, я ничего не имею против, — предложил я, смягчившись. — Лучше так, чем все время коситься на меня украдкой. Ты что, черт побери, думаешь, я не замечаю этих твоих взглядов?

Он немного расслабился и с минуту изучал мое лицо. Затем улыбнулся.

— Да, не очень красиво. Но ты ведь никогда не был красавцем, насколько я помню. Ладно, пошли.

Я посмотрел на небоскреб имперской администрации, затем на высокие здания Торгового Города. За ними вдали виднелись зубчатые отроги горного массива, а над равниной возвышался Замок Комин, над которым доминировал длинный шпиль Башни Хранительниц.

— Совет Комина уже собрался в Тендаре?

Мариус отрицательно помотал головой. Я все еще никак не мог привыкнуть к мысли, что передо мной мой брат. Я не чувствовал этого.

— Нет, — сказал он, — они намерены собраться в Закрытом Городе. Лью, ты, случайно, не привез с Терры никакого оружия?

— Черт, конечно, нет. На что оно мне? К тому же оружие считается контрабандой.

— Значит, ты прибыл совсем без оружия?

— Да. На большинстве планет Империи запрещается носить оружие, так что я утратил эту привычку. Почему это тебя так интересует?

— Я достал себе оружие в прошлом году, — хмуро сказал он. — Переплатил за него вчетверо. Я думал... Погоди, это же тебя вызывают по внутренней трансляции!

Действительно, голос из динамика выкликал мое имя. Я медленно направился к низкому белому зданию таможни. Мариус плелся сзади. Он кивнул дежурному офицеру и прошел внутрь. Мой багаж уже был на транспортере. Чиновник взглянул на меня безо всякого интереса.

— Льюис Элтон-Кеннард-Монтре-Элтон? Прибыл в Порт-Чикаго на «Южном Кресте»? Техник?

Я отвечал утвердительно; потом показал ему пластиковую карточку — мое удостоверение техника по матрицам.

— Придется проверить через главный компьютер, — заявил терранский чиновник. — Это займет часа два. Мы вас потом вызовем.

Затем он достал готовый бланк декларации:

— Готовы ли вы официально засвидетельствовать и подтвердить, что в вашем багаже нет дезинтеграторов, бластеров, ядерных изотопов, наркотиков, а также опьяняющих и легко воспламеняющихся веществ?

Я подписал декларацию. Он включил экран аппарата для просвечивания багажа; на экране ничего не появилось — я был уверен, что так оно и будет. Все, что он перечислил, производилось на Терре; по официальному соглашению с Хастурами Империя брала на себя обязательство не допускать проникновения подобных вещей на планеты Лиги Дарковера и вообще куда бы то ни было, помимо Торговых городов. Все это считалось здесь контрабандой и перед доставкой помечалось радиоактивными изотопами.

— Желаете что-нибудь предъявить для досмотра?

— У меня есть бинокль земного производства, фотоаппарат и полбутылки вэйнуолского фири, — заявил я.

— Давайте посмотрим.

Он открыл мои чемоданы. Я почувствовал, как внутри все напряглось. Именно этого я и опасался.

Может, надо было дать ему взятку? Но это означало — если он окажется честным — штраф и занесение в черный список. На такой риск я пойти не мог.

Он мельком глянул на фотоаппарат и бинокль. Оптика с Терры — предмет роскоши, и ее всегда облагают высокими таможенными пошлинами.

— Пошлина в десять рейс, — заявил он, отодвигая в сторону стопку одежды. — Если фири меньше десяти унций, тогда ввоз бесплатный. А это что такое?

Я думал, что прокушу себе губу, когда он схватил этот сверток. Казалось, сердце сжала чья-то рука. С трудом сглотнув, я сказал:

— Не трогайте!

— Какого... — он извлек сверток из чемодана. Мне словно гвоздь вогнали в череп. Он начал разворачивать сверток: — Контрабандное оружие, а? Вы... черт, да это же меч!

У меня перехватило дыхание. Синие кристаллы на рукояти словно подмигивали мне. Вид чужой руки, сжимавшей мой меч, причинял мне невыносимые страдания.

— Это... семейная реликвия. Досталась мне по наследству.

Он странно посмотрел на меня.

— Ну, ладно, ладно. Я просто хотел убедиться, что это не контрабандный бластер или что-нибудь в этом роде.

Он вновь завернул меч в кусок шелка, и я наконец смог перевести дыхание.

Мариус уже ждал меня. Мы двинулись к стоянке флаеров.

Глава II

Гостиница «Небесная гавань», на редкость безвкусно обставленная и дорогая, мне совершенно не понравилась, однако здесь явно не грозила встреча ни с кем из членов Комина, и это было самое главное. Нас проводили в два маленьких кубических помещения, которые на Терре-Земле именуют комнатами.

Я привык к подобным жилищам и чувствовал себя вполне сносно. Но, запирая двери, с внезапной тревогой повернулся к Мариусу:

— Клянусь адом Зандру, вылетело из головы! Тебе здесь не будет плохо?

Я вспомнил, что жители Дарковера совершенно не переносят всех этих дверей, запоров и вообще — малых замкнутых пространств. Я и сам пережил ужасные, удушливые приступы клаустрофобии, преследовавшей меня на Земле в течение первых лет. На Дарковере все комнаты имеют полупрозрачные стены и отделены друг от друга лишь тонкими панелями или занавесями, а по большей части — просто мощными световыми барьерами.

Но Мариус, казалось, чувствовал себя легко и свободно. Он удобно устроился на некоем предмете меблировки столь модернистского дизайна, что трудно было сказать, кровать это или кресло. Я пожал плечами. Что ж, сам я научился бороться с клаустрофобией, значит, смог и он.

Я принял ванну, побрился и небрежно скатал в комок большую часть терранской одежды, которую носил во время перелета. Вещи были удобные, но явиться в них на Совет Комина было невозможно. Я надел штаны из замши, сапоги с короткими голенищами и ловко зашнуровал алый камзол, лишний раз продемонстрировав умение обходиться одной рукой. Я все еще испытывал некоторый комплекс неполноценности по этому поводу. Короткий плащ традиционных цветов рода Элтонов скрывал мое увечье. Я почувствовал себя так, словно сменил кожу.

Мариус бесцельно бродил по комнате. Я по-прежнему не ощущал исходящих от него знакомых, привычных, родственных биотоков. Я вроде бы смутно припоминал его голос и манеры, но ощущения близости, свойственного телепатам из родов, входящих в Комин, не возникало. Интересно, он чувствует то же самое или нет? А может, это просто воздействие прокаламина?

Я растянулся на постели, закрыл глаза и попробовал заснуть. Но даже тишина мешала мне. После восьми дней в космосе под непрерывный вой двигателей при постоянном отупляющем действии седатива в крови... В конце концов я сел и придвинул к себе один из своих чемоданов — тот, что поменьше.

— Мариус, сделай мне одно одолжение.

— Конечно. Какое именно?

— Я все еще тупой от прокаламина. Сумеешь открыть матричный замок?

— Если он несложный.

С таким замком справился бы даже нетелепат, настроив свой мозг на довольно простой психокинетический код, излучаемый кристаллом матрицы, который не давал замку открыться.

— Совсем несложный, просто он настроен на меня. Войди со мной в контакт, и я передам тебе код.

Ничего необычного в этой просьбе не было — во всяком случае для членов одной семьи телепатов. Однако во взгляде его я прочел панический страх. Я удивленно уставился на него. Но потом улыбнулся. В конце концов Мариус меня почти не знает. Он был совсем ребенком, когда я уехал, так что теперь, надо полагать, видит во мне почти что чужака.

— Ох, ну ладно. Я сам.

Я вошел с ним в телепатический контакт, легко, чуть заметно коснувшись самого поверхностного слоя его мыслей и одновременно представив себе код матричного замка. Однако мозг Мариуса оказался полностью заблокирован, словно он был вообще с иной планеты и уж во всяком случае не телепат. Я удивился, почему-то почувствовав себя чрезвычайно уязвимым, незащищенным, как будто лишенным кожи.

Впрочем, откуда у меня уверенность, что Мариус должен быть телепатом? У детей до определенного возраста эта способность проявляется слабо, а он был совсем малышом, когда я покинул Дарковер. Он слишком многое унаследовал от нашей матери-землянки. Так что телепатические способности в нем могли и не проявиться.

Он поставил открытый чемодан на кровать. Я достал оттуда небольшой квадратный футляр и протянул ему.

— Не самый лучший подарок, но по крайней мере я помнил о тебе.

Он неуверенно открыл футляр и взглянул на лежавший в нем бинокль, сверкающий линзами и совершенно чуждый на этой планете. На лице у Мариуса появилось странное выражение смущения и растерянности, когда он взял бинокль в руки. Затем, не сказав ни слова,он положил его обратно в футляр. Я почувствовал смутное раздражение. Я не ожидал горячей благодарности, но он мог хотя бы сказать спасибо. Об отце он тоже не спросил.

— Земляне делают потрясающую оптику, — произнес он, немного помолчав.

— Да, линзы обтачивать они умеют. И еще строить космические корабли. И это, пожалуй, все.

— И еще они умеют воевать, — добавил он, но я не поддержал подобного разговора.

— Я тебе сейчас еще фотокамеру покажу. Только не спрашивай, сколько она стоила, все равно не скажу. А то ты еще подумаешь, что я совсем с ума сошел.

Я рылся в чемоданах, а Мариус сидел рядом, разглядывая то, что я доставал, и задавая вопросы. Он явно заинтересовался содержимым моего багажа, но почему-то хотел это скрыть. Интересно, почему?

Наконец я извлек длинный сверток — меч. Когда я к нему прикоснулся, у меня сразу возникло знакомое ощущение отвращения и удовольствия...

Пока я был вне Дарковера, матрица оставалась как бы мертвой. Она словно спала. А теперь, скрытая между клинком и рукоятью нашего фамильного меча, матрица ожила. И заставила меня задрожать. Вне Дарковера это был просто обычный кристалл, но теперь, подобно живому существу, он наполнился странной, могучей и живительной энергией.

Как правило, матрицы совершенно безопасны. Это всего лишь металлические или каменные пластины, способные отзываться на сигнал, поданный на психокинетической волне определенной длины, заставляющий их излучать энергию. Матричная механика, что бы ни думали о ней земляне, это просто наука, освоить которую может каждый. Самый обычный специалист по матрицам способен научиться излучать необходимые психокинетические сигналы вне зависимости от своих врожденных телепатических данных. Конечно, телепатам этого достичь гораздо легче, особенно в высших сферах матричной механики.

Но то была МАТРИЦА ШАРРЫ! Настроенная не только на телепатические центры мозга, но на всю нервную систему, центральную и периферийную.

И обращаться с нею было опасно. Матрицы такого типа по традиции прячут в каком-либо оружии. Впрочем, матрица Шарры сама была страшным оружием. И лучше всего было спрятать ее в рукояти меча. Или еще лучше — в литиевой бомбе. В такой бомбе, которая могла бы взорваться и уничтожить и эту матрицу... и меня вместе с нею...

Мариус неотрывно смотрел на меня. Лицо его застыло от ужаса. Он весь дрожал.

— Это же матрица Шарры! — шепотом произнес он, едва разжимая губы. — Зачем она тебе, Лью? Для чего?

Я повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь, что это такое?... — хрипло спросил я.

Ему никогда и никто не рассказывал об этом. Такое решение принял отец. Я встал. Подозрительность вновь овладела мною. Но я не успел договорить. Меня прервал внезапный сигнал интеркома. Мариус взял трубку. Потом протянул ее мне.

— Это официальный запрос, Лью, — тихо произнес он.

— Третий департамент, — раздался в трубке четкий, бесстрастный голос, когда я назвал себя.

— Ад Зандру! — пробормотал я. — Так скоро? Нет-нет, продолжайте, это я не вам.

— Официальное уведомление, — услышал я монотонную речь. — Мы получили официальное заявление о намерении убить в честном поединке некоего Льюиса Элтона-Кеннарда-Монтре-Элтона. Заявитель назвал себя Робертом Рэймоном Кадарином. Адрес неизвестен. Уведомление представлено в соответствии со всеми юридическими нормами. Прошу подтвердить получение или представить юридически приемлемый отказ с объяснением причин.

Я с трудом проглотил застрявший вдруг в горле комок.

— Уведомление принял, — наконец произнес я и повесил трубку. Меня прошиб пот. Мариус подошел и сел рядом.

— Что случилось, Лью?

Сердце щемило, и я растер грудь рукой.

— Я только что получил уведомление о намерении убить меня.

— Черт! Уже? От кого?

— Ты его не знаешь. — Мои шрамы на лице вдруг свело судорогой. Кадарин! Предводитель восставших под знаменем Шарры! Когда-то мой друг, теперь заклятый враг. Да, он не терял времени даром. Сразу призвал решить наш старый спор. Интересно, а он знает, что я потерял руку? До меня с запозданием, как сквозь туман, дошло, что это как раз вполне законная и приемлемая причина для отказа. Я попытался успокоить взволнованного Мариуса.

— Не обращай внимания. Кадарина я не боюсь. Это же будет честный поединок. А он не слишком хорошо владеет мечом. Он...

— Кадарин! — еле выдавил Мариус. — Но ведь Боб обещал...

«Боб!» Мои пальцы так и впились в его руку.

— Откуда ты знаешь Кадарина?

— Сейчас я все объясню, Лью. Я не...

— Тебе многое придется мне объяснить, братишка, — резко сказал я. Но тут кто-то постучал в дверь.

— Не открывай! — крикнул Мариус.

Но я быстро подошел к двери и открыл ее. В комнату ворвалась Дио Райднау.

Со времени стремительного исчезновения из космопорта, она успела переодеться в мужской костюм для верховой езды, который был ей великоват. Девушка смотрела на меня взглядом рассерженного и воинственно настроенного ребенка. Вбежав, она остановилась и уставилась на Мариуса.

— Какого...

— Ты знакома с моим братом? — нетерпеливо спросил я.

Дио словно приросла к полу.

— Это твой брат? — выдохнула она наконец. — Ну знаешь, тогда я тоже — Мариус!

Я недоверчиво смотрел на Дио. Она в раздражении топнула ногой.

— Да посмотри же, какие у него глаза! Лью, идиот проклятый, посмотри внимательно!

Мой «брат» стремительно бросился к двери, но наскочил на нас с Дио. Дио просто отлетела в сторону, а я упал на колени, не сумев сохранить равновесие. Глаза! У Мариуса — теперь я точно вспомнил! — глаза были, как у нашей матери-терранки. Темно-карие. У жителей Дарковера просто не бывает карих или черных глаз. А у этого... этого самозванца глаза были золотисто-янтарные. Лишь у двух людей я видел такие глаза. У Марджори и ...

— Рейф Скотт!

Значит, это брат Марджори! Неудивительно, что он меня узнал, неудивительно, что я ощущал что-то знакомое в исходящих от него биотоках. Я тоже помнил его, хотя тогда он был еще совсем мальчишкой.

Он попытался вновь прорваться к двери, но я схватил его за руку. Его крутануло вокруг меня. Он стал вырываться, наши тела сплелись. Захрустели кости.

— Где мой брат? — орал я.

Потом я сделал подножку, и мы рухнули на пол.

Он ведь ни разу не сказал, что он — Мариус. Он просто не отрицал этого, когда я сам так подумал...

Я прижал его коленом к полу.

— Что ты затеял, Рейф? Отвечай!

— Пусти меня, черт бы тебя побрал! Я все объясню!

В этом я ни секунды не сомневался. Как ловко он удостоверился в том, что у меня нет оружия. И я хорош! Надо было предвидеть такой поворот. Следовало побольше доверять собственным инстинктам. Я же не чувствовал в нем своего брата! И он не спросил об отце. И был смущен, когда я подарил ему бинокль.

— Лью, — сказала Дио, — может быть...

Но прежде чем она закончила, Рейф вдруг вывернулся из-под меня, бесцеремонно отшвырнул Дио в сторону и успел выскочить вон, прежде чем я встал на ноги.

Я тяжело дышал.

— Ты не ранен? — спросила Дио. — Не хочешь попробовать его догнать?

— Не ранен и не хочу, — ответил я. Пока не станет ясно, зачем Рейфу понадобилось столь неуклюже меня обманывать, искать его не имело смысла. Но где же, между прочим, настоящий Мариус?

— М-да, — заметил я, обращаясь даже не к Дио, а просто в пространство, — с каждой минутой ситуация становится все более идиотской. А ты-то какое отношение имеешь ко всему этому?

Она уселась поудобнее и посмотрела на меня:

— А ты сам как думаешь?

Тут я пожалел, что не могу вторгнуться в ее мысли. На то была своя причина. Здесь, на Дарковере, Дио была подлинной *коминарой,* обладая исконными правами на огромные владения семейства Райднау. А кто такой я? Полукровка, выродок, последыш ненавистных завоевателей. Любая неприятность с Дио может навлечь на мою голову гнев и месть всех Райднау, а их немало.

Да я и сам желаю ей только добра. Я на всю жизнь сохраню чувство благодарности к этой девушке. Утрата Марджори была для меня серьезней, нежели потеря руки. И мрак, воцарившийся в изломанной душе, был чернее той ночи, когда разъяренные банды восставших под знаменем Шарры рыскали по холмам в поисках добычи. А она впорхнула в мою жизнь, прелестная, страстная, своенравная. И рассеялась тьма, и пришло исцеление...

Любовь? Нет, вряд ли. Скорее, полное взаимопонимание и чувство надежности. Я мог доверить ей все — имя, репутацию, состояние, здоровье, даже жизнь.

Что же касается ее братьев, то положиться на них я не мог. Но и ссориться с ними тоже не имел права. Во всяком случае пока. Как объяснить это Дио, не задевая ее чувств? Ну, например, то, что ее визит ко мне может быть превратно истолкован семейством Райднау. Доказывай потом, что все было совершенно невинно. Впрочем, откровенно говоря, я и сам бы за это не поручился.

— Понимаю, — бросила в ответ на мои бормотания Дио. А я разозлился, потому что ни черта она не понимала.

Ее рассеянный взгляд упал на длинный сверток, лежавший на постели. Она нахмурилась и подняла его.

Нет, это была не боль, не совсем боль. Просто я почувствовал сильное напряжение, словно кто-то натянул мои нервы. Я издал беззвучный вопль, и Дио уронила меч, как обожглась. Она уставилась на меня, раскрыв рот.

— В чем дело?

— Я... мне трудно объяснить... — Я несколько минут стоял, глядя на сверток. — Надо бы как-нибудь сделать так, чтобы с ним было безопасно обращаться. И для того, кто берет его в руки, и для меня.

Я начал рыться в багаже, разыскивая набор инструментов для работы с матрицами. У меня еще оставалось немного специальной изоляционной ткани, но здесь, на Дарковере можно заказать еще. Я обернул этой тканью в несколько слоев рукоять меча и гарду , пока исходящий от матрицы жар не ослабел.

Потом я протянул сверток Дио. Она прикусила губу, но взяла его. Мне опять стало больно, но теперь уже боль была вполне переносимой.Скорее небольшое ноющее напряжение во всем теле.

— Зачем ты оставил такую мощную матрицу неизолированной? — требовательно спросила Дио. — И вообще, почему ты позволил, чтобы тебя настроили на ее волну?

Хорошие вопросы — прямо в точку, особенно последний. Но именно на него я не стал отвечать.

— Изоляция насторожила бы таможню. А старинный меч никого не смутил.

— Лью, я все же не понимаю...— беспомощно пролепетала она.

— И не пытайся, моя дорогая, — ответил я. — Чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя. Здесь не Вэйнуол. И я не совсем тот, каким ты меня знала прежде.

Ее мягкие губы задрожали. Еще минута, и я заключил бы ее в объятия... Но тут кто-то снова забарабанил в дверь.

А я-то рассчитывал, что здесь меня никто не найдет!

— Наверное, кто-то из твоих братьев, — с горечью сказал я, отходя от Дио. — И теперь мне вручат еще одно уведомление о дуэли...

Я шагнул было к двери, но она остановила меня:

— Подожди, — прошептала она настойчиво. — Возьми вот это.

Я, не понимая, смотрел на то, что она протягивала мне. Это был небольшой пистолет, одно из тех современных средств поражения, которые выпускали на Терре. Миниатюрная вещица, способная причинить чудовищные разрушения. Я инстинктивно отдернул руку, но Дио буквально всунула оружие мне в карман.

— Тебе вовсе не обязательно им пользоваться. Просто пусть он у тебя будет. Пожалуйста, Лью.

Стук в дверь повторился, а Дио все еще удерживала меня, бормоча свое «пожалуйста, Лью», пока я, наконец, не уступил. Я подошел к двери и чуть приоткрыл ее , встав так, чтобы девушки за моей спиной не было видно.

Юноша, стоявший в коридоре, был небольшого роста, приземистый и темноволосый. Тяжелые, угрюмые черты лица и веселые темные глаза.

— Привет, Лью, — сказал он.

От него исходили родные токи. Его присутствие было ощутимо приятно. Не могу в точности объяснить это чувство, но я знал, кто передо мной. Теперь мне казалось совершенно немыслимым, что Рейф так легко сумел провести меня. Еще одно доказательство того, что после приземления я был не совсем в себе.

— Мариус, — хрипло произнес я и втащил его в комнату.

Он задал только один вопрос, и рука его при этом тяжело и сильно сжала мое плечо:

— Лью, как отец?..

— Я похоронил его на Вэйнуоле, — ответил я. — Тела умерших запрещено перевозить на другую планету.

Он судорожно сглотнул и склонил голову.

— И он похоронен там, под солнцем, которого я никогда не видел, — прошептали его губы.

Я обнял его здоровой рукой. Спустя минуту он хрипло сказал:

— Ну, хоть сам ты вернулся. Все же вернулся. А мне говорили, что надежды нет.

Я был тронут. И мне было немного стыдно. Я снял руку с его плеча. Мне ведь просто приказали вернуться, так что особенно гордиться было нечем. Я оглянулся, но Дио исчезла из комнаты. Видимо, она выскользнула через другую дверь. Тем лучше. Ничего не надо объяснять.

И все-таки мне стало как-то не по себе. Какие-то люди то и дело вторгаются в мою жизнь и мгновенно исчезают. И движут ими какие-то странные мотивы. Сначала Дайан Ардис еще на лайнере прочитал мои мысли. Потом эта девушка в космопорте, так похожая на Линнел, но вовсе не Линнел. Потом Рейф, прикинувшийся моим братом, потом Дио, которая сперва очень вовремя появилась, но потом опять исчезла. А теперь и Мариус собственной персоной. Совпадение? Вполне возможно, однако все это ужасно сбивает с толку.

— Может, мы сразу отправимся? — спросил он. — Я все приготовил, так что если у тебя нет причин здесь задерживаться...

— Мне надо только забрать свое удостоверение из посольства, — сказал я. — И сразу отправимся.

Чем скорее я отсюда уберусь, тем лучше. А то еще половина населения Дарковера явится сюда, каждый со своими штучками.

— Лью, — вдруг спросил Мариус, — у тебя есть пистолет?

Тот же вопрос, что у Рейфа. Мне стало не по себе. Я пытался привести мысли в порядок, выкинуть из головы Рейфа, липового Мариуса, чтобы родной брат занял это место.

— Да, — кратко ответил я и, не дожидаясь его реакции, добавил: — Пойдешь со мной в посольство?

— Хоть на край света, — ответил он, оглядываясь вокруг и невольно содрогаясь. — Не могу оставаться в этой норе. Неужели ты собирался здесь ночевать?

За время моего отсутствия Торговый Город сильно разросся, стал гораздо грязнее и многолюднее. Теперь название «Торговый Город» было ему более к лицу, нежели старое — «Тендара». Мариус молча шел рядом. Потом наконец спросил:

— Лью, а как тебе жилось там, на Терре?

Он не мог не спросить об этом. Земля, родина

предков, которых он никогда не видел, но на которых был так похож. Я проклинал порой свое происхождение,свою кровь землянина. А он?..

— Чтобы понять Терру, надо там всю жизнь прожить. А я был на ней всего три года. Я многое узнал от тамошних ученых. Немного научился математике. У них отличные технические школы. Но на Терре слишком много машин, слишком много шума. Я жил в горах. Жить так близко к уровню моря было свыше моих сил.

— Тебе там не понравилось?

— Да нет, ничего. Мне даже сделали механическую руку. — Я помрачнел. — А вот и посольство.

— Лучше оставь пистолет у меня, — сказал Мариус и остановился в испуге, когда я резко повернулся к нему. — Что случилось, Лью?

— Что-то тут странное происходит, — ответил я. — Что-то мне все более подозрительны те, кто хочет меня разоружить. Даже ты. Ты знаешь человека по имени Роберт Кадарин?

Когда Мариус приходил в замешательство, его лицо сразу теряло всякое выражение — пудинг, да и только.

— Да, я слыхал про него. А что?

— Он подал уведомление о намерении убить меня, — сказал я и на мгновение вытащил из кармана пистолет. — Я не стану им пользоваться. Во всяком случае против Кадарина. Но хочу иметь оружие при себе.

— Лучше бы все-таки... — Мариус запнулся, потом пожал плечами: — Хорошо, я тебя понимаю. Оставим это.

Мы поднялись на верхний этаж небоскреба земной администрации, мимо казарм космической полиции, бюро цензуры, миновали несколько этажей, напичканных компьютерами, занятых транспортным управлением и прочими отделами, курирующими все отрасли экономики Империи. По коридору я прошел к двери с надписью: «ДЭН ЛОУТОН. Легат по делам Дарковера».

Я встречался с Лоутоном еще до того, как покинул Дарковер. Его судьба была схожа с моей: отец-землянин, мать из Комина. Мы были дальними родственниками — не помню, правда, каким именно образом. Это был огромный, статный и мускулистый рыжеволосый мужчина — с виду настоящий уроженец Дарковера; он мог бы даже претендовать на место в Совете Комина, если бы захотел. Но он не захотел. Он предпочел служить Империи и теперь был одним из высокопоставленных чиновников, служивших связующим звеном между Террой и Дарковером. Никто не может оставаться до конца честным, если живет по законам захватчиков; однако он все-таки старался сохранить честь.

Мы пожали друг другу руки по земному обычаю (который, кстати, терпеть не могу), и я сел. Он дружелюбно, но не слишком сердечно улыбнулся мне. Он не избегал моего взгляда — а ведь очень немногие способны смотреть телепату прямо в глаза.

Он придвинул мне через стол пластиковое удостоверение:

— Вот, возьми. Мне оно и не было нужно. Просто я хотел поговорить с тобой, Элтон, а это удобный предлог.

Я, не отвечая, положил удостоверение в карман.

— Я слышал, ты был на Терре? Как тебе там понравилось?

— Сама планета понравилась. А вот люди, прости, нет.

— Не надо извинений, — рассмеялся он. — Я тоже оттуда уехал. Одни недотепы там остаются. Любой предприимчивый и умный человек отправляется в космос, на просторы Империи. Элтон, почему ты так и не попросил имперского гражданства? Твоя мать была с Терры, ты бы получил массу преимуществ, ничего при этом не потеряв.

— Но ведь и ты почему-то так никогда и не принял предложения занять место в Комине? — вопросом на вопрос ответил я.

— Понимаю, — ответил он.

— Лоутон, я не выступаю против Терры. Мне не слишком нравится имперское присутствие здесь, но Дарковер просто так не станет воевать ни против городов, ни против государств, ни против планет. Если бы моим врагом был какой-нибудь землянин, я бы подал уведомление о предполагаемом убийстве и убил бы его. Если бы дюжина землян сожгла мой дом и угнала мои стада, я бы собрал своих людей, и все вместе мы бы их перебили. Но я ничего не имею против тысяч людей, которые не сделали мне ничего дурного или хорошего. Мне безразлично их присутствие здесь. У них другие привычки, не такие, как у нас. Наша ненависть направлена против отдельных людей, а не против миллионов.

— Мне нравится твой подход, однако такая философия ставит тебя в невыгодное положение по отношению к Империи, — сказал Лоутон, вздохнув. — Ну что ж, не буду тебя задерживать. У тебя ко мне ничего нет?

— Возможно, есть. Ты знаешь человека, который пользуется именем Кадарин?

Реакция была мгновенной:

— Ты хочешь сказать, что он здесь, в Тендаре?!

— Так ты знаешь его?

— Лучше бы я его никогда не знал! Нет, лично я с ним не знаком, я его даже никогда не видел. Но он все время тут появляется. Он называет себя гражданином Дарковера, а сам вечно торчит в зоне землян. И, насколько я понимаю, покидая эту зону, тут же начинает утверждать, что он гражданин Терры и способен доказать это.

— И что?

— И мы не можем лишить его Права Тринадцати Дней.

Я засмеялся. Я помню, как земляне пытались бороться с этим явно нелогичным установлением — Правом Тринадцати Дней. Любой изгой, преступник, даже убийца имел неотъемлемое право — оно существовало с незапамятных времен — провести по одному дню тринадцать раз в году в Тендаре — для обеспечения своих юридических прав. В течение этого срока — если, конечно, он не был осужден заочно — то пользовался полной неприкосновенностью.

— Если бы он задержался здесь хоть на секунду сверх этого срока, мы бы тут же его схватили. Но он осторожен. Мы не можем его задержать даже за плевок в неположенном месте. Единственное место, которое он здесь посещает, — Приют для детей

космонавтов. После чего буквально растворяется в воздухе.

— Что ж, возможно, вам скоро удастся от него избавиться, — сказал я. — Надеюсь, вы не станете меня преследовать, когда я его убью. Ведь он уже подал уведомление о намерении убить меня. — Я встал.

Когда я был уже в дверях, Лоутон окликнул меня. Дружелюбия в его голосе как не бывало:

— У тебя при себе контрабанда! Сдай немедленно!

Я отдал ему пистолет. Несомненно, у них тут где-то была просвечивающая аппаратура. Лоутон проверил пистолет, затем хмуро глянул на меня и протянул оружие назад:

— Возьми. Я не совсем понял ситуацию... — Он нетерпеливо совал пистолет мне в руки. — Ну, бери же! Только сматывайся отсюда скорее, пока тебя кто-нибудь еще не засек. И отдай оружие тому, кому оно принадлежит. Если тебе нужно разрешение, я попробую это устроить. Только не болтайся по городу с контрабандой в кармане!

Он чуть не в шею вытолкал меня из своего кабинета. Удивленно вертя пистолет в руках, я направился к лифту. И тут глаза мои заметили маленькую табличку с надписью: «Рафаэл Скотт».

И тут я вдруг понял, что мне вовсе не хочется требовать объяснений ни от Дио, ни от Мариуса.

Глава III

— Очень хорошо, Великие Лорды. Я сделаю так, как вы желаете!

Мы поздно прибыли в Скрытый Город, настолько поздно, что уже не было времени сообщать о нашем прибытии ни старому Хастуру, ни Линнел, моей ближайшей родственнице и молочной сестре. Мариус, который не был допущен в Совет Комина, расстался со мной и направился в зал для низшей знати и младших сыновей великих родов. Я поднялся по ступеням на длинную галерею, намереваясь незаметно проникнуть в ложу, которая по закону предназначалась для Элтонов.

И замер на пороге, пораженный. Речь держала Каллина Эйлард.

Я знал ее всю свою жизнь. Она тоже была какой-то моей родственницей. Линнел она приходилась сводной сестрой. Но когда я в последний раз видел ее — шесть лет назад, и я всячески избегал вспоминать об этом — она была совсем еще юной, тихой, бесцветной девочкой. Теперь же передо мной предстала настоящая женщина, и очень красивая, добавлю.

Стояла она прямо перед Высоким Троном. Голова гордо поднята. Стройная, с тонкими чертами лица, в ниспадающей до полу черной мантии. В длинные волосы вплетены драгоценности. Мраморная шея обвита золотыми цепочками, на талии тоже золотая цепь, придававшая Каллине сходство с узником, впрочем, весьма гордым узником. Вот опять зазвучал ее голос, ясный и гневный:

— С каких это пор Хранительница обязана подчиняться прихотям Совета?!

Так вот в чем дело! Мариус не сказал мне, что Совет Комина назначил новую Хранительницу, а сам я спросить об этом не догадался. Он вообще не так уж много успел мне сообщить. Садясь на свое место, я посмотрел вниз, в Зал Совета.

Зал был огромный, с высокими сводчатыми потолками, где плясали солнечные пятна и тени. В партере сидела низшая знать, выше, в амфитеатре, располагались ложи представителей семейств, входивших в Комин. А в центре у Высокого Трона стоял старый Дантан Хастур, Регент Комина. За ним в тени — какой-то молодой человек, которого мне было не разглядеть. А рядом — я тут же узнал его — Дерик Элхалайн. До сих пор он правил под надзором Хастура. Но со следующего года, достигнув совершеннолетия, он начнет править сам, без Регента. Откинувшись в кресле, он явно скучал.

Я продолжал осматриваться. Вот Дайан Ардис — он вскинул глаза и загадочно улыбнулся, словно ощутив мое присутствие. Позади него сидела Дио Райднау со своими братьями. Я обнаружил и свою кузину Линнел, но она меня не заметила.

Затем мой взор вновь приковала к себе Каллина. Хранительница!

В течение многих лет Хранительница не переступала порог Зала Совета. Старая Ашара в свое время не покидала своей башни — так было и на моей памяти, и на памяти моего отца. Теперь, наверное, она совсем древняя старуха. Когда я был еще ребенком, Хранительницей на краткий период стала хрупкая девочка с волосами, подобными пламени, сияющим ореолом окружавшими ее лицо. Даже Хастуры выказывали ей почтение. Но вскоре — я не успел еще стать взрослым — она то ли умерла, то ли стала отшельницей, и с тех пор юных девушек уже не посвящали в тайны Хранительниц. За работой Главных Экранов следили техники рангом пониже, специалисты по матрицам вроде меня. Я мог бы тоже занять место среди них. Трудно представить себе: моя кузина Каллина стала Хранительницей и в своих тонких хрупких руках держит теперь чудовищную власть Ашары.

Но я знал, какая она смелая. И эта мысль пробудила мучительные воспоминания. Однако мне не хотелось вызывать в памяти обстоятельства нашей последней встречи.

Теперь говорил старый Хастур.

— Каллина, времена переменились. Ныне...

— Да, ныне иные времена, — перебила она, горделиво вскинув голову так, что украшения в ее волосах отозвались мелодичным звоном. — Сейчас на Дарковере правят рабовладельцы, и Хранительницу можно продать, как рабыню на рынке! Нет, выслушайте меня! Говорю вам: лучше передать свои тайны проклятой Терре, чем объединяться с предателями из Алдарана!

Ее глаза скользнули по залу и вдруг встретились с моими. Она протянула руку и ткнула тонким пальцем прямо в меня:

— Вот сидит человек, который может подтвердить мои слова!

Я вскочил. Объединяться с Алдаранами? Неожиданно я услышал свой собственный голос:

— Вы, идиоты проклятые!

Поднялся ужасный шум — все разом задвигались, заговорили, заворчали. Только тут я понял, что натворил. Я ринулся в драку, даже не разобравшись, в чем дело. Одного лишь слова «Алдаран» мне было достаточно. Я посмотрел старому Хастуру прямо в глаза, словно бросая вызов.

— Я ведь не ослышался? Вы хотите объединиться с этим проклятым кланом Алдаранов, с этими изменниками и предателями? Это же они, Алдараны, продали наш мир Терре!

Голос мой вдруг начал ломаться, как у мальчишки.

Юный Дерик Элхалайн встал рядом с Хастуром, жестом попросив у него слова:

— Лью, ты забываешься. — Он наклонился вперед, и солнце сверкнуло в его золотисто-рыжей шевелюре. Теперь он обращался ко всему Совету, дружелюбно улыбаясь. — Как же так? Один из лордов Комина возвратился к нам после шести лет отсутствия, а мы и не подумали поприветствовать его. Мы позволили ему тайком пробраться в зал, точно мышке в норку. Добро пожаловать на родину, Лью Элтон!

Я поднял руку, заставив смолкнуть начавшиеся было аплодисменты.

— Оставим это! Лорд Хастур и вы, мой принц, должны хорошенько вспомнить! Члены клана Алдаранов когда-то входили в Совет Комина и имели право голоса. Почему же они были изгнаны?

Я выдержал паузу, а затем предпринял еще одну попытку. Поднял руку — обрубок, спрятанный в подколотом рукаве, — и дрогнувшим голосом спросил:

— Разве мы хотим возвращения Шарры?!

Воцарилось неловкое молчание. Затем заговорили все разом. Общий гул перекрыл голос Дайана Ардиса, зычный и веселый:

— В тебе, Лью, говорит ненависть, а не здравый смысл. Друзья, мне кажется, мы должны простить Лью Элтону подобную горячность. У него, безусловно, есть на то причины, но наши разногласия давно уже в прошлом. Мы должны учитывать сегодняшнюю ситуацию, а не вчерашние обиды. Сядь, Лью. Тебя долго не было на Дарковере. Когда ты узнаешь побольше, то, возможно, изменишь свою точку зрения. Во всяком случае, выслушай пока что и наши аргументы.

По залу пронесся одобрительный шумок. Я сел; меня бил озноб. Он намекнул, нет, сказал прямо, что я, дескать, достоин жалости. Калека, затаивший обиду, вернулся домой и теперь хочет раздуть былую вражду.

Он весьма искусно отвлек их от главного: именно Алдараны были ядром восстания Шарры! Они что, не понимают этого? Или просто не желают понимать?

Из темного угла позади старого Хастура раздался юный и неуверенный голос:

— Может быть, нам все-таки выслушать Лью Элтона до конца? Он ведь знает землян, он жил среди них. И он в родстве с Алдаранами, он же не станет выступать против собственной родни, не имея на то веских причин.

— Надо, по крайней мере, обсудить этот вопрос в Комине! — проговорила Каллина, и Хастур, подумав, кивнул. Потом произнес традиционные прощальные слова, и все посторонние стали покидать Зал Совета. Над толпой в нижнем зале возник было какой-то возмущенный шумок, но вскоре утих.

У меня разболелась голова, как всегда в этом зале. Слишком много телепатических барьеров — весьма, впрочем, необходимая предосторожность на подобных собраниях членов Комина.

Один из таких барьеров как бы навис прямо над моей головой. По закону подобной направленности не должно было быть; однако всегда получалось так, что телепатические барьеры оказывались над головой у кого-то из Элтонов.

Каждая семья Комина обладала каким-нибудь выдающимся талантом. У Элтонов, например, была невероятная способность навязывать телепатический контакт чуть ли не силой, парализуя мозг других людей. В Комине Элтонов всегда боялись. Эта их способность, ныне ослабленная многочисленными браками с нетелепатами, тем не менее сохранялась, поэтому собрания всегда начинались с установления над Элтонами телепатического барьера. Непрекращающийся поток аритмичных телепатических волн в самых различных диапазонах ужасно раздражал.

Молодой человек, который подал голос в мою поддержку, теперь направлялся ко мне по длинной полукруглой галерее. Я уже понял, кто это: внук старого регента, Реджис Хастур. Он прошел мимо Каллины Эйлард, и она, к моему удивлению, поднялась и последовала за ним.

— Ну, и что теперь будет? — спросил я Реджиса.

— Да ничего, надеюсь, — ответил он, дружески мне улыбаясь. Он был из тех, кто являл собой живое напоминание о прошлом. Такие иногда еще рождаются в старинных семьях; чистый тип Комина: светлая кожа, темно-рыжие волосы, глаза очень светлые, стального оттенка. Сложения он был хрупкого, как и Каллина, но мышцы были тверды, как сталь хорошо закаленного клинка.

— Да, довольно ты поколесил по космическим дорогам! Добро пожаловать домой, Лью.

— Ты ведь не против того, что я вернулся, надеюсь? — сухо ответил я. — Почему речь вообще зашла об этих Алдаранах?

— Они рвутся в Совет. Сам Белтран Алдаран подал прошение, — вмешалась Каллина. — У него хватило смелости — нет, наглости!— претендовать на место в Комине благодаря браку. Браку со мной! — Она побелела от ярости.

От изумления я даже присвистнул. Да, действительно наглость! Ведь согласно древнему обычаю Хранительницы обязаны блюсти девственность в течение всего пребывания на этом высоком посту. Само по себе подобное предложение в высшей степени оскорбительно. Колебаний быть не может: смертный приговор наглецу! Войны на Дарковере не раз возникали и по куда менее значительным поводам. А тут возможность такого брака спокойно обсуждается в Совете!

Реджис бросил на меня иронический взгляд.

— Как говорит мой дед, настали иные времена. — Комин более не стремится к тому, чтобы Хранительница входила в состав Совета.

Я подумал и об этом. Даже тридцать четыре года после ухода Ашары Совет все еще боялся попасть под женский каблук. Если быть объективным, это, видимо, имело основания. Как сказал Хастур, времена теперь иные. Хотим мы того или нет, но это действительно так. Когда-то Хранительница считалась священной, что таило в себе множество опасностей, ибо, как рассказывал мне отец, все тех-

нологии на Дарковере прежде разрабатывались с помощью Главных Экранов — матричных систем,за которые полностью отвечали Хранительницы, объединяя свою телепатическую энергию. Горнодобывающее производство, транспорт, все, что требовало значительных затрат энергии, в том числе ядерной, — всем управляли благодаря Экранам, связанным с мозгом одной из этих юных девственниц.

Однако, казалось, прогресс сделал это все ненужным. Теперь от них не требовалось отречения от мира и жизни среди стен, стерегущих их власть и одиночество.

Каллина усмехнулась, прочитав мои мысли.

— Все так и есть, — сказала она, — и я вовсе не жажду власти. Но, — и ее суровый взгляд встретился с моим, — ты ведь понимаешь, почему я против союза с Алдаранами, Лью. Мне не хотелось бы обсуждать это в Совете, потому что, в сущности, это касается только тебя. Жаль, что приходится просить тебя об этом, но не можешь ли ты рассказать им правду о Шарре и об Алдаранах?

Я склонился над ее рукой, не в силах произнести ни слова.

Я старался никогда не вспоминать о том, что Алдараны и возглавляемые ими орды восставших сделали со мной и с Марджори. Если все время вспоминать о таком, недолго сойти с ума.

Но теперь пора пришла. Я был в неоплатном долгу перед Каллиной. Шесть лет назад, когда мы бежали вместе с Марджори и оба были ранены, а Марджори при смерти, именно Каллина открыла нам ворота Скрытого Города. В ту ночь, когда нам угрожали и мечи Дарковера, и бластеры Терры, именно Каллина, рискуя собственной жизнью, подвергаясь воздействию чудовищного радиоактивного излучения от старых космических кораблей, решилась на все, только для того, чтобы Марджори получила шанс выжить. Но, увы, было поздно.

И все-таки снова разворошить себе душу да еще выложить все перед Советом... Меня просто пот прошиб.

— Это наш последний шанс, Лью, — тихо сказал Реджис. — Тебя они еще, возможно, выслушают.

Я с трудом проглотил комок в горле. Потом сказал:

— Хорошо. Я... попробую.

— Что ты собираешься пробовать? Попробуешь сохранить трезвомыслие, чтобы успеть поздороваться со всеми? — Дерик Элхалайн протиснулся между Каллиной и Реджисом и обнял меня за плечи. — Лью, старина, я и не знал о твоем возвращении, пока ты вдруг не выскочил, как чертик из шкатулки, твой отец, помнится, делал для нас такие игрушки. Дайан уже приветствовал тебя, так что мне остается только повторить: добро пожаловать домой! Нам с тобой есть о чем вспомнить. Когда-то мы неплохо повеселились вместе.

Я кивнул, немного рассеянно, но все же довольный, что у него сохранились приятные воспоминания о тех днях.

— Надеюсь, нам это еще удастся, и не раз. А что, знаменитые соколы Элхалайнов по-прежнему славятся у вас в горах? И ты по-прежнему сам взбираешься на скалы, сам отыскиваешь гнезда с птенцами?

— Да, хотя времени на это почти не остается. — Дерик рассмеялся. — А помнишь, как мы взобрались по северному склону Неварзина и повисли на том выступе, где и ухватиться-то не за что? — Он осекся, явно вспомнив, что теперь скалы для меня недоступны. А я все раздумывал, что может произойти с Комином, если этот ветреный малый займет принадлежащее ему по праву место. Старый Хастур — настоящий дипломат и государственный деятель. Но Дерик... Оставалось радоваться, что телепатические барьеры не позволяют ему прочесть мои мысли.

Дерик положил мне руку на плечо и повел к Высокому Трону.

— Мы ведь обо всем договорились еще до того, как умер твой отец, ты и сам должен помнить. Но Линнел отказалась даже обсуждать вопрос о дне свадьбы, пока ты не вернешься домой. Так что у меня по крайней мере две причины радоваться твоему возвращению!

Я только улыбнулся ему в ответ. В конце концов я здесь не одинок. У меня куча родственников, друзей. Они собирались пожениться еще в ту пору, когда Линнел только-только перестала играть в куклы. И все же они ждали моего согласия и одобрения.

Интересно, а знает ли Линнел, что у нее есть двойник в зоне землян? Надо будет сказать ей об этом. Это ее позабавит.

А Хастур уже призывал всех снова занять свои места. На этот раз я сел между Реджисом и Дериком. Меня поразило, как мало осталось тех, кто унаследовал право заседать в Совете Комина. Человек тридцать—сорок, мужчины и женщины. И почти все они враждебно уставились на меня, когда по знаку Хастура я поднялся и обратился к ним.

Я начал медленно, памятуя, что должен убедить их в своей правоте. Горячности тут не место.

— Если я правильно понял, вы желаете вступить в союз с Алдаранами, чтобы вернуть Седьмую Провинцию в состав Комина. Вы рассчитываете с помощью этого союза установить мир с горскими лордами и погасить все очаги сопротивления в пограничных районах. Вы стремитесь заручиться поддержкой Алдаранов, чтобы прекратить набеги предателей, изгоев и преступников и не позволить им пересекать реку Кадарин. А также, возможно, для того, чтобы расширить торговлю с Террой и получить разрешение пользоваться их новыми технологиями.

Тут вскочил Леррис Райднау:

— Все верно, так. Но что нового ты можешь нам сообщить?

— Ничего, — ответил я, не отрывая от него пристального взгляда. Один из братьев Дио. Я знал всех троих. Мы встречались на одном из спутников Вэйнуола — планетке, превращенной в роскошный курорт. Все трое были избалованными, изнеженными, даже почти женственными, грациозными, как кошки, но опасными, как дюжина тигров. Они жадно стремились к удовольствиям, вовсю пользуясь при этом своим огромным богатством и правом неподсудности, которое давало им членство в Комине. Но в Леррисе за внешней женственностью и томностью чувствовался настоящий мужчина.

Так что он заслуживал более уважительного ответа.

— Ничего нового я вам сообщить не могу, — повторил я. — Но могу напомнить кое-что из старого. Белтран из Алдарана сам по себе человек честный, но связался с мятежниками, предателями и шпионами-полукровками, так что теперь не может заключить с нами мир, даже если бы захотел. А вы стремитесь ввести его в состав Комина. Ну что же, вводите. И заодно человека, которого называют Кадарином, да еще Лоутона из Тендары, координатора землян из Порт-Чикаго, коль на то пошло!

— Кто такой этот Кадарин? — хмуро спросил Хастур.

— Черт его знает! Вроде бы родственник Алдаранов.

— Как и ты, — пробормотал Дайан.

— Да, как и я. Скорее всего, тоже полукровка. Мятежник, способный поднять восстание на любой планете, если та согласится его принять. Его уже успели депортировать по меньшей мере с двух планет, прежде чем он вернулся сюда. Что же касается Белтрана из Алдарана, которого вы хотите сделать мужем Хранительницы, то именно он превратил Замок Алдаран в притон, где скрываются предатели, убийцы и грабители из банды Кадарина.

— Кадарин — это не человеческое имя, — заметил Леррис.

— А я вовсе и не уверен, что он человек, — парировал я. — Вы сами знаете, кто населяет горы вокруг Алдарана. Разная нечисть, которую людьми-то назвать нельзя. В общем, на человека он похож, но стоит посмотреть ему в глаза... — Я замолчал, вспоминая... Но тут же заговорил снова: — Кадарин — это просто кличка. В горах, за рекой Кадарин, любой подонок может назвать себя сыном реки. Говорят, этот Кадарин вообще не знает, кто был его отец. Когда земляне захватили его и подвергли допросу, он назвался таким именем. Вот и все.

— Так значит, он тоже против Терры? — вставил Леррис.

— Может, да, а может, и нет. Но он связан с Шаррой...

— Ты тоже был с нею связан, — тихо сказал Дайан Ардис. — И все же ты здесь!

Мой стул с грохотом отлетел назад.

— Да, черт бы тебя побрал! Я прекрасно знаю, какой это ад, иначе зачем мне было являться сюда! Вы что думаете, опасность уже позади? А если я скажу, что Шарра по-прежнему на свободе — и всего в десяти милях отсюда! — Тогда вы, может, все же подумаете, стоит ли заключать этот идиотский союз?

На лице Хастура появилось выражение озабоченности. Знаком он велел Леррису и Дайану замолчать.

— Ты действительно можешь нам это доказать, Лью? Ты, конечно, Элтон, телепат.... Но в одиночку даже тебе это не под силу! Тебе нужна помощь, чтобы сфокусировать...

— Именно на это он и рассчитывает! — засмеялся Дайан. — Он же блефует, ничем при этом не рискуя! Ведь он последний из Элтонов!

— Ничего подобного! — раздался голос из темного угла.

Мариус медленно встал, и я в изумлении уставился на него. Я-то думал, что он покинул зал вместе с остальными. Сможет ли он, осмелится ли воспользоваться той страшной, пугающей силой, которой обладают только члены Комина?

К тому же я не имел ни малейшего понятия, унаследовал ли Мариус Дар, присущий Элтонам; а вдруг он рухнет оземь, визжа от ужаса и боли, едва мой разум сольется с его? Но Дайан тоже ничего об этом не знал, и лицо его побледнело. Он опустил глаза.

— Это блеф, — пробормотал Леррис. — Все прекрасно знают, что матрица Шарры уничтожена. Чем ты хочешь нас напугать, Лью? Мы же не дети, чтобы бояться темноты. Шарра? К черту Шарру! — И он щелкнул пальцами.

— Уничтожена? — переспросил я яростно.— Черта с два! В данный момент она находится у меня в гостинице!

В зале раздались изумленные возгласы.

— Она у тебя?

Я медленно кивнул. Нельзя допустить, чтобы меня здесь считали лжецом.

Внезапно я перехватил хитрый, насмешливый взгляд Дайана. И понял, что просчитался.

Глава IV

Мариус перегнулся в седле, когда я положил завернутый в изолирующую ткань меч поперек другого, что обычно висел у меня на бедре.

— Хочешь развернуть его прямо здесь?

Было раннее утро; вокруг туманно и сыро. Лицо Мариуса казалось сонным. Сзади возвышались холмы; я даже уловил тонкий и едкий запашок далекого лесного пожара, надвигающегося с Хеллерса. Чуть дальше позади нас на поляне ждали остальные члены Комина.

Я снял все телепатические барьеры, и теперь чужие эмоции кипели вокруг меня. Враждебность, любопытство, недоверие, пренебрежение со стороны Ардисов, Эйлардов и Райднау; дружелюбная заинтересованность и некоторая тревога со стороны Хастуров и, как ни странно, Лерриса Райднау.

Я бы предпочел сделать все самостоятельно. Мысль о враждебно настроенных зрителях нервировала меня. Понимание того, что жизнь брата зависит от состояния моих нервов и от того, сумею ли я одержать победу, тоже не прибавляла уверенности. Я содрогнулся. Если Мариус погибнет — что вполне возможно, только они будут свидетелями, когда меня обвинят в убийстве. Мы затеяли опасную игру, не зная толком, с чем играем. Теперь я просто боялся.

Мы намеревались соединить свои телепатические усилия. Это должен был быть не просто телепатический контакт и даже не насильственное проникновение в чужие мысли. Такое мог проделать любой из Элтонов или — иногда — один из Хастуров. Нет, это должно было быть полное, обоюдное слияние и на сознательном, и на бессознательном уровне. Соединение телепатической и психокинетической энергии, объединение наших экстрасенсорных способностей таким образом, чтобы функционировоать, по сути дела, как единый сверхмозг.

Отец однажды проделал подобное со мной — только однажды! Это длилось тридцать секунд,

причем я прекрасно понимал, что могу погибнуть. Он тоже это понимал, но иной возможности доказать всем, что я настоящий Элтон, не было. В результате меня приняли в члены Комина. Отец готовил меня к этому испытанию много дней, используя весь свой богатейший опыт. А Мариусу предстояло действовать почти без подготовки.

— Хочешь, откажемся? Еще не поздно, — нарочито грубо спросил я его:

— Ты что, ревнуешь? — весело откликнулся он. — Хочешь за одним собой сохранить ларанскую привилегию? Не желаешь, чтобы в Комине заседал еще один Элтон?

Тогда я решился спросить прямо:

— А ты уверен, что обладаешь Даром Элтонов, Мариус?

Он пожал плечами.

— Не имею ни малейшего понятия. К тому же однажды мне прозрачно намекнули, чтобы знал свое место.

У меня упало сердце. Теперь понятно, как жил мой брат. Надо это запомнить. Значит, у меня есть шанс не только не дать ему умереть, но в случае удачи поднять его статус до полноправного члена Комина и настоящего Элтона. Склонив голову, я начал разворачивать изолирующую ткань.

— А это настоящий меч? — спросил Дерик Элхалайн.

Я только головой мотнул, беря меч за рукоять и встряхивая его. Рукоять легко отделилась от лезвия. Затем я снял шелковое покрывало. Знакомая боль сдавила мне грудь.

— Нет, — ответил я, — меч не настоящий. Сам видишь. — И я сунул ему рукоять и клинок по отдельности. Он отпрянул.

Я заметил, что остальные пытаются скрыть насмешливые улыбки. Но это было отнюдь не смешно: Дерик, Лорд Комина, оказался трусом! Хастур взял у меня части меча и соединил их.

— За платину и сапфиры можно купить приличный город, — сказал он. — Но самая ценная часть осталась у Лью...

Я развернул матрицу, ощущая под пальцами знакомое тепло. Матрица имела форму яйца — из тусклого металла, на котором, как кружева, выделялись блестящие полоски другого металла и узор из синих посверкивающих драгоценных камней.

— Узор из сапфиров на рукояти меча — на самом деле это сверхчувствительный углерод — совпадает с узором на матрице. Меня в свое время несколько подкорректировали, настроив на ее код...

— Так что же ты собираешься сейчас сделать? — спросил Дерик.

Я постарался объяснить так, чтобы он понял.

— Над всем массивом Хеллерса существуют некие активированные зоны, имеющие магнитный заряд, который реагирует на колебания, испускаемые матрицей Шарры. С их помощью можно призвать могущество Шарры.

Никто не задал мне вопроса, которого я так боялся. Что такое Шарра? Тогда мне пришлось бы ответить, что я и сам этого не знаю. Я знал, на что способна эта матрица, но понятия не имел, что она такое. Народная молва считает Шарру богиней, превратившейся в демона. Мне не очень хотелось затевать теоретические споры о Шарре. Но именно это и оказалось невозможно. Хастур решил помочь мне:

— Когда матрица получает извне определенный сигнал, совпадающий с ее собственной частотой, то испускает колебания, активизирующие зоны Хеллерса, освобождая силы Шарры. Так уже случалось однажды, много лет назад. И кое-какие из этих сил все еще на свободе, а некоторые зоны до сих пор активны. Лью сохранил матрицу, чтобы попытаться с ее помощью обнаружить эти зоны по исходящему от них излучению. Когда все активные зоны будут погашены, матрицу можно будет уничтожить. Но даже телепат из семьи Элтонов не сумеет проделать это в одиночку. Чтобы до такой степени сфокусировать телепатическую энергию, нужен еще один телепат. В одиночку невозможно управлять сигналом такой мощности.

— А не пора ли нам начать? — подал голос Мариус.

Я вскинул голову. И без всяких проволочек вошел с ним в телепатический контакт.

Нет слов, чтобы передать, какой шок я испытал, ощутив его ответную реакцию. Как при резком старте реактивного самолета, как при ударе в солнечное сплетение, как при погружении в жидкий кислород. И все это разом. Я тут же ощутил, что Мариус сник в седле, когда все силы его мозга сосредоточились на защите от моего телепатического вторжения. Но обычный человек в этой ситуации был бы уже мертв. Погиб бы и Мариус, не унаследуй он Дар Элтонов.

Я по-прежнему держал брата в фокусе своего телепатического воздействия. Все происходящее приобрело особую четкость, словно на травленной кислотой гравюре. Мое восприятие резко обострилось: холодный пот, стекающий по спине, жалость в глазах старого Регента, лица окружающих нас людей. Я слышал, как Леррис простонал:

— Остановите их! Остановите! Они же оба погибнут!

В какое-то мгновение боль стала настолько нестерпимой, что я готов был закричать. Тело было напряжено,точно натянутая тетива лука.

Вдруг Реджис Хастур стрелой бросился вперед. Он выхватил рукоять меча из рук старого Хастура и втиснул ее в сведенные судорогой ладони Мариуса. И тут я увидел — и почувствовал, — что боль покидает моего брата. Затем сеть наших объединенных телепатических усилий расширилась, засверкала и обрела целостность. Мариус прочно держал связь, и мы вместе управляли этой могучей силой.

Элтон! Настоящий Элтон! Несмотря на земную кровь, он Элтон и мой брат!

Вздох облегчения в моих устах прозвучал почти как рыдание. Слов уже не требовалось, но я все же спросил:

— Брат, с тобой все в порядке?

— Совершенно, — ответил он и уставился на рукоять меча, которую сжимал в руках. — А эта штука как ко мне попала?

Я передал ему матрицу Шарры, напрягшись в ожидании знакомого приступа останавливающей дыхание боли. Его ладонь сомкнулась вокруг магической сферы — и ничего не произошло. Возникло

лишь знакомое ощущение полного телепатического контакта. Я перевел дух.

— Ну вот и все, — произнес я. — Что скажете, Хастур?

Он с мрачным видом коротко поклонился Мариусу: официальный знак признания. Потом тихо сказал:

— Вся ответственность ложится на тебя.

Я оглянулся на остальных всадников.

— Некоторые из активированных зон явно недалеко, — сказал я. — И чем скорее мы их обезвредим, тем лучше для нас. Но... — тут я сделал паузу: мне так хотелось поскорее избавиться от владевшего мною ужаса, что я даже не подумал взять с собой более сильный отряд. Кроме Хастуров, Дайана, Дерика и братьев Райднау здесь не было и полудюжины всадников.

— Иной раз совершающие набег грабители довольно близко подходят к Скрытому Городу...

— Теперь, после восстания Шарры, уже не подходят, — словно скучая, сообщил Леррис. Подтекст его слов был вполне понятен: это ты со своими мятежниками расшевелил бандитов. Сам-то сбежал, а нам осталось расхлебывать!

В конце концов я пожал плечами:

— Если вы не боитесь, то я и подавно.

Несколько часов мы ехали лесом. Мариус держал в руках матрицу Шарры. Мой мозг был полностью сконцентрирован на поиске активных энергетических зон, которые можно обнаружить с помощью матриц. И тело, и голова странно ныли — я совсем отвык от столь продолжительных и напряженных ментальных усилий. Кроме того, я не ездил верхом с тех пор, как покинул Дарковер. Можно сколько угодно рассуждать о власти духа над материей, но когда у тебя стерта вся задница — это весьма существенная помеха, мешающая сосредоточиться.

Красное солнце клонилось к закату. Я подъехал к Хастуру.

— Послушайте, — тихо сказал я ему, — нас, кажется, провели. Я был в полной уверенности, что никто на Дарковере не знает, что матрица у меня. Но кто-то об этом проведал. И этот «кто-то» берет энергию из активированных зон и сбивает нас с толку.

— Только и всего? — Он мрачно посмотрел на меня.

— Я не...

Он поманил к себе Реджиса. Тот подъехал к нам и подтвердил:

— За нами следят, Лью. Я давно это подозревал, а теперь просто уверен.

— Мы не в состоянии противостоять настоящему вооруженному нападению, — сказал Регент и беспокойно посмотрел на Реджиса и Дерика. Я прочел его мысли — телепатические барьеры сейчас были сняты: все важнейшие представители Комина здесь; напав, враги способны просто стереть нас в порошок; с какой стати я завел их в такую глушь, оставив без всякого прикрытия? И еще одну мысль он скрыть не сумел: может, Элтоны все-таки играют в свою игру?

Я слабо улыбнулся ему и сказал:

— Вряд ли я могу винить вас за подобные подозрения. Но у Элтонов нет злого умысла. Однако если бы здесь оказался некто, умеющий обращаться с матрицей Шарры и сознающий ее могущество, — тогда не знаю; тогда, вероятно, я оказался бы просто пешкой в его руках.

Регент повернулся в седле и скомандовал:

— Поворачиваем назад.

— В чем дело? — насмешливо спросил Корус Райднау. — У нашего Элтона душа в пятки ушла?

На его беду Мариус ехал с ним рядом. Он резко наклонился и запечатлел звучную пощечину на физиономии Коруса. Тот отпрянул назад и мгновенно выхватил из сапога кинжал...

И тут началось...

Корус замер, словно окаменев. Кинжал так и остался в его ладони острием вверх. А Мариус закричал. Крик его в абсолютной тишине показался ужасно громким. Никогда в жизни я не слышал в человеческом голосе такой боли. Колоссальный поток энергии обрушился на нас. Богиня ли, демон ли, сила природы или излучение мощного источника энергии — но то была, конечно, она, Шарра. И я услышал еще чей-то яростный вопль — вопль протеста. Свой собственный.

В следующую минуту округу огласил воинственный клич; с деревьев на дорогу стали прыгать люди. Чья-то рука схватила моего коня за поводья. И тут я догадался, кто завлек нас в эту ловушку.

Человек, возникший передо мной, был высок и строен. Из-под выгоревшего чуба в упор на меня глядели серо-стальные глаза. Теперь он казался старше и гораздо опаснее, чем в последнюю нашу встречу. Кадарин!

Моя лошадь отпрянула назад, и я чуть не вылетел из седла. Между тем отдельные крики уже слились в монолитный гул, прерываемый звоном стали, топотом и ржанием испуганных коней. Кадарин выкрикнул на местном гортанном диалекте:

— Прочь от Элтонов! Оставьте их мне!

Он все дергал моего коня за поводья, то в одну сторону, то в другую, стараясь, чтобы конская голова все время оказывалась между нами. Я откинулся назад, почти лег на круп и тут услышал щелчок выстрела. Пуля просвистела возле уха.

— Трус! — крикнул я и поднял коня на дыбы.

От неожиданности он отлетел в сторону и упал. Но тут же вскочил. Однако этой секунды мне хватило, чтобы спрыгнуть на землю и выхватить меч. Какой ни на есть, а все-таки меч.

Когда-то я превосходно фехтовал, а вот Кадарин так и не овладел этим искусством. Земляне не способны на это. Конечно, он всегда имел при себе меч и даже пользовался им в бою; в горах без этого не обойдешься.

Но и у меня раньше было две руки; к тому же это всего лишь парадный меч. Какой же я все-таки идиот! Я же давно почуял опасность, воздух был прямо-таки пропитан ею — и не взял с собой нормального боевого оружия!

Мариус уже дрался у меня за спиной с одним из бандитов. Тощий, скрюченный, он был вооружен жутким длинным ножом. Я все еще пребывал в телепатическом контакте с Мариусом и все время «слышал» проносившиеся у него в голове мысли. Я резко оборвал контакт: у меня хватало забот с Кадарином. Наши мечи со звоном скрестились.

Я лихорадочно соображал. У Кадарина только

одно слабое место: его бешеный нрав. Впадая в ярость, он тут же забывает обо всем на свете, теряет свою холодную рассудочность и становится неукротимым диким зверем. Если мне удастся раздразнить его, заставить хоть на долю секунды потерять самообладание, он тут же утратит и благоприобретенные навыки фехтовальщика. Грязный способ, но я был не в той форме, чтобы позволять себе разборчивость в средствах.

— Эй, ты, сын реки! — крикнул я ему на кауэнга, диалекте, в отличие от остальных буквально перенасыщенном ругательствами и оскорбительными понятиями. — Значит, сандалии еще не откинул? На этот раз тебе не удастся спрятаться за юбку сестрицы!

Ритм его ударов и выпадов не изменился — все такой же быстрый, немного неуклюжий, но смертоносный. Да я и не рассчитывал на особый успех.

Но на какие-то полсекунды он убрал телепатический барьер, охранявший его, и оказался в моих руках!

Его мозг мгновенно был парализован ударом телепатической энергии Элтонов. И тело его тоже словно окаменело. Я протянул руку и вынул меч из его застывших пальцев. И оглянулся. Сражаясь с Кадарином, я совершенно забыл о кипящем вокруг бое, словно мы с ним были одни на этой лесной дороге, только он и я. Да еще моя ненависть. Сейчас я убью его!

Но я уже упустил время. Я был слишком утомлен после контакта с Мариусом. Стоило мне чуть ослабить телепатическую агрессию — и Кадарин немедленно ожил. С диким криком он бросился на меня. Весил он раза в полтора больше, и я растянулся на земле во весь рост. Потом почувствовал страшный удар по голове и погрузился во тьму.

Не меньше тысячи лет прошло, когда из этой тьмы выплыло наконец лицо старого Хастура. Глаза жгло как огнем, я с трудом держал его в фокусе.

— Лежи тихо, Лью. В тебя стреляли и попали. Только они уже исчезли. Вместе с мечом Шарры.

Я попытался было подняться, но чьи-то руки снова мягко и настойчиво уложили меня. Налитые кровью глаза с трудом различали лица; все плыло в каком-то красноватом тумане. Откуда-то издалека до меня донесся голос Лерриса, хриплый, невнятный и ужасно печальный:

— Бедный мальчик!

Я и без того изнемогал от боли, но тут иная боль пронзила меня — невыносимая, смертельная.

Я понял, что Мариус погиб.

Глава V

Я был серьезно контужен. Вторая пуля Кадарина задела мне голову, а внезапная смерть Мариуса вызвала ужасный телепатический шок, в результате которого сильно пострадали клетки головного мозга. Многие дни жизнь моя висела на волоске. К тому же я был на грани безумия.

Помню только яркий режущий свет, холод и шоковое оцепенение. Да еще какие-то толчки и едкий вкус лекарств. Я не помню, как и куда меня везли, но однажды, открыв глаза, я обнаружил, что нахожусь в своей комнате в Замке Комин в Тендаре, а рядом стоит Линнел Эйлард.

Она была очень похожа на Каллину, только чуть выше, смуглее и мягче, с нежным полудетским лицом, хотя ей было почти столько же лет, сколько мне. Ее, пожалуй, можно было назвать даже красивой. Но для меня это не имело ни малейшего значения. В жизни каждого мужчины есть несколько женщин, при виде которых его либидо просто молчит. Линнел никогда не воспринималась мною как женщина. Только как сестра. Я тихо лежал, наблюдая за нею, пока она, почувствовав мой взгляд, не улыбнулась.

— Ну что, узнал меня наконец? Голова болит?

Голова болела ужасно. Я ощупал лоб. Сплошные бинты. Линнел мягко отвела мою руку.

— Давно я здесь?

— В Тендаре? Всего два дня. Но ты долго был без сознания.

— А... Мариус?

— Его похоронили в Скрытом Городе. — Ее глаза наполнились слезами. — Регент приказал, чтобы ему были отданы все почести как истинному члену Комина.

Я высвободил руку из ее ладони и долгое время молчал, глядя на пляшущие солнечные зайчики. Потом спросил:

— А что они решили?

— Совет состоялся сразу, еще до их возвращения в Тендару. Церемония бракосочетания назначена на Праздничную Ночь. Жизнь продолжается.

— Какого бракосочетания? Твоего с Дериком?

— Да нет же, — она застенчиво улыбнулась. — С этим спешить некуда. Каллины с Белтраном из Алдарана.

Я резко сел, несмотря на пронзившую меня боль.

— Неужели они по-прежнему намерены заключить этот союз? Ты шутишь, Линнел! Они что, с ума посходили?

Она покачала головой. Во взгляде ее мелькнула тревога.

— Я думаю, они поспешили с этим решением именно потому, что опасались, что ты придешь в себя и снова попытаешься им воспрепятствовать. Дерик и Хастуры хотели дождаться, когда ты сможешь участвовать в Совете, но остальным удалось их переспорить.

Ни секунды я в этом не сомневался. Комин менее всего был заинтересован в присутствии хотя бы одного дееспособного Элтона в Совете. Я откинулся на подушки.

— Мне надо поговорить с Каллиной!

— Хорошо, я попрошу ее придти сюда. Тебе пока не следует вставать.

Ну уж нет! Эти комнаты в течение многих десятилетий на время заседаний Совета предназначались Элтонам. И наверняка здесь полно всяких подслушивающих устройств и ловушек для перехвата телепатической информации. Комин никогда не доверял мужчинам из рода Элтонов. Поэтому для разговора с Каллиной следовало найти какое-нибудь другое место.

Слуги сообщили мне, где ее найти. Я отодвинул с виду совершенно невинную панель, и мне в лицо тут же ударил поток невыносимо яркого света. Выругавшись, я закрыл и без того измученные глаза ладонями; но и через закрытые веки мне виделся красный свет, а перед глазами все

время вспыхивали желтоватые силуэты только что виденных предметов. Удивленный голос окликнул меня по имени. Свет погас, и передо мной возникло и приобрело четкие очертания лицо Каллины.

— Извини, Лью. Теперь не так ярко? Это мое защитное поле; не люблю, когда мне мешают работать.

— Не надо извиняться. — Хранительница чрезвычайно уязвима, когда работает с Главными Экранами; обычные люди об этом и не подозревают. — Уж мне-то следовало знать, что к тебе нельзя врываться без предупреждения.

Она улыбнулась и подняла занавес, пропуская меня в комнату.

— Да-да, мне говорили; ты ведь специалист по матрицам.

Она опустила занавес. И вдруг мне бросилось в глаза, что в ее облике что-то не так.

Походка женщины может рассказать о многом. Распутница способна выдать себя одним-единственным движением, сразу же породив непристойные мысли. Невинность проявляет себя порой в беспечной легкости. Каллина была молода и красива; но красавицы так не ходят, не делают таких жестов... В ее походке ощущались одновременно и юность, и старость; и неуклюжесть подростка, и спокойное достоинство дожившей до глубокой старости женщины.

Вскоре, впрочем, это ощущение пропало. Я огляделся. Стены, испещренные узорами, тихий, ровный успокаивающий гул. У меня тоже была собственная небольшая матричная лаборатория в старом крыле здания, но она не шла ни в какое сравнение с этим.

Здесь была установлена обычная система слежения за всеми происходящими на планете процессами. Панели посверкивали огоньками, как маленькими звездочками, по одной на каждую зарегистрированную матрицу любого уровня сложности в этой части Дарковера. Помещение окружал специально смодулированный телепатический барьер, который отсекал любые телепатические обертоны, пропуская основную мысль без искажений. Одну стену занимал огромный экран, покрытый мерцающим литым стеклом, о предназначении которого я мог только догадываться; это мог быть, например, один из почти легендарных психокинетических передатчиков. На столе лежала обычная, вполне прозаическая отвертка и несколько обрывков изоляционной ленты.

— Тебе, конечно, известно, что им удалось увезти с собой матрицу Шарры? — спросила она.

— Если б я не был таким ослом, — с чувством ответил я, — то швырнул бы эту матрицу в конвертер еще на Терре и навсегда бы избавился от нее! Да и Дарковер тоже избавил!

— Но тогда здесь все вышло бы из-под контроля, причем навсегда! По крайней мере, пока матрица находилась вне нашего мира, Шарра пребывала в латентном состоянии. Если бы ты уничтожил матрицу, это положило бы конец всем надеждам обезвредить энергетические зоны. Это ведь незарегистрированная матрица, за ней невозможно следить, контролировать ее. И управлять ею невозможно, пока не обнаружены все активные зоны и не взят под контроль свободный приток энергии оттуда. Какой у нее был код?

Я снял барьер и позволил ей войти со мной в контакт, пытаясь одновременно изобразить код матрицы на экране монитора. Но на нем блуждали лишь какие-то неясные блики.

— Не надо было разрешать тебе этого, — сокрушенно покачала головой Каллина. — Ты еще не оправился от ранения в голову! Пойдем отсюда, тебе необходимо отдохнуть!

В маленькой комнате, прозрачная стена которой выходила на расстилавшуюся внизу долину, я рухнул в мягкое кресло и на мгновение полуприкрыл глаза. Каллина наблюдала за мной с отчужденным и задумчивым видом.

— Послушай, — сказал я, — если бы тебе был известен код, ты смогла бы изготовить дубликат этой матрицы и с его помощью установить координаты активированных зон?

— Нет, — ответила она, не задумываясь. — Я могу изготовить дубликат матрицы первого или второго уровня, такой, как вот эти. — Она коснулась пальцем мелких кристаллов, что скрепляли на груди ее платье. — Еще я могу изготовить матричную решетку, по сложности не уступающую матрице Шарры. Но одна я не смогу ею управлять. Однако две совершенно идентичные матрицы четвертого уровня и выше не могут существовать одновременно в одной Вселенной в одно время, не вызывая искажений пространства.

— Закон Кериллиса, — вспомнил я. — «Матрица — единственное и уникальное явление в данной конкретной точке времени и пространства и выведенная из равновесия способна перемещать энергию...».

Она кивнула и добавила:

— Любая попытка изготовить точную молекулярную копию матрицы, подобную той, что управляет Шаррой, — это ведь девятый уровень? или десятый? — вырвет половину планеты из нашей точки пространства-времени.

— Этого я и боялся, — признался я. — Но хотел получить подтверждение от самой Хранительницы.

— Хранительницы! — Она насмешливо хмыкнула. — Линнел ведь уже сказала тебе? Лью, я не так уж обеспокоена этим предполагаемым браком. Если они стремятся убрать меня с дороги и окончательно убедиться, что я не захвачу власть в Совете, то они своего почти добились. Я не могу одна противостоять всем сразу.

Но меня беспокоит совсем другое. Я не верю, что обычные бандиты способны были замыслить нападение с целью выкрасть матрицу Шарры. Кто же их натравил на вас?

— Разве Хастур не сказал тебе, кто?

— Мне кажется, он сам не знает.

— Обычные бандиты, — яростно сказал я, — крадут оружие, провизию, одежду, иной раз драгоценности, но они никогда не осмелятся даже прикоснуться к матрице! Да еще к такой! И как ты думаешь, почему я до сих пор жив? Каллина, я же настроен на частоту этой матрицы — и мое тело, и мой мозг! Даже завернутая в изоляционную ткань она вызывала у меня адскую боль, если к ней прикасался любой, от кого исходили колебания иной частоты! Только три человека на Дарковере могли

взять ее в руки, не причиняя мне вреда. Разве тебе не сказали, что во главе этих «обычных бандитов» стоял Кадарин?!

Ее лицо сделалось совершенно белым.

— Не думаю, чтобы Хастур знал Кадарина в лицо, — сказала она. — Но откуда Кадарину стало известно, что матрица у тебя?

Мне не хотелось думать, что выдал меня Рейф Скотт. Пламя Шарры ведь обожгло и его тоже. Я бы скорее поверил, что Кадарин по-прежнему способен читать мои мысли даже на расстоянии. И тут ощущение великой утраты наконец полностью охватило меня. Теперь, с потерей Мариуса, я был совершенно одинок.

— Лью, — произнесла Каллина, — как произошло, что ты вообще связался с... — Она хотела сказать «с Шаррой», но, увидев мое искаженное судорогой лицо, закончила фразу иначе: — ... Кадарином? Ты никогда не рассказывал.

— Я и сейчас не хочу говорить об этом, — резко ответил я. Снова тот же вопрос, опять и опять! Какой болью отзываются старые раны!

— Я понимаю, тебе нелегко, — сказала она. — Но мне тоже нелегко — меня ведь отдают за Алдарана. — Она больше не смотрела на меня. Взяла сигарету с хрустального блюда и зажгла ее от драгоценного перстня. Я протянул руку и тоже взял сигарету. Она подняла голову и посмотрела на меня с удивлением. Я глаз не отвел:

— На некоторых планетах мужчины тоже курят.

— Не может быть!

— Курят-курят. — Тут я вспомнил, что у меня нет огня и неуклюже нагнулся к ее руке, чтобы прикурить от перстня. — И никто не считает это смешным, постыдным или слишком женственным. Это самое обычное явление. К тому же, мне нравится курить. И ты, вероятно, привыкнешь к этому зрелищу, коминара.

Мы смотрели друг на друга с нескрываемой враждебностью, которая не имела ничего общего с предметом нашего разговора.

Ее губы искривились в насмешливой улыбке:

— Что ж, этого можно было ожидать от землянина, — с презрением проговорила она. — Ну и кури, если хочешь.

Я все еще держал ее за руку. Потом отпустил и глубоко затянулся сладко-горьким дымом.

— Ты задала мне вопрос, — сказал я, глядя на далекие заснеженные вершины. — Попробую на него ответить. Кадарин — молочный брат Алдарана. Никто не знает, кто были его родители. Некоторые утверждают, что он — сын беглеца с Терры, изгнанника по имени Зеб Скотт и полугуманоидной горянки чиери. Но кто бы он ни был, он очень умен и отлично знаком с матричной техникой. Не спрашивай, где он этому научился. Некоторое время он служил в разведке Терры, потом его депортировали с двух или даже трех планет, и он поселился в горах Хеллерса. В жилах многих землян из тех краев течет кровь не только их предков с Дарковера, но и полугуманоидов. Вот там-то Кадарин и начал мутить воду, готовя мятеж. Потом он отыскал меня.

Я встал и прошелся по комнате.

— Ты сама знаешь, как я жил. Здесь меня считали незаконнорожденным, ублюдком, чужаком. А на Терре я считался телепатом, почти уродом. Кадарин по крайней мере дал мне почувствовать, что я хоть для кого-то не чужой.

Мне не хотелось признаваться даже самому себе, что он мне нравился. Я вздохнул.

— Я уже говорил тебе о беглеце с Терры, Зебе Скотте... — И тут неудержимый поток воспоминаний захлестнул меня. Нет слов, чтобы описать те годы странствий, поисков и приключений. — Зеб Скотт умер, пьяный и полубезумный, в винной лавке в Картхоне, непрерывно бормоча что-то о голубом мече и могуществе тысячи демонов. Мы решили, что он говорил о матрице Шарры.

Несколько столетий назад, как гласит легенда, Алдараны призвали Шарру в этот мир; позднее ее власти и могуществу здесь снова пришел конец, а Алдараны за это преступление были изгнаны. И тогда они встали на путь предательства и продали Дарковер землянам, позволив им закрепиться здесь.

Кадарин пытался разыскать меч Шарры. Он нашел его и стал экспериментировать с его силами. Но был необходим телепат. И тут у него под рукой оказался я — слишком юный, слишком дерзкий и безрассудный, чтобы понимать последствия собственных поступков. И еще там были Скотты. Рейф, тогда еще совсем ребенок, и дочери Зеба — Тайра и Марджори...

Я осекся. Бессмысленно все это. Не мог я, никак не мог рассказать ей о Марджори. Яростным щелчком я вышвырнул окурок в окно, глядя, как огонек тлеет на ветру, падая вниз.

— И чего он пытался добиться? — спросила Каллина. Я совсем забыл о ее присутствии.

Об этом я мог рассказывать спокойно.

— А зачем вообще предатель предает? Терра столетиями пыталась любыми средствами — с помощью подкупа, воровства, обмана — заполучить секреты матричной техники. Комин не поддавался, но Кадарин-то знал, что земляне готовы заплатить сколько угодно. Экспериментируя с мечом, он сумел активизировать некоторые энергетические зоны и продемонстрировал это землянам. Но в конечном итоге он обманул и их, открыв в пространстве... нечто вроде дыры, своего рода ворота между мирами, дающие власть надо всем...

Мой голос прервался.

— Будь он проклят, где бы он ни был, живой или мертвый, в этом мире или в ином, отныне и во веки веков! — Я с трудом овладел собой и продолжал уже более спокойно: — Он получил то, что хотел. Но случайно я и Марджори оказались между полюсами...

Я замотал головой. Разве можно рассказать об этом? Чудовищный ужас, что пылал и изливался меж мирами, адский ужас... Марджори, уверенная в себе, бесстрашная на одном из полюсов этого жуткого энергетического источника... И внезапно падающая навзничь, словно подрубленная...

— Мне удалось как-то повредить матрицу и закрыть эти ворота, но для Марджори было уже поздно...

Я замолк, не в состоянии произнести более ни слова, и упал в кресло, закрыв лицо рукой. Каллина быстро подошла ко мне, опустилась на колени и обняла за плечи.

— Я знаю, Лью, я знаю.

Я вырвался из ее объятий.

— Ты знаешь! Благодари богов, что ты знаешь не все! — яростно выдохнул я. И тут же, захваченный собственными воспоминаниями, припал лицом к ее груди. Да, она знала. Она пыталась спасти нас обоих. Марджори умерла у нее на руках. — Да, — пробормотал я. — Ты знаешь все остальное.

Голова ужасно болела. И еще, словно доносившееся издалека эхо, я слышал биение ее сердца под тонким шелком платья. Ее волосы нежно, как лепестки цветка, касались моего лица. Я сжал ее тонкие пальчики своей здоровой рукой.

Она откинула голову назад и посмотрела на меня.

— Нас с тобой только двое, чтобы противостоять всему этому, Лью. Хастур связан соглашениями и должен подчиняться решению Совета. Дерик — полный дурак, Реджис — всего лишь мальчишка. Что до Райднау и Ардисов, то они готовы на все, лишь бы сохранить собственную власть. Да они самих себя готовы продать Терре, если сочтут, что это выгодно! В одиночку ты бессилен. А я... — губы ее шевельнулись, но до меня не донеслось ни звука.

Потом она заговорила снова:

— Я — Хранительница. Я могла бы иметь власть, не меньшую, чем у Ашары. Ашара обеспечила бы мне достаточное могущество, чтобы управлять всем Советом, если б я сама ей это позволила. Но я не желаю быть марионеткой в ее руках! И не буду! Совет тянет меня в одну сторону, Ашара — в другую. И Белтран тоже такой!

Мы прижимались друг к другу, как дети, напуганные темнотой. Я чувствовал тепло ее тела. И еще сильнее обнял ее. Она не успела ничего сказать, когда я поцеловал ее. И не сопротивлялась, когда я приподнял ее, чуть откинув ей голову, и снова поцеловал.

Последние красноватые отблески заката гасли за пиком Неварзин; на небе появились первые звезды.

Глава VI

Столетия назад, когда власть Комина была непоколебима, Хрустальный Зал, вероятно, был даже мал для всех тех, кто по праву рождения мог присутствовать на заседаниях Совета. Ровный голубоватый свет лился сверху, озаряя прозрачные стены, сверкавшие зелеными, пурпурными и золотистыми искорками. В полдневные часы здесь возникало ощущение, что находишься в центре радуги; ночью же — что плывешь где-то в вышине по воле ветров в полном одиночестве.

Здесь меня впервые представили членам Комина. Мне было всего пять лет, и я был слишком нескладным, тощим и темноволосым для истинного отпрыска Великого Рода. Однако я отлично запомнил тот спор, который вызвало здесь мое появление. Старый Дувик Элхалайн кричал: «Кеннард Элтон, ты попусту тратишь наше время, ты оскорбляешь священное место, приведя сюда этого полукровку, своего ублюдка!»

И тогда — прекрасно помню и это — мой отец в ярости повернулся и поднял меня высоко над головой.

И они подавились. Никто никогда не осмеливался дважды перечить моему отцу — ярость его производила слишком сильное впечатление. Да, я был и остался полукровкой, ублюдком, чужаком. Малышом я часами сидел здесь, наблюдая бесконечные церемонии, в которых ничего не понимал, ощущая боль от матрицы, прижатой к запястью и транслирующей свой код в мою плоть, что закрепляло мое членство в Комине ... Я взглянул на запястье. Да, отметина была видна по-прежнему.

— О чем задумался? — требовательно спросил Дерик.

— Извини. Ты о чем-то меня спросил? Я просто вспомнил, как в первый раз попал на заседание Совета. Тогда нас было больше.

— Ну, раз так, то тебе самое время заняться воспитанием собственных сыновей, мой милый, — рассмеялся он.

Его слова грустью отдались в моей душе. Владения Элтонов, плодородные зеленые долины выше Дэйллона, ждали меня. Я оглянулся, ища глазами Каллину; она сидела, прижавшись к Линнел, в огромном кресле. Дерик подошел к ним, чтобы поговорить с Линнел. Она радостно смотрела на него, да и красивое лицо принца озаряло некое внутреннее сияние. Нет, он вовсе не глуп, просто скучен. И недостаточно хорош для Линнел. Но она любит его.

Случайно мой взгляд встретился с Дио Райднау. Покраснев, она опустила глаза. Сквозь хрустальную призму двери вошел Дайан Ардис, и я нахмурился. Дайан, только Дайан знал, что матрица Шарры находилась у меня. Пока меня не было на Дарковере, Мариус, юнец, мальчишка, презираемый Комином за иноземную кровь, был бессилен. И я — в одиночку — тоже был бессилен, к тому же меня искалечили... Но вдвоем с Мариусом мы представляли огромную опасность для Дайана, для его амбиций и устремлений. Я быстро решился и мгновенно вошел в телепатический контакт с Дайаном. Он нахмурился и поднял голову, тут же выставив защитный барьер. Я не стал принимать вызов. Рано пока.

Вдруг с места поднялся Леррис Райднау и вызывающе оглядел зал. Хастур, не обращая внимания на меня, поднял свой жезл, разрешая ему говорить.

— Комин, я хочу высказать свое личное мнение...

Я заметил, что Дио сжала свои кулачки. Неужели Леррис действительно намерен вытащить на обсуждение Совета нашу с ней любовную историю, происходившую на другой планете, и потребовать от меня удовлетворения именно теперь? Но Леррис смотрел не на меня, а на Дерика.

— Лорды, сегодня, когда Комин в разладе с другими властителями Дарковера, наш юный принц должен взять себе жену не из членов Совета и таким образом привлечь на нашу сторону новых могущественных союзников. А Линнел Эйлард тоже способна, выйдя замуж, дать права членства в Комине сильному и преданному нам мужчине со стороны.

Я глядел на него во все глаза. Линнел побледнела от неожиданности, а Каллина тотчас же вскочила:

— Линнел — это моя забота! И Совет не имеет права вмешиваться!

— Вмешиваться? — угрожающе переспросил Дайан. — Хранительница оспаривает волю Совета?

— Ничуть, — возразила Каллина. — Я никогда не оспариваю волю Совета в том, что касается меня самой. Но в отношении Линнел — да! И буду оспаривать!

Молчать я не мог.

— Идиоты! — закричал я. — Сидим тут, как старики на базарной площади, и обсуждаем, кого на ком женить! Разве дыру в плотине можно заткнуть соломой?

Все смотрели на меня, но я вдруг замолк, снова почувствовав, словно чья-то рука сжимает мне горло. Что это?!

Лицо Каллины расплылось в каком-то радужном сиянии. Неужели после ранения у меня расстроилось зрение? Но Каллина подхватила мою мысль:

— Несомненно, Великие Лорды, мы спокойно можем заниматься всякой чепухой, пока Терра обретает все большее число союзников и превращает нашу Тендару в мерзкий и грязный Торговый Город. Мы сидим тут и спорим, а наша молодежь тем временем развлекается на других планетах! — Она осуждающе глянула на Дио Райднау. — А мы себе заседаем в Хрустальном Зале и устраиваем чужие браки! Меж тем матрица Шарры находится в руках Кадарина! Вы же сами были свидетелями того, сколь низко пала власть Комина всего пару дней назад — и что же вы предприняли? Вы позволили этим бандитам убить Мариуса Элтона и ранить Лью. Именно тех, кого вы должны были беречь больше собственной жизни! Кто из вас будет отвечать за смерть Мариуса? И кто из вас осмелится занять его место?

Прежде чем кто-либо успел ей ответить, я снова вскочил:

— Великие Лорды!..

Внезапно мне не хватило воздуха, и я впервые понял,что нахожусь в телепатическом контакте с Каллиной — несмотря на барьеры! — и что даже этот слабый, поверхностный контакт уже совершенно истощил меня. Вырваться! Немедленно выйти из контакта! Что это она надумала? У меня нет сейчас сил сопротивляться воздействию барьеров! Однако Каллина явно не понимала меня и не прерывала телепатическую связь. Неимоверным усилием я постарался освободиться. Я был уже так ослаблен, что едва стоял на ногах. Ухватившись за перила ограждения, чтобы не упасть, я рухнул в кресло, так и не сумев прервать контакт. Неужели это сама Каллина?..

В зале стало вдруг очень тихо. Лицо Дио было бледным и напряженным.

— Что у нас тут происходит с барьерами? — хрипло спросил Леррис.

Хастур поднялся и, наклонившись над огромным столом, начал было что-то говорить, но поднял глаза и застыл с раскрытым ртом.

Каллина замерла на месте.

Пол закачался у меня под ногами. А в вышине над нами возникло какое-то мерцание. Воздух словно дрожал и переливался.

— Это же... Знак Смерти! — выкрикнул кто-то. И все смолкли. Воцарилось гробовое молчание.

Я не мог оторвать глаз от сияния в воздухе, похожего на живой огонь, и чувствовал, что кровь стынет у меня в жилах и уходят последние силы . Скрученное, искривленное пространство трепетало и вспыхивало. В душе моей, неподвластные разуму, бушевали примитивные инстинкты. С незапамятных времен этот знак означал одно: разрушение и гибель души и тела.

— Колдунья! Дьяволица! — Среди всеобщего молчания раздался голос Дайана. С проклятиями он подскочил к Каллине, схватил ее за плечи, тряхнул, поднял из кресла и буквально отшвырнул в центр зала.

Юный Реджис, непонятно как угадав его намерение, рванулся вперед и успел подхватить Каллину. Только тогда я наконец вышел из ступора и бросился к Дайану. Наконец-то у меня был повод! Человек, осмелившийся поднять руку на Хранительницу, терял право на неприкосновенность. Поток чудовищной ненависти и ярости, исходящий от меня, застал Дайана врасплох. Дар Элтонов, даже без поддержки, — страшное оружие. Мозг Дайана, беззащитный и совершенно открытый для меня, я атаковал мгновенно и яростно. Какое непередаваемое наслаждение! Я так долго сдерживал себя — с той самой минуты, когда он сумел вторгнуться в мои мысли там, в лайнере! Он скорчился от боли, как-то весь съежился и рухнул, стеная и задыхаясь.

Огненный знак в воздухе дрогнул и растаял. Пространство вновь обрело нормальный привычный вид.

Каллина опиралась на руку Реджиса, бледная и потрясенная. Я все еще стоял над поверженным Дайаном; его защита была полностью уничтожена — убить его сейчас ничего не стоило. Но тут ко мне бросился Дерик. Он обхватил меня руками.

— Что ты делаешь, сумасшедший?!

Прикосновение обычно позволяет сразу уловить, каков уровень ментальной и духовной силы человека. Прикосновение Дерика потрясло меня: он оказался совершеннейшим слабаком! Я, конечно, всегда подозревал это, но такого замешательства даже от него не ожидал. Я брезгливо отодвинулся и несколько ослабил давление на мозг Дайана.

— Во имя Алдонеса! — раздался хриплый, но совершенно спокойный голос Хастура. — Я требую тишины!

Дайан, шатаясь, поднялся на ноги и отошел в сторону. Я не мог пошевелиться, и у меня уже не осталось сил, чтобы бросить вызов Хастуру. Регент мрачно поглядел на Каллину.

— Это очень серьезно, коминара Каллина!

— Несомненно. Только разве я имею к этому какое-то отношение? — Она отпустила руку Реджиса. — А-а, понимаю, вы меня обвиняете в... в этом происшествии?

— А кого же еще? — воскликнула Дио. — Каллина у нас — сама невинность. Но только с виду! Вместе с Ашарой они...

Каллина готова была испепелить ее взглядом.

— Надо ли вспоминать здесь, в Совете, и твои прегрешения, Дио? Ты ведь тоже некогда искала помощи Ашары!

Дио быстро посмотрела на меня и с отчаянным видом упала на грудь своему братцу Леррису.

Гордо вскинув голову, Каллина оглядела зал.

— Мне нет нужды оправдываться, Дио. Твои об-

винения просто нелепы. А вот с тобой, Дайан Ардис, я посчитаюсь! Мне от тебя ничего не нужно. Но если ты еще раз посмеешь ко мне прикоснуться, это будет тебе стоить жизни. Пусть все слышат! И пусть он остережется тронуть меня хоть пальцем. Я — Хранительница! Ни один мужчина, трижды коснувшийся меня, не проживет и дня!

Она повернулась и направилась к выходу. И когда занавеси сомкнулись за ее спиной, никто не произнес ни слова.

Потом Дайан вдруг грубо расхохотался.

— А ты ничуть не изменился за эти шесть лет, Лью Элтон! Тебя по-прежнему тянет к ведьмам. Вот ты ее защищаешь, эту колдунью, а ведь и сам некогда променял честь Комина на любовь какой-то дикарки с гор, подсунутой тебе Кадарином...

Однако договорить я ему не дал.

— Ад Зандру! — вскричал я. — Она была моей женой! Не смей трепать ее имя своим грязным языком! — И я с размаху влепил ему пощечину, попав открытой ладонью прямо по ощеренному в улыбке рту. Он вскрикнул и отпрянул назад. Рука его мгновенно скользнула в вырез рубашки...

Но рядом с ним с быстротой молнии возник Реджис. Он вырвал у Дайана маленький смертоносный предмет, который тот уже успел поднести ко рту, и с отвращением швырнул на пол.

— Духовая трубка! В Хрустальном Зале! И ты еще говоришь о чести, Дайан Ардис!

Двое Хастуров держали Дайана за руки. Один из братьев Райднау положил руку мне на плечо, видимо, желая успокоить, но это было уже ни к чему.

Я больше не мог этого вынести.

Я повернулся к ним спиной и пошел прочь.

Я бы задохнулся, если бы продолжал оставаться в зале.

Совершенно не заботясь о том, куда несут меня ноги, я куда-то шел по бесконечным переходам, преодолевая один лестничный марш за другим. Это приносило мне странное облегчение, хотя голова все еще болела. Меня тащила вперед странная потребность в движении, в физическом действии.

И почему я не остался на Земле?

Проклятый Знак Смерти! Половина членов Комина готова принять его за сверхъестественное знамение, за предупреждение о чрезвычайной опасности.

Это вступила в действие матрица-ловушка, одна из тех древних, незаконных матриц, которые способны напрямую влиять на мозг и эмоции человека, пробуждая глубоко упрятанную память времен варварства, разные атавистические страхи, ужасы освобожденного подсознания примитивной личности и племени, отбрасывая человека назад, к состоянию дикого, лишенного разума существа.

Кто был способен вызвать это явление?

Например, я сам, но я этого не делал. Каллина? Ни одна Хранительница не осмелится на столь страшное святотатство. Леррис? Этот мог использовать Знак как одну из своих идиотских шуточек, правда, не думаю, что он обладал для этого достаточной подготовкой. Дайан? Нет, он, пожалуй, и сам испугался. Дио, Реджис, Дерик? Глупости! Этак и старого Хастура недолго обвинить! Или малышку Линнел.

Дайан... А у меня не было даже возможности убить его в честном бою!

Я стоял высоко-высоко, на балконе, выступающем из стены Замка Комина. Внизу расстилались поля, похожие на географическую карту, — сплошная жженая сиена с красными, пыльно-золотистыми и охряными пятнами. Вокруг переливались разными цветами стены замка, отражая лучи закатного солнца, садящегося в тучу цвета крови и пламени. Кровавое Солнце. Так земляне называют солнце Дарковера. Название справедливое — и для них, и для нас.

А высоко надо мной уходил в небо шпиль Башни Хранительниц, надменно возвышаясь над замком и городом. Я посмотрел на него оценивающе. Не думаю, что Ашаре, какой бы древней старухой она ни была, удастся остаться в стороне, если в Комине начнется резня.

Кто-то окликнул меня по имени, и я, обернувшись, увидел Реджиса Хастура, стоящего в арочном дверном проеме.

— У меня для тебя послание, — сказал он. — Но я не собираюсь его тебе передавать.

— Не хочешь, не передавай, — мрачно улыбнулся я. — А в чем дело?

— Дед велел мне призвать тебя назад.

— Продолжить обсуждение кандидатуры невесты? — съязвил я.

— Видишь ли, ты не все знаешь — не принял моей иронии Реджис. — Почему именно Каллина? Почему Хранительница? Почему не Дио, не Линнел, не моя сестра Джаванна или какая-нибудь другая коминара? Белтрану ведь все равно. Он женился бы и на обыкновенной девушке, лишь бы получить *ларанские права* на членство в Совете. Но нет. Слушай, ты ведь знаешь, что по закону Хранительница должна блюсти девственность, иначе она утратит способность работать с Экранами?

— Да вздор все это, — ответил я.

— Вздор или нет, но все в это верят. И дело в том, что этот брак дает возможность убить сразу двух зайцев. Получить Белтрана в союзники и навсегда убрать с пути Каллину — причем законным и вполне безопасным способом.

— Да, тут все сходится, — сказал я. — И Дайан, и все прочее. — Мало того, что Дайан не желал появления в Совете еще одного взрослого Элтона, гораздо большую опасность для него могла представлять Хранительница, также входящая в состав Комина.— Нет, этот брак им удастся осуществить только через мой труп.

Реджиса тут же осенило:

— Тогда женись на ней сам, Лью! И немедленно! Если нужно, это можно сделать тайно, в зоне Терры.

Я печально улыбнулся, показав ему свою изуродованную руку.

По законам Дарковера я не мог жениться, пока Кадарин жив. Неосуществленная кровная месть всегда стоит на первом месте в любой череде обязательств.

Я покачал головой.

— Она никогда на это не согласится. А теперь говори честно, зачем ты сюда пришел? — меланхолические нотки исчезли из моего голоса.

— Этот Знак Смерти... — пробормотал Реджис, и

лицо его исказилось от страха. — Я и представить себе не мог, я не...

Он бы сам рассказал мне все, если бы у меня достало терпения его слушать. Но терпения-то у меня и не хватило. И я сделал то, чего стыжусь и сейчас: схватил его за запястье своей здоровой рукой и быстрым движением прижал к перилам. Я научился этому приему на Виаллесе. Он попытался атаковать меня, и я перехватил его мысль:

«Не могу же я драться с одноруким!»

Это еще больше разъярило меня. Ослепнув от ярости, я совершил против него телепатическую агрессию и буквально ворвался в его мозг, в один миг обнаружив то, что мне было нужно. Только тогда я отпустил его. Совершенно белый, весь дрожа, Реджис без сил привалился к перилам. А я, ощущая во рту горький вкус одержанной победы, повернулся к нему спиной. Чтобы хоть как-то оправдать свою грубость, я прорычал:

— Значит, это ты вызвал появление Знака Смерти! Ты, Хастур!..

Реджис поднял голову; его трясло от гнева.

— Я бы с наслаждением разбил тебе морду, если бы ты не был... Какого черта тебе потребовалось это делать?!

— Я узнал то, что хотел узнать, — хрипло возразил я.

— Это уж точно, — пробормотал он, сверкая глазами, и дрожащим голосом прибавил:

— Именно этого я и боялся. Потому и пришел к тебе. Ты же Элтон, я думал, ты сразу все понял. Там, в Совете, меня словно что-то стукнуло... Я ведь толком ничего не знаю о матрицах, ты , наверное, уже понял это? Не знаю, как у меня это получилось. И почему..? Я просто подумал об этом знаке... Мне казалось, я могу все рассказать тебе и спросить... — Голос у него сорвался; он был на грани истерики. Вдруг он хрипло выругался, как мальчишка, старающийся не заплакать. Он весь дрожал.

— Ну ладно, — произнес он, помолчав. — Я по-прежнему боюсь... Я мог бы убить тебя за то, что ты со мной сделал. Но мне больше не к кому обратиться за помощью. — Он судорожно сглотнул. — По крайней мере ты это сделал в открытую. Это еще ничего. Хуже всего то, что я сам не знаю, что способен сделать в следующий момент.

Пристыженный и совершенно растерянный, я пошел прочь. Реджис ведь пытался подружиться со мной, сойтись поближе — и встретил с моей стороны то, чего мог бы ожидать только худший мой враг. От стыда я не мог поднять глаз.

Однако минуту спустя Реджис последовал за мной.

— Лью, — начал он, — я же сказал: давай забудем об этом. Нам нельзя сейчас ссориться. Разве ты этого не понимаешь? Мы с тобой в одинаковом положении, оба совершаем поступки, на которые никогда не осмелились, если бы все вокруг не сошли вдруг с ума.

— Спокойно, — ответил я. — Все мы напуганы. Я тоже. И на это должна быть какая-то серьезная причина. — Я помолчал, пытаясь вспомнить все, что знаю о способностях членов Комина. Многие их таланты теперь почти выродились, угасли в результате многочисленных браков с чужеземцами. Но в Реджисе словно вновь возродились все черты и качества далеких предков; это проявилось даже в его внешности. Может быть, он и древний Дар тоже унаследовал?

— Великий Дар Хастуров, в чем бы он ни выражался, видимо, находится у тебя в латентном состоянии. Скорее всего, ты подсознательно пришел к мысли, что заседание Совета надо прервать, и невольно прибегнул к столь странному способу. Если бы... не мой поступок... я мог бы предложить свою помощь: вошел бы в твой мозг и тщательно проанализировал все твои мысли. Однако теперь ты мне вряд ли это позволишь...

— Вероятно, нет. Прости.

— За что же? — резко возразил я. — Я и себе-то не доверяю после всего этого. Однако Ашара — или Каллина, коль уж на то пошло, — словом, одна из Хранительниц на такое вполне способна.

— Ашара? — Он задумчиво уставился на Башню Хранительниц. — Не знаю. Может быть.

Мы облокотились на перила, глядя вниз, в долину, почти совсем скрывшуюся в вечерней мгле. Замок вдруг словно вздрогнул от далекого громового раската, и небо прочертила серебристая стрела с алым хвостом. Мелькнула и исчезла.

— Почтовая ракета, — сказал я. — Из их зоны.

— Терра и Дарковер, — произнес чей-то голос у нас за спиной. — Могущество, которому мы не в силах противостоять, препятствие, которого нам не преодолеть.

На балкон вышел старый Хастур.

— Знаю, знаю, — сказал он. — Юные Элтоны не любят, когда им кто-то приказывает. Откровенно говоря, мне самому это не доставляет никакого удовольствия. Я слишком для этого стар. — Он улыбнулся Реджису. — Я отослал тебя, чтобы ты тоже не влез в эту свару. Однако от тебя, Лью Элтон, я требую впредь сдерживать свой темперамент!

— Ах вот как! — воскликнул я. У меня не находилось слов. Какая несправедливость!

— Да-да, я знаю, тебя спровоцировали. Но если бы ты сдержал свой праведный гнев... — В словах Хастура звучала почти неуловимая ирония, — тогда во всем винили бы одного Дайана. А теперь... Ты первым нарушил закон о неприкосновенности члена Комина. А это очень серьезно. Дайан поклялся, что потребует твоего изгнания.

— Не потребует, — ответил я почти вызывающе. — По закону требуется присутствие в Совете хотя бы одного наследника каждого рода, обладающего ларанскими правами. Иначе зачем вам было тратить столько сил, чтобы вызвать меня сюда? Я последний оставшийся в живых Элтон и у меня нет детей. Этот закон Комина не может нарушить даже Дайан.

Хастур нахмурился.

— А ты, стало быть, считаешь, что тебе нарушать законы Комина можно? Ты не прав, Лью. К тому же Дайан клянется, что нашел твоего ребенка.

— Моего ребенка ?! Гнусная ложь! — зло выпалил я. — Я шесть лет жил в чужих мирах. Я постоянно работал с матрицами, и вам должно быть известно, что это значит: я соблюдал полный целибат. — Мысленно я простил себе тот единственный случай. Если бы Дио родила ребенка после лета на

Вэйнуоле, я бы об этом знал. Знал ? Да меня бы за это просто убили!

Регент скептически оглядел меня.

— Да-да, я знаю. А до того? Ты ведь тогда был уже взрослым, Лью, и вполне мог стать отцом, не так ли? А ребенок — из Элтонов!

Я задумался. Вряд ли у меня здесь был сын. Это, конечно, не было абсолютно невероятным, особенно если вспомнить о некоторых приключениях моей ранней юности. И все же вряд ли.

— Предположим, я обвиню Дайана во лжи. Пусть он представит этого моего ребенка, пусть докажет мое отцовство, пусть требует моего изгнания и проклятия на вечные времена. В конце концов я ведь и не стремился сюда возвращаться. Предположим, я позволю ему проделать все это, что тогда?

— Тогда, — мрачно произнес Хастур, — мы окажемся там же, откуда все это начали. — Он положил свою морщинистую руку на мою. — Лью, мне пришлось чуть ли не драться, чтобы тебя согласились призвать назад. Потому что твой отец был моим другом; и потому что мы, Хастуры, оказались в полном меньшинстве в Совете. Я считал, что ты нужен Комину. Так не подводи же меня, не стремись нарушить мир при каждом удобном случае.

Я повесил голову, чувствуя себя совершенно несчастным.

— Я попробую. Но, клянусь мечом Алдонеса, было бы гораздо лучше, если бы я оставался в космосе!

Глава VII

Расставшись с обоими Хастурами, я отправился к себе, чтобы обдумать то, что узнал сегодня.

Я угодил прямо в расставленную Дайаном ловушку. Только благодаря заступничеству Хастура меня до сих пор не изгнали. Все это время — теперь я это понимал прекрасно — они просто заманивали меня, вынуждая бросить Совету открытый вызов. Теперь еще этот якобы мой ребенок... Это либо ребенок отца, либо Мариуса... Игрушка в чужих руках...

И Каллина. Убежденность в том, что Хранительница должна блюсти девственность — просто суеверие, чушь, но должна же за этим стоять хотя бы крупица научной истины, как и за всеми прочими традициями и установлениями Комина.

Суеверные могут верить во все, что им нравится. Но я по собственному опыту знал, что любой телепат, работая с Экранами, скоро начинает понимать, что все его нервные и физические реакции настроены на код матриц. Специалист по матричной технике часто переживает очень длительные периоды вынужденного воздержания. Именно вынужденного. Его импотенция — это защита, выставляемая самой природой. Нарушив или ослабив свои нервные реакции в результате физических или эмоциональных перегрузок, он нарушает и эндокринное равновесие своего организма. И немедленно за это расплачивается. Человек может перенапрячь свою нервную систему до такой степени, что произойдет нечто вроде короткого замыкания. И он сгорит, как плавкий предохранитель. В итоге полное нервное и физическое истощение и чаще всего смерть.

Женщина лишена такого природного защитного механизма, как импотенция. Поэтому Хранительницы издревле жили практически в заточении. Если же разбудить в девушке женщину, вызвав к жизни ее эмоционально-сексуальную сферу, оказывающую столь мощное влияние на нервную систему и клетки мозга, то уже невозможно установить какие-либо барьеры или преграды, обеспечивающие безопасность Хранительницы. Поэтому или полное и абсолютное целомудрие, или отказ от титула Хранительницы и от работы с Экранами.

Да мне и самому следовало бы соблюдать осторожность. Я уже и так подверг Каллину огромной опасности.

Я повернулся на звук шагов. Передо мной стоял мрачный Андрес, приземистый неуклюжий землянин, человек страстный и уверенный в себе. Но я слишком хорошо его знал, чтобы принять всерьез те свирепые взгляды, которыми он меня одаривал.

Не имею ни малейшего понятия, как этот бывший космонавт с Терры попал в дом отца, но Андрес Рамирес всегда был частью нашей семьи с тех пор, как я себя помню. Он учил меня ездить верхом, делал игрушки для Мариуса, отпускал нам шлепки, когда мы умудрялись расквасить друг другу нос или носились сломя голову, он рассказывал нам бесконечные истории, не имевшие ни малейшего отношения к действительным событиям прошлого. Я так и не выяснил, почему он не может вернуться на свою родную планету. Или не хочет. Но когда он проворчал: «Ну, чего ты стоишь как столб?», — я словно вновь попал в детство.

— Я не просто стою, я думаю, черт бы тебя побрал! Думаю!

— Там один из Райднау тебя видеть жаждет, — фыркнув, сообщил он. — Ну и людишки тебя посещают в последнее время!

В соседней комнате меня ждал Леррис, страшно напряженный и явно не в себе. Я насторожился, но все же достаточно вежливо предложил ему сесть:

— Если ты пришел по поручению Дайана, передай ему, чтобы ни о чем не беспокоился. Боя не будет. Так решил Хастур.

Леррис рухнул в кресло.

— Да нет, я не за этим пришел. У меня к тебе есть предложение. Тебе никогда не приходило в голову, что теперь, когда твой отец умер, мы трое — ты, я и Дайан — единственная сила Комина?

— Очаровательная компания, — сухо заметил я.

— Давай обойдемся без оскорблений. Нам нет смысла ссориться между собой, у нас и без того хватает забот. Ты наполовину землянин, и, надо полагать, у тебя есть кое-какой здравый смысл. Ты ведь знаешь, как Империя отнесется к тому, что у нас здесь происходит? Они будут говорить лишь с теми, кто в состоянии отдавать приказы, кому будут повиноваться. Так почему бы нам троим — тебе, мне и Дайану — не командовать всем Дарковером?

— Измена, — медленно процедил я. — Ты говоришь так, словно Комина уже не существует.

— Да он все равно развалится. Через поколение, максимум через два, — спокойно ответил Леррис. — Твой отец и Хастур в течение последних десяти лет удерживали его от распада только силой своего личного влияния. Ты же видел, что такое Дерик.

Неужели ты думаешь, что он способен заменить старого Хастура?

Так я, конечно, не думал.

— Но тем не менее, — сказал я, — я член Комина и поклялся поддерживать Дерика, пока он жив.

— И отсрочить неминуемую катастрофу еще на одно поколение? Любой ценой? — напирал Леррис. — Не лучше ли прямо сейчас заняться некоторыми приготовлениями, а не дожидаться полного развала и анархии, на устранение которых потом потребуются долгие годы?

Он оперся подбородком на руку, настойчиво глядя на меня.

— Земляне многое могут сделать для Дарковера. И ты тоже. Послушай, Лью. У каждого человека есть своя цена. Я видел, какими глазами ты сегодня смотрел на Каллину. Сам-то я ни за что на свете и пальцем до нее не дотронусь, не говоря уж о брачной постели. Но это, полагаю, дело вкуса. Раньше мне казалось, что тебе нужна Дио. Однако это прекрасно сочетается с нашими планами. Ты гораздо лучше, чем Белтран. Ты получил образование на Терре, но внешне ты настоящий уроженец Дарковера. И ты член Комина. Один из представителей нашей древней аристократии. Народ примет тебя. Ты сможешь править всей планетой!

— Подчиняясь землянам?

— Все равно найдется кто-нибудь другой. Так ты подумаешь над моим предложением? — спросил Леррис.

Я не ответил. Повинуясь внезапному импульсу, я пристально посмотрел ему в глаза. Он вдруг весь посерел, тонкие черты лица заострились. Это меня обеспокоило. Райднау всегда славились сверхчувствительностью. В далеком прошлом, когда Дарковер имел дело с полугуманоидами, в их семье этот Дар был специально взращен и развит: они научились обнаруживать чуждое присутствие, предупреждать о неблагоприятных физических или телепатических явлениях.

— Есть вещи гораздо хуже, чем Терра, Лью, — продолжал Леррис со странной настойчивостью. — Уж лучше сделать Дарковер колонией, чем оказаться один на один с Шаррой или чем-нибудь подобным, да еще исходящим от твоего собственного народа.

— Да сохранит нас Эрлик и от того, и от другого!

— Но выбор в конечном итоге может оказаться именно за тобой.

— Черт возьми, Леррис, я ведь не такая уж важная персона!

— Ты, может быть, этого и не знаешь, — но ты вполне мог бы оказаться ключевой фигурой при нынешнем раскладе.

Я внимательно посмотрел на него, и мне вдруг показалось, что я вижу не одного человека, а сразу двух. Друга моего брата, настойчиво пытающегося переманить меня на свою сторону, и кого-то еще, скрытого в глубине и использующего Лерриса в собственных целях. Я уж подумывал, не установить ли мне барьер, пока ему не пришло в голову использовать против меня какую-нибудь телепатическую уловку. Но я раздумывал слишком долго.

На меня вдруг обрушился поток чудовищной злобы. Я вскочил на ноги и лишь с огромным трудом сумел укрыть свое сознание за барьером. И бросился на Лерриса. Я схватил его здоровой рукой и яростно обрушил на него всю свою телепатическую мощь.

Но это был не Леррис!

Я встретил великолепную глухую защиту. Леррис в одиночку никогда бы не сумел создать такую. Я напрягал все силы, мой напор был гораздо сильнее, чем тогда, когда я атаковал Дайана, — а ведь Райднау особенно восприимчивы к телепатической агрессии. Но если я никак не мог добраться до того, кто использовал Лерриса, то самому ему под моим напором приходилось плохо. Он дернулся, осел на пол и забился в конвульсиях, тщетно сопротивляясь атаке. С силой маньяка, дикого зверя он наконец освободился от моей хватки и, благодаря невесть откуда взявшимся силам, вдруг сумел установить защитный барьер. Скрипнув зубами от бессильной ярости, я оставил его в покое, убрав телепатическое поле. Если бы тот, кто сейчас управлял Леррисом, вдруг бросил его в одиночестве, он был бы уже мертв или сошел бы с ума еще до того, как я прекратил агрессию.

С минуту Леррис лежал, судорожно вздыхая. Потом вдруг вскочил. Я напрягся, готовясь к новой атаке, но он неожиданно миролюбиво сказал:

— Что ты так на меня уставился? Неужели тебя удивляет, Лью, что на Дарковере тебя считают действительно важной фигурой? Подумай над моими словами! Твой брат обладал здравым смыслом, а ты старше и умнее его. Думаю, в итоге ты придешь к выводу, что я прав.

Дружески улыбаясь, он протянул мне руку. Пораженный, я машинально коснулся его ладони, все еще опасаясь очередного подвоха.

Но ум его был чист и свободен от малейшего намека на обман или вероломство. Тот, чужой, что управлял им, исчез. А Леррис, видимо, даже и не подозревал о том, что произошло.

— Что случилось? Ты что-то бледен, — продолжал он. — Я бы на твоем месте установил барьер и постарался расслабиться. Тебе надо отдохнуть. Ты ведь еще не оправился после того удара по голове. — Он поклонился и вышел. Я упал на кушетку, размышляя, уж не нарушил ли тот удар по голове заодно и моей способности трезво мыслить. Что мне теперь, только и делать, что остерегаться очередного нападения? Или я уже окончательно рехнулся?

Схватка, подобная только что происшедшей, всегда совершенно опустошает; меня буквально всего трясло; нервы были напряжены до предела. Андрес, раздвинув занавес, вошел в комнату и остановился в замешательстве.

— Принеси мне чего-нибудь выпить.

Он начал было, как обычно, возражать по поводу выпивки на пустой желудок, но, посмотрев на меня повнимательнее, перестал ворчать и вышел. У меня не в первый раз возникло подозрение, что он обладает гораздо большими телепатическими способностями, чем принято считать. Вернулся он со стаканом крепкого земного напитка, который контрабандой продавался в Тендаре.

Пальцы совершенно отказывались мне повиноваться и удерживать стакан; к собственному стыду, я вынужден был откинуться на спинку кресла и по-

зволить Андресу напоить меня. Зелье было прямо-таки огненное; пить его не слишком хотелось, но я все же проглотил немного, и в голове сразу несколько прояснилось; я даже смог сесть и сам взял стакан. Пальцы больше не дрожали.

— Перестань со мной нянчиться, как с младенцем! — заорал я на Андреса, который почему-то продолжал обеспокоенно суетиться вокруг меня. Впрочем, его ворчание как всегда подействовало на меня успокаивающе; точно так же он ворчал, когда я в детстве свалился с пони и сломал себе два ребра.

Однако я пренебрег его предложениями поесть или прилечь и вышел на крыльцо.

Небо заволокло тучами, явно приближалась гроза. Над отрогами Неварзина уже виднелись светлые столбы — мощные дождевые струи. Для землян — самая отвратительная погода, слишком они привыкли полагаться на свои самолеты и ракеты. Наши верховые и тягловые животные, выращенные в горах, привыкли к ветрам и грозам, к метелям и ливням. И почему нормальные, здравомыслящие люди позволяют себе зависеть от такой капризной вещи, как климат?

Я пересек двор и остановился на краю утеса возле парапета, за которым склон отвесно падал вниз. На тысячу футов ниже передо мной лежала Тендара. Я облокотился о невысокий каменный парапет. Если бы кому-то пришло в голову напасть на землян, стоило лишь дождаться такой вот грозовой ночи с ливнями или мокрым снегом, когда их самолеты и ракеты буквально прикованы к земле. Тогда с ними можно было бы говорить на равных.

А за городом, на фоне темнеющего неба чернели силуэты гор, и на их высоких склонах, далеко-далеко, был виден отблеск огня. Наверное, костер какого-нибудь охотника. Этот отблеск снова вызвал воспоминания о том, как когда-то странный белый дым спиралью поднимался в небо, кругом полыхали огни, только не обычные, а пространство сжималось и закручивалось в спираль под воздействием некоей матрицы десятого уровня — матрицы небывалой, невероятной силы.

И если человек оказывался меж этих огней Шарры, странное пламя словно обволакивало его, играя его нервами, как струнами арфы. И я понимал, что, если мне не удастся унять дрожание этих струн, я неминуемо погибну; поэтому я всеми силами противился сумасшедшему живому огню и жару, пронизывавшему меня насквозь, пульсировавшему во мне, вызывая воспоминания о том, что я всем сердцем ненавидел, чего боялся и к чему в то же время неким странным, постыдным образом тянулся. Любил. Вожделел.

Что же делать, куда идти? Кто поможет мне унять дрожание этих струн?

Только Каллина.

Глава VIII

Апартаменты Эйлардов были чрезвычайно просторны и великолепно убраны; сквозь полупрозрачные стены на Каллину падали разноцветные лучи. Она присела, играя с маленьким полосатым зверьком из северных лесов. Зверек вскочил ей на плечо, мурлыча и цепляясь своими двупалыми лапками за шелк платья.

Рядом сидела Линнел с небольшой арфой на коленях, а рядом с Линнел стоял Реджис. Все трое сразу обернулись в мою сторону. Линнел отложила в сторону арфу, а Каллина торопливо выпрямилась, оставив похожего на кошку зверька и оправляя свои юбки. Я подошел прямо к ней и обнял ее. Никогда она не узнает, насколько дорога мне стала после всего случившегося. Я с минуту держал ее в своих объятиях, но затем ко мне вернулось давешнее мое опасение; оно словно меч вошло между нами. Осторожнее!

Она явно избегала моего взгляда; и сразу перевела разговор на Линнел:

— Бедная девочка! Боюсь, они с Дериком поссорились. Она так его любит...

— Меня сейчас интересует другое. Кого любишь ты! — перебил я.

— Но я же Хранительница... И коминара...

— Коминара! — Наверное, в моем голосе звучала та же горечь, что переполняла меня изнутри. — Да если Комин сочтет, что это ему на пользу, он тебе смертный приговор подпишет, а не только брачный контракт!

— Если это на пользу Комину, я и сама готова подписать себе смертный приговор, — твердо сказала она. Я онемел.

— Так ты что ж, — опомнившись, сказал я, — хочешь позволить им продать тебя? — Слова прозвучали как ругательство. — Чем мы обязаны Комину? Он всегда играл нашими судьбами, с тех самых пор, как мы родились на свет!

— Лью, мне кажется, ты не понимаешь. С моей стороны это было сумасшествие — позволить тебе думать, что мы когда-нибудь сможем принадлежать друг другу. Это невозможно. Никогда. — Она оттолкнула меня. — Я могу выйти замуж за Белтрана — и по-прежнему сохранять свою власть, чтобы помогать тебе. И Комину тоже. Потому что... Потому что.... Просто потому, что я не люблю его. Понимаешь?

Я понимал. Я отпустил ее и отступил назад, глядя на нее в оцепенении. Для мужчины работа с матрицами всегда имеет некоторые отрицательные последствия. Но я никогда не задумывался, вернее, мне было совершенно наплевать, какие страшные последствия эта работа может иметь для женщины. Но прежде чем я сумел выплеснуть свою ярость и негодование, она повернулась к Реджису:

— Ашара посылала за нами. Ты идешь?

— Нет пока, — ответил он. Реджис сильно изменился, хотя прошло всего несколько часов. Он казался старше, жестче. Но улыбка оставалась прежней. Однако я в его присутствии чувствовал себя неловко. Очень неприятно было ощущать его постоянно действующий телепатический барьер, однако, пожалуй, так было даже проще.

Слуга принес Каллине плащ, в котором она стала похожа на серую тень. Когда мы выходили и спускались по лестнице, Линнел стояла между полупрозрачными панелями, глядя на нас и улыбаясь. По ее платью скользили разноцветные лучи, и она казалась прелестной статуэткой в золотистом ореоле. И вдруг вместе с одним из падавших на нее лучей на меня снизошло озарение. Такое бывает с телепатами в минуты сильного нервного напряжения. Линнел обречена!

— В чем дело, Лью?

Я заморгал. Я уже не был так уверен в точности этого предвидения, как минуту назад, когда мой разум вышел за рамки привычного пространства-времени. Но ощущение опасности грядущей трагедии оставалось. Когда я вновь поднял голову, Линнел уже исчезла за занавесом.

Моросил дождь. Огни старого города еле виднелись сквозь пелену, сам город внизу, у подножия утеса, уже полностью погрузился во мрак. Но дальше, в зоне Терры в ночном небе полыхали оранжевые, зеленые и красные отсветы неонового пламени.

— Сегодня мне лучше быть в городе, — устало произнес я. — Или где угодно еще, только не в этом проклятом замке.

— Даже в Зоне? У землян?

— Даже в Зоне.

— Тогда чего же ты ждешь? Тебя здесь никто не держит. Если хочешь — отправляйся!

Я повернулся к Каллине. Ее легкий, похожий на паутину, серый плащ развевался на ветру. Казалось, она была крылата. Длинные, разметанные ветром волосы образовывали некий туманный ореол вокруг ее лица. Я отвернулся от дальних огней города и притянул ее к себе. Она секунду сопротивлялась, но потом вдруг прильнула ко мне, страстно ища губами мои губы, отчаянно обнимая меня за шею. Когда мы наконец разомкнули объятия, она вся дрожала, как лист на осеннем ветру.

— И что же дальше, Лью? Что нам теперь делать?

Я резким жестом указал в сторону неоновых вспышек.

— Теперь — в Зону Терры. Надо поставить Комин перед свершившимся фактом. Пусть поищут другую пешку для своей игры.

Искорки света медленно погасли в ее глазах. Повернувшись в противоположную от города сторону, она посмотрела на темные горы вдали, и опять мне вспомнилось то, былое... Белый дым, спиралью уходящий в небо, странное пламя...

— Огни Шарры все еще горят там, Лью. И ты не более свободен в своих поступках, чем я.

Я обнял ее, постепенно возвращаясь к нормальному восприятию действительности. Дождь ледяными струйками тек по нашим лицам. Повернувшись, мы медленно пошли к темнеющей громаде башни.

Ветер, разбиваясь о стены и углы замка, нес с собой потоки дождя. Мы прошли через огороженный высокими стенами двор на галерею и остановились перед аркой. Каллина потянула меня за руку. Здесь находился лифт — старинное подъемное приспособление. Мы вошли и оказались на специальной площадке, которая начала подниматься.

Башня Ашары — согласно легенде — была построена для первой Хранительницы еще в те времена, когда Тендара представляла собой всего лишь несколько десятков глинобитных хижин, прилепившихся у подножия Неварзина. Она сохранилась, несмотря на то, что наш мир долгое время бился в землетрясениях, и стояла здесь еще до того, как в небесах возникли наши четыре луны. Пыль многих столетий осела на стенах Башни; мрак, тени, запахи — все в ней напоминало о прошлом. Мы поднимались все выше и выше. Наконец лифт остановился. Перед нами была огромная дверь, вырезанная из цельного прозрачного кристалла. Не занавес, не световая панель. Дверь.

И мы вступили в синее сияние. Жутковатые отблески света придавали комнате ощущение беспредельного пространства... Синеватые отсветы дрожали в воздухе, над головой, под ногами; казалось, будто плывешь в синей воде или погружаешься в глубины драгоценного синего камня.

— Подойдите сюда, — раздался вдруг чей-то глубокий, низкий голос, женский голос; слова звучали четко и ясно, словно холодная вода, текущая под ледяной броней. — Я жду вас.

И только тогда мои глаза смогли различить в этом морозном сиянии огромный трон резного стекла и фигуру женщины, сидящей на нем. Маленькая, как ребенок, очень прямая, в странных одеждах, которые так отражали свет, что казались почти прозрачными.

— Ашара, — прошептал я. И склонил голову перед Волшебницей Комина.

Кожа на ее бледном, совершенно лишенном морщин лице была гладкой, как у Каллины. Лицо это казалось каким-то неземным, чистым, невинным, однако черты его свидетельствовали об ином: о долгой, слишком долгой жизни, что стерла даже морщинки. Глаза, огромные, продолговатые, тоже как бы не имели цвета, хотя при нормальном освещении, скорее всего, были голубыми. Между двумя Хранительницами существовало нечто общее, некое сходство: как если бы Ашара была сильно стилизованным портретом Каллины или Каллина — дочерью Ашары, малышкой, которая станет в один прекрасный день точной копией своей матери.

И я уже начинал верить, что Ашара действительно бессмертна, что она живет на Дарковере еще со времен пришествия Сынов Света.

— Итак, ты побывал среди звезд, Лью Элтон, — тихо проговорила она.

Было бы несправедливо утверждать, что в ее голосе не чувствовалось доброты. Просто это был не совсем человеческий голос. Он звучал так, будто усилия, которые она прилагала , чтобы общаться с обычными людьми, были для нее чрезмерны; будто наше вторжение потревожило холодный мир кристаллов и света, в котором она обитала. Каллина, более знакомая с этим миром, ответила за меня:

— Ты все видишь, Мать. Ты знаешь обо всем, что видели мы.

Огонек жизни сверкнул в древних глазах.

— Нет, даже я не могу видеть все. А ты отказалась от моей помощи, Каллина. Ты ведь знаешь, теперь у меня нет власти вне стен этой Башни. — Голос ее несколько окреп и оживился, словно она понемногу пробуждалась ото сна благодаря нашему присутствию.

Каллина низко склонила голову.

— И все же помоги мне мудрым советом, Ашара, — прошептала она.

Древняя Хранительница отстраненно улыбнулась.

— Говори, — произнесла она.

Мы уселись рядом на скамью резного стекла у

ног Ашары и рассказали ей о событиях последних дней. Потом я спросил:

— А ты могла бы изготовить дубликат матрицы Шарры?

— Даже я не могу изменить действие законов материи и энергии, — ответила она. — А тебе лучше бы поменьше увлекаться науками Терры, Лью.

— Почему?

— Потому что когда знаешь даже немного, уже стремишься найти объяснения всему. Твой мозг мыслил бы более спокойно и уравновешенно, если бы ты продолжал называть непонятные тебе вещи и явления богами, демонами, священными талисманами — как всегда было в Комине. Конечно, Шарра — вовсе не демон. Она такой же демон, как Алдонес — Бог. — Ашара улыбнулась. — Это живые существа, иные, чем мы, но живые. Они вовсе не добрые и не злые, хотя и представляются порой такими, соприкоснувшись с человеком. Помнишь, о чем рассказывают легенды?

— Шарра была закована в цепи Сыном Хастура, который был Сыном Алдонеса, считавшегося Сыном Света... — прошептала Каллина.

— Суеверия, — нетерпеливо пробормотал я. — Старые предрассудки!

Застывшее древнее лицо повернулось ко мне.

— Предрассудки? Ты действительно так думаешь? А что ты знаешь о мече Алдонеса?

Я с трудом сглотнул.

— Это... оружие... способное поразить Шарру. Надо полагать, это матрица, которая, подобно матрице Шарры, выполнена в виде меча, скрывающего ее истинную суть.

Конечно, это было лишь предположение, как я и сказал. Меч Алдонеса хранился в Ру-Феаде, святилище Комина, — все равно что в другой галактике.

На Дарковере такое бывает. Подобные вещи нельзя уничтожить; однако они настолько могущественны и смертельно опасны, что их нельзя доверить даже члену Комина, даже Хранительнице.

Ру-Феад заперт сложным матричным шифром, и туда не может попасть никто, кроме членов Комина, получивших особое разрешение Совета. Посторонний не может туда проникнуть из-за смертельной опасности — излучения матриц. Если же он рискнет, то первое же силовое поле, которое он попытается преодолеть, превратит его в полного имбецила, вне зависимости от причин его появления в святилище.

Однако доступ в сердце святилища был закрыт и для членов Комина. Много тысячелетий назад Совет решил сделать все, хранящееся в Ру-Феаде, недосягаемым именно для членов Комина. Никто из них не мог даже прикоснуться к этим предметам. А вот любой чужак, напротив, мог бы свободно взять в руки все что угодно, если б попал туда, тогда как член Комина не мог даже приблизиться к последнему силовому полю.

— Многие не слишком обеспокоенные условностями члены Комина на протяжении трехсот поколений пытались нарушить этот запрет, — сказал я.

— Но ни один из них не имел в качестве союзника Хранительницу, — прибавила Каллина и посмотрела на Ашару: — Может быть, это сделает уроженец Терры?

— Может быть, — ответила Ашара. — Может быть, даже любой инопланетянин. Но не рожденный на Дарковере и приспособившийся к здешним силам, а действительно посторонний человек, совершенно чужой на этой планете. Такой сможет пройти там, где мы не сможем никогда. Его мозг будет защищен от влияния всех здешних сил и полей тем уже, что даже не подозревает об их существовании.

— Прекрасно, — сказал я. — Значит, все, что нам нужно, — это слетать куда-нибудь подальше, этак за полсотни световых лет, и притащить такого чужака, не сообщая ему ничего ни о нашей планете, ни о причинах, по которым мы его сюда тащим. И еще надеяться, что у него достанет телепатических данных, чтобы помочь нам.

В бесцветных глазах Ашары мелькнуло презрение.

— Ты же специалист по матрицам. Что если воспользоваться экранами?

И тут я вдруг вспомнил тот странный, сияющий экран в матричной лаборатории Каллины. Значит, это был один из легендарных психокинетических передатчиков? И тут до меня начало смутно доходить, к чему они клонят. Создан для моментальной передачи материи, живой и неживой, через пространство...

— Но такого не делали уже сотни лет!

— Я знаю, на что способна Каллина, — со странной улыбкой ответила Ашара. — Теперь вот что. Вы с Каллиной вошли в телепатический контакт там, в Совете...

— Контакт был лишь самым поверхностным. Но даже это истощило нас обоих.

— Это потому, что вся ваша энергия — и твоя, и ее — ушла на поддержание контакта, — кивнув, сказала Ашара. — Но я могу сама создать между вами телепатическую связь, как ты это проделал с Мариусом.

Я беззвучно присвистнул. Предложение непростое: в нормальных условиях только Элтоны способны выдержать напряжение, создаваемое глубинным телепатическим контактом.

— Не только Элтоны, но и Хранительницы!

Я с сомнением глянул на Каллину, но она на меня не смотрела. Я понимал ее: такого рода контакт означал полную, почти интимную близость. Я и сам не особенно стремился к этому. У меня в памяти хранились некоторые вещи, свой собственный ад, которые лучше бы не демонстрировать никому при ярком свете. Разве я могу открыть такое Каллине?

Каллина резко взмахнула рукой:

— Нет! Ни за что!

Мне стало не по себе: раз я могу и пытаюсь заставить себя пойти на такое, почему отказывается она?

— Никогда! — повторила она. В голосе ее звучали гнев и страх. — Я принадлежу только себе! Только самой себе! И никто, слышите, никто, даже ты, не смеет нарушить мой мир!

Я не был уверен, что она обращается ко мне. Скорее к Ашаре. Но попытался нежно ее успокоить:

— Каллина, может быть, ты сделаешь это для меня? Мы с тобой не можем любить друг друга, *пока* не можем, но ты ведь могла бы принадлежать мне иначе...

Она мне тоже была нужна, очень нужна. Почему она тогда так окаменела в моих объятиях, словно это было нечто постыдное? Почему вся дрожала?

— Не могу я! И не буду! — прорыдала она. — Не могу! Мне казалось, что я сумею... но я не могу!

Она подняла наконец глаза на Ашару. Лицо ее было совершенно белым и словно светилось бесцветным огнем.

— Ты же сама меня так воспитала! Ты сделала меня такой! Я бы жизни своей не пожалела, только бы никогда тебя не видеть, да я бы согласилась умереть, лишь бы освободиться от твоей власти! Но это ты создала меня, и теперь я ничего не могу в себе изменить!

— Каллина...

— Нет! — голос ее дрожал от едва сдерживаемых эмоций. — Ты всего не знаешь! А если б знал, сам бы такого не захотел!

— Хватит! — в ледяном голосе Ашары звучал металл колокола. Она требовала от нас молчания, которое и подобает хранить в Башне. И тут мне показалось, что огонь в глазах Каллины потух. — В таком случае быть посему, — продолжала старуха. — Я не могу заставить тебя. Но сделаю все, что в моих собственных силах.

Она поднялась со своего стеклянного трона. Ее маленькая фигурка в одеянии цвета голубоватого льда едва достигала плеча Каллины. Она подняла глаза и в первый раз встретилась со мной взглядом. И я утонул в этих ледяных приковывающих к себе глазах...

Комната исчезла. Вокруг была пустота, подобная беззвездному мраку где-то за пределами нашей Вселенной. Тень среди теней, я скользил в поблескивающем тумане. Потом вдруг силовой поток запульсировал во мне, глубоко в сознании вспыхнула некая искра, пробудился источник энергии, заряжая меня мощью, мгновенно наполнившей все мое существо. Я ощущал себя неким клубком живых нервов, сложнейшей кружевной сетью, сотканной энергией разума.

И тут совершенно внезапно передо мной возникло чье-то лицо.

Я не могу описать его, хотя помню отлично. Я видел его три раза, но для его описания нет слов в человеческом языке. Столь прекрасное, что и представить невозможно, столь ужасное, что не хватит сил смотреть. Это было даже не воплощение Зла. Однако оно несло в себе проклятие и само было проклято. Лишь на долю секунды задержалось оно перед моим взором, а затем расплылось, исчезло во мраке. Но в те мгновения я смотрел прямо в распахнутые ворота ада.

Я с трудом очнулся, опять оказавшись в синей ледяной комнате Ашары. Опять? А разве я покидал ее? Я чувствовал себя так, словно окончательно потерял всякую ориентацию в пространстве и во времени; тут Каллина вдруг прильнула ко мне, и ее руки, судорожно сжимавшие мои плечи, влажный аромат ее волос, ее мокрое от слез лицо — все это вернуло меня к действительности.

За плечом Каллины виднелся пустой стеклянный трон.

— А где же Ашара? — тупо спросил я.

Каллина выпрямилась, перестав плакать. На лице ее застыло странное жуткое выражение.

— Лучше бы ты меня не спрашивал, — прошептала она. — А если бы я и ответила, ты бы все равно не поверил.

Я нахмурился. Можно было только гадать, какая связь существовала между Хранительницами. Кого мы вообще здесь видели? Ашару? Или кого-то совсем иного? И видела ли то лицо Каллина?

Ночной мрак еще больше сгустился; огни в далеком городе почти все погасли. Мы в полном молчании прошли через залитый потоками дождя двор, миновали гулкие переходы и галереи. В лаборатории Каллины было почти уютно. Я снял плащ; продрогшее тело и ноющая культя впитывали благодатное тепло. Каллина занялась установкой телепатических барьеров. Я подошел к находившемуся на противоположном конце комнаты огромному экрану, на который обратил внимание еще вчера. Остановился перед ним и стал хмуро глядеть в его затуманенные глубины. Передатчик.

Рядом с ним, укутанная смягчающей любые толчки шелковой сетью, была укреплена самая большая матрица, какую я когда-либо видел. Обычный механик оперирует матрицами первых шести уровней сложности. Телепат может оперировать матрицами седьмого и восьмого уровней. Матрица Шарры была девятого или даже десятого уровня — я так никогда и не смог узнать точно. Для управления ею требовались одновременные телепатические усилия по меньшей мере трех человек, причем один из них должен был быть сильным телепатом. А эта... Я даже представить себе не мог, какого она уровня сложности...

Волшебство? Неизвестные законы природы? Скорее, все вместе. Но Дар Элтонов, унаследованный мною, та искра, что была мне дарована моими предками из Комина, — все это давало мне возможность оперировать подобными матрицами. Ведь именно для подобных деяний и рождались на свет члены Комина.

Чужак не сумел бы даже понять назначение матрицы и экрана. Экран поражал воображение. Это был дупликатор, ловушка для конкретного частотного кода... Автоматическое устройство для приема заранее установленных характеристик материи... Нет, даже я не в силах был объяснить, что это такое! Не стоило даже пытаться.

Но, используя свой телепатический дар, усиленный матрицей, я мог бы поискать — причем без каких-либо пространственных ограничений — такого человека, который был нам нужен. Из многих миллиардов гуманоидов и во множестве миров нашего пространства-времени надо было отыскать только одного, чей мозг точно соответствовал бы нашим целям.

С помощью экрана мы могли настроить частоту его мозга на наш сектор пространства-времени прямо отсюда. Затем, уничтожив пространство с помощью матрицы, мы могли бы перенести его сюда — молекулы его «души и тела». Я, словно забавляясь, играл словами вроде «гиперпространство», или «пространственное перемещение», или «передача материи на расстояние», но все это были только слова.

Я сел в кресло перед экраном, наклонившись над панелью управления, и занялся настройкой приборов на частоту собственного мозга. Повозившись с этим, я сказал Каллине:

— А ведь монитор слежения придется отключить.

Она прошла в другой конец комнаты и щелкнула несколько тумблеров. Панель с контрольными лампочками погасла, отключив от монитора все матрицы Дарковера.

— Теперь слежение идет только через монитор на башне Арилинна, — объяснила Каллина.

Она снова послушала и приказала:

— Установи барьеры третьей степени вокруг Тендары! Это приказ Комина! Подтверди прием и выполняй!

Потом, вздохнув, отошла от панели.

— Эта девица слишком высокого мнения о себе... Лучше бы, сегодня ночью на Арилинне был кто-то из Хранительниц. К сожалению, лишь немногие способны преодолеть барьер третьей степени, а если бы я попросила установить четвертую... — Она снова вздохнула. Я ее понимал: установка барьера четвертой степени сложности немедленно оповестила бы всех телепатов планеты о том, что в Замке Комин происходит нечто необычное.

Мы должны были попытаться использовать эту возможность. Каллина заняла свое место перед матрицей, а я — перед экраном, очистив мысли от всего постороннего. Я закрыл доступ всем внешним раздражителям и начал входить в психокинетический контакт с экраном, настраивая наш теперь общий частотный код на ту частоту, которая нам требовалась. Интересно, кто же все-таки окажется подходящим для нас? Настройка осуществилась как бы сама собой.

За секунду до того, как мои зрительные рецепторы отключились из-за жуткой перегрузки, я успел увидеть туманные символы кода матрицы; потом сразу ослеп и оглох. Этот момент перегрузки всегда очень опасен.

Но постепенно я начал ориентироваться в пространстве экрана. Мои чувства были полностью отключены. Энергия мозга, получив свободный доступ в бесконечность пространства, пересекала чудовищные расстояния; за ничтожные доли секунды мои мысли оставляли позади десятки, сотни парсеков, целые галактики. Время от времени я ощущал как бы легкие вспышки сознания,обрывки мыслей и чувств, подобные теням — своего рода мусор ментальной Вселенной.

Прежде чем я ощутил контакт, я увидел на экране ослепительный белый свет. Где-то далеко-далеко частота телепатического сигнала чьего-то мозга совпала с кодом, заложенным в передатчик. Мы передавали этот код через пространство и время, словно забрасывая сеть, и, встретив подходящую частоту, сеть сомкнулась.

Я рванулся вперед, как бы раздробленный на миллиарды частиц. Если бы сейчас в этой цепи что-нибудь нарушилось, я никогда бы не вернулся назад в свое тело, навсегда оставшись летать потоком частиц на каком-нибудь витке пространства-времени.

С огромной осторожностью я вошел в контакт — словно влился в мозг найденного существа. Борьба была короткой, но страшной; в итоге мы слились воедино: его телепатический код был теперь запечатлен во мне, а мой — в нем. Мир превратился в сплав разноцветных огней. Воздух закручивался вихрями, в которых пылало холодное пламя. Отсвет на экране сперва казался тенью, затем — островком мрака, который мало-помалу превратился в изображение, а затем...

От яркой вспышки стало больно глазам. Мозг вздрогнул от чудовищного шока. Пол, казалось, заколебался, стены грозили вот-вот рухнуть... Каллина стремительно бросилась ко мне. А чужая материя все текла сквозь пространство, сквозь меня...

Еще не совсем придя в себя, я взглянул на Каллину. Чужой мозг уже освободился от моей власти. Экран погас. А на полу, скрючившись у самого экрана, лежала худенькая темноволосая девушка.

Глава IX

Каллина нетвердой походкой приблизилась к лежащему телу и наклонилась над ним. Я последовал за ней и присел рядом.

— Она не умерла?

— Конечно, нет. — Каллина подняла глаза. — Но это было ужасно, даже для нас. Представляю, что пережила она! У нее сильный шок.

Девушка лежала на боку, прикрыв одной рукой лицо. Легкие каштановые волосы скрывали ее лоб. Я отвел в сторону прядь — и замер, пораженный, не в силах отнять руку от ее щеки.

— Это же Линнел! — выдохнула пораженная Каллина. — Линнел!

На холодном полу перед нами лежала та самая девушка, которую я встретил в космопорте в день прилета в Тендару.

Я прекрасно помнил нашу встречу, однако на какое-то мгновение мне показалось, что я схожу с ума. Перемещение в пространстве сказалось и на мне. Нервы были напряжены до предела.

— Что же мы наделали! — простонала Каллина. — Что мы наделали!

Я крепко прижал ее к себе. Конечно, конечно же, думал я. Линнел так близка нам обоим! Мы все время говорили о ней, думали о ней — и вот результат... И все-таки...

— Ты помнишь Второе правило Кериллиса? — Я пытался изложить свою мысль как можно проще.— Все сущее — за исключением матриц — где бы оно ни находилось, способно обладать по крайней мере одной своей точной копией. Этот стул, мой плащ, отвертка у тебя на столе, фонтан в Порт-Чикаго — все это может иметь во Вселенной еще одну абсолютно точную молекулярную копию. Ничто во Вселенной не является уникальным — кроме матриц. Однако трех абсолютно одинаковых копий тоже не существует.

— Значит, это двойник Линнел?

— Гораздо больше, чем просто двойник. Только раз в миллион лет или около того близнецы бывают полными копиями друг друга. Они не могут не быть различными, поскольку росли в разных

условиях. Но плоть и кровь — абсолютно идентичны. Даже хромосомный набор тот же.

Я взял девушку за руку и показал Каллине запястье. Странная отметина — как от матрицы Комина — была точно в том же месте, где и у Линнел.

— Родимое пятно, — сказал я. — Но отметина точно такая же. Видишь?

Я выпрямился. Каллина не сводила с девушки глаз.

— Как ты думаешь, она сможет жить в наших условиях?

— А почему бы нет? Если она точная копия Линнел, то дышит кислородом и ее внутренние органы приспособлены к той же силе тяжести, что и наши.

— Ты можешь ее поднять? Надо ее перенести отсюда, а то подобная обстановка снова вызовет у нее шок, когда она очнется. — Каллина показала на матричное оборудование.

Я хмуро улыбнулся.

— Шок у нее все равно будет.

Я умудрился поднять ее одной рукой. Она была такая же хрупкая и легкая, как Линнел. Каллина раздвинула и придержала занавеси, давая мне пройти, и показала, куда уложить девушку. Я укрыл ее потеплее, а Каллина прошептала:

— Интересно, откуда она к нам попала?

— Она родилась в мире, где сила тяжести примерно такая же, как на Дарковере. Подобных планет немного. Виаллес, Волф, Терра... Впрочем, может существовать и еще какая-нибудь планета, о которой мы никогда не слыхали.

Я не рассказал Каллине об эпизоде в космопорте и не собирался этого делать.

— Давай оставим ее здесь, пусть поспит. Ей надо оправиться от шока. Да и нам бы не мешало отдохнуть.

Она стояла рядом, вложив свои руки в мои, и выглядела совершенно измученной. Но мне она сейчас казалась самой прекрасной женщиной на свете, особенно после перенесенных вместе испытаний. Я нагнулся и поцеловал ее.

— Каллина, — прошептал я. Это был почти вопрос, но она мягко высвободила руки. Я не настаивал. Она была права. Мы оба чудовищно устали; требовать что-то друг от друга было бы полным безумием. Я отодвинулся от нее и вышел из комнаты, не оглядываясь. Шел сильный дождь, но до самого утра, пока изрядно промокшее красное солнце не поднялось над Тендарой, я беспрерывно ходил взад-вперед по двору. И далеко не все капли на моем лице были дождевые.

На заре ко мне вернулось самообладание, и я снова пошел в Башню Хранителей. Я опасался, что без Каллины мне не удастся найти дорогу в ледяную синюю комнату или что Ашара уже исчезла, перенеслась в недосягаемое убежище. Но она была там и выглядела намного моложе. Может, благодаря льдистому отсвету в ее покоях. Сейчас это была почти копия Каллины — странная, ледяная, но все-таки Каллина. Мой мозг уже отказывался мыслить логически, однако я все-таки сумел спросить то, что хотел.

— Ты ведь способна видеть... время. Скажи мне, этот ребенок, которого Дайан называет моим...

— Это действительно твой ребенок, — ответила Ашара.

— Да откуда же...

— Я знаю, ты соблюдал целибат с тех пор, как умерла твоя Марджори, если не считать отношений с коминарой Диотимой Райднау. — Она смотрела мне прямо в глаза. — Нет, я вовсе не читаю твои мысли. Просто я когда-то надеялась, что эта девица окажется способной, и мне удастся воспитать ее... как я воспитала Каллину. Но ничего не вышло. Мне совершенно безразлична та мораль, которую вы исповедуете — ты и Диотима; дело просто в определенной способности нервной системы поддаваться настройке. — Она помолчала, потом с жаром продолжила: — Хастур никогда бы не поверил им на слово; поэтому они привели девочку ко мне и попросили приглядеть за ней. Она и сейчас здесь, в Башне. Ты можешь ее увидеть. И забрать, если хочешь. Пойдем, я покажу ее тебе.

К моему изумлению — не знаю почему, но я всегда считал, что Ашара не может покинуть свою синюю ледяную обитель — она провела меня в какую-то странную синюю дверь, и мы оказались в полупустой круглой комнате. Один из мохнатых мутантов-негуманоидов — слуга в Башне Хранительницы — тут же исчез, бесшумно ступая мягкими лапами.

В нормальном свете посверкивающая фигура Ашары казалась бесцветной, почти невидимой. Я еще подумал: сама ли Волшебница стоит передо мной или это лишь ее изображение,особым образом спроецированное ? Мебели в комнате почти не было; на узкой кровати, стоявшей в центре, спала маленькая девочка. Светлые золотисто-рыжие волосы разметались по подушке.

Я медленно приблизился и посмотрел на девочку. Ей было лет пять-шесть, не больше. И глядя на нее, я понял, что мне сказали правду. Каким-то немыслимым образом, доступным, может быть, только телепату, я понял: это действительно мой ребенок, моя дочь. Ничто в чертах ее маленького треугольного личика не напоминало меня, но голос крови подсказывал мне: это мое дитя. Не моего отца и не моего брата. Мое. Моя плоть и кровь.

— Кто ее мать? — спросил я.

— Тебе было бы легче, если б ты никогда этого не узнал.

— Ничего, я все могу выдержать. Какая-нибудь женщина легкого поведения из Дэйллона или Картхона?

— Нет.

Девочка что-то пробормотала, потянулась и открыла глаза. Я сделал к ней еще один шаг и резко повернулся к Ашаре. Те же глаза! Те самые, с золотистыми, словно янтарными искорками...

— Марджори!.. — хрипло произнес я. — Но она же умерла... Умерла!..

— Она не дочь Марджори Скотт. — Голос Ашары звучал ясно, холодно, безжалостно. — Ее мать — Тайра Скотт!

— Тайра? — Я старался подавить приступ безумного смеха. — Тайра?! Это невозможно! Я никогда... Да я бы и пальцем не тронул эту дьяволицу, не говоря уж...

— И тем не менее это твой ребенок. И Тайры. Подробностей я не знаю. Те времена... Я не уверена, что все понимаю... Может, тебе подсыпали наркотики, может, это был гипноз... Возможно, мне еще удастся узнать. Это нелегко, даже для меня. Эта часть твоего мозга скрыта от меня, как опечатанная комната. Впрочем, неважно...

Я заскрипел зубами от еле сдерживаемой черной ярости. Тайра! Это рыжее дьявольское отродье, удивительно похожая и в то же время совершенно иная, чем Марджори! Ставшая послушным орудием в руках Кадарина! Как же они это проделали? Как...

Совершенно неважно, как. Это моя дочь. С трудом усвоил я этот факт. И уставился на ребенка. Девочка села на постели, напряженная, похожая на испуганного зверька, и у меня внутри вдруг все заныло. Я помню, как Марджори смотрела на меня тем же взглядом. Маленькая, испуганная. Потерянная и такая одинокая...

— Не бойся меня, чийя, — произнес я как можно мягче. — На меня, может быть, не слишком приятно смотреть, но маленьких девочек я не ем.

Она улыбнулась. Остренькое личико вдруг стало совершенно очаровательным. Словно улыбнулся маленький эльф. Зубов у нее не хватало — с каждой стороны по два отсутствовало.

— Мне сказали, что ты — мой отец.

Я обернулся, но Ашары рядом уже не было. Ушла, оставив меня наедине с неожиданно появившейся дочерью. Я неловко присел на край кровати.

— Кажется, так оно и есть. Как тебя зовут, чийя?

— Марджа, — ответила она смущенно. — То есть Маргерия...— Она очень странно произнесла это имя, имя Марджори: так оно звучало на древнем диалекте, который еще встречается кое-где высоко в горах. — Маргерия Кадарин. Но все зовут меня просто Марджа. — Она приподнялась и оглядела меня с головы до ног. — А где твоя вторая рука?

Я невесело рассмеялся. Я не умел разговаривать с детьми.

— Она болела, и ее пришлось отрезать.

Янтарные глаза стали огромными. Она прижалась ко мне, и я обнял ее здоровой рукой, пытаясь сосредоточиться и мыслить трезво.

Ребенок Тайры. Тайра Скотт стала женой Кадарина — если это можно так назвать. Но всем была известна сплетня о том, что сам Кадарин — сын Зеба Скотта от какой-то горянки-полугуманоида — сводный брат остальным его детям! Там, высоко в горах Хеллерса, сводные братья и сестры нередко вступали в брак; ничего необычного не было бы и в том, если бы они стали воспитывать как родного ребенка, прижитого кем-то из них на стороне, чтобы не заводить своих детей и избежать таким образом возможных последствий кровнородственного брака.

Может быть, мне действительно подсыпали наркотик? Или накачали афросном? Я хорошо представлял себе его действие. Человек, получивший дозу афросна, внешне кажется совершенно нормальным, однако полностью теряет психическую ориентацию. В памяти остаются лишь некие символические сны; психиатр, выслушав содержание снов жертвы, увиденных под действием этого наркотика, может объяснить их значение и рассказать, что происходило в действительности. Но я вовсе не желал этого знать. По-прежнему не желал.

— Где ты росла, Марджа?

— В большом доме. Там было много маленьких девочек и мальчиков, — ответила она. — Они были сироты. А я не сирота. Я другая. Воспитательница говорит, это нехорошее слово, которое никогда-никогда нельзя произносить, но я тебе могу сказать — на ушко.

— Не надо, — поморщился я. Нетрудно было догадаться, что это за слово.

А ведь Лоутон тогда, в Торговом Городе, тоже говорил мне, что Кадарин, приезжая в Зону Терры, никогда никуда не ходит — кроме сиротского приюта для детей космонавтов!

Марджа сонно опустила головку мне на плечо. Я стал укладывать ее на подушку. И тут вдруг ощутил как бы легкое прикосновение и догадался, что ребенок вступил со мной в телепатический контакт!

Это было поразительно! Изумленный, я во все глаза уставился на девочку. Нет, это невозможно! У детей не проявляется дар телепатии! Даже у детей Элтонов! Никогда!

Никогда? Нет, точно утверждать нельзя. У Марджи такой дар явно был. Я обнял ее, но мягко ушел от контакта, не зная, какое напряжение она способна выдержать.

Но одно теперь было совершенно ясно: кто бы ни владел юридическими правами на этого ребенка, это была моя дочь! И никто и ничто теперь не в силах лишить меня ее. Марджори умерла; но Марджа, живая Марджа, была передо мною, и кто бы ни произвел ее на свет, лицо девочки точно повторяло черты Марджори. Именно такую дочь родила бы мне Марджори, если бы не умерла. А об остальном лучше вообще забыть. И если кто-нибудь — Хастур, Дайан, даже сам Кадарин — полагает, что может отнять у меня мою дочь, что ж, пусть попробует!

Заря уже занималась над Башней. И только теперь я вдруг ощутил, насколько измотан. Ну и ночка выдалась! Я уложил Марджу и до подбородка укутал ее теплым одеялом. Она задумчиво подняла на меня глаза, не произнося ни слова.

Я вдруг нагнулся и поцеловал ее.

— Спи, моя маленькая дочка, — тихо сказал я и на цыпочках вышел из комнаты.

Глава X

На следующий день Белтран из Алдарана в сопровождении эскорта горцев въехал в Замок Комин.

Я не собирался присутствовать на торжественной церемонии по случаю его приезда; но Хастур настаивал, и я согласился. Все равно когда-нибудь нам пришлось бы встретиться. Лучше, если это произойдет в толпе гостей, где можно забыть о личных взаимоотношениях.

Он приветствовал меня весьма сдержанно;

когда-то мы были друзьями, но теперь прошлое разделяло нас кровавой тенью.

Белтран не менее церемонно представил мне кое-кого из своей свиты. Некоторые из них еще помнили меня. А увидев знакомое смуглое лицо, я отвернулся.

— Ты ведь помнишь Рафаэла Скотта, — сказал Белтран.

Конечно, я его помнил.

Наконец Белтран и его свита были препровождены в отведенные им покои и оставлены отдыхать перед официальными мероприятиями, назначенными на вечер.

Когда все разошлись, я увидел, что Рейф Скотт тащится за мной, и резко повернулся к нему:

— Послушай, — сказал я, — здесь ты пользуешься всеми привилегиями гостя, я не могу тебя и пальцем тронуть. Но предупреждаю...

— Какого черта! — воскликнул Рейф. — Разве Мариус тебе ничего не объяснил?

Я мрачно глядел на него. Теперь меня уже не проведешь. Это в первый раз я был не в себе после перелета и слишком хотел поверить ему.

Он положил мне руки на плечи:

— Где Мариус, черт бы тебя побрал?

И тут он понял — через прикосновение. И отпустил меня, отступив назад.

— Мертв?!

Он закрыл лицо руками; на сей раз я не сомневался, что горе его искренне. Телепатический контакт убедил нас обоих в правдивости друг друга.

— Он был моим другом, Лью! — Голос Рейфа дрожал. — Лучшим другом! Пусть меня поразит пламя Шарры, если я хоть как-то виновен в его гибели!

— Ну знаешь, вряд ли удивительно то, что я не очень-то тебе верю. Ты ведь был единственным, кто знал, что я привез матрицу Шарры, а его убили именно для того, чтобы завладеть ею!

— Можешь не верить, — ровным голосом произнес он. — Но за этот год я виделся с Кадарином всего пару раз, не больше.

Его лицо было искажено горем.

— Когда ты принял меня за Мариуса, я решил не разубеждать тебя. Я думал, что если мне удастся держать вас подальше друг от друга, пока ты не разберешься, что тут происходит...

Я не мог не верить ему теперь и коснулся его плеча. Если бы мы не были полукровками, то, наверное, обнялись бы. Но текшая в наших жилах кровь землян заставляла нас сдерживаться. Потом я наконец спросил:

— Так ты все-таки видел Кадарина?

— Несколько раз. Вместе с Тайрой. Я предпочитал держаться подальше от них. — Рейф вдруг как-то странно посмотрел на меня. — А-а, вот в чем дело! Тебе рассказали о ее ребенке.

— Ее и моем, — мрачно сказал я. — Думаю, мне подмешали афросон. Зачем она это сделала?

— Не знаю. Тайра никогда никому ничего не говорит. Странная она... Она и с дочкой вела себя как-то странно. И в конце концов Боб решил поместить девочку в приют для детей космонавтов. Он, конечно, не хотел этого, ведь Боб ее очень любил.

— Зная, что это моя дочь? — Все это было совершенно лишено логики. Особенно то, что мой ребенок называет Кадарина отцом, носит его фамилию и любит его.

— Конечно, он знал. Но ты же понимаешь: он не мог иметь детей от Тайры. А к тебе ведь он когда-то был очень привязан. Мне даже кажется, это он заставил Тайру так поступить... Он раз десять привозил девочку домой из приюта, но так и не мог держать ее там все время. Тайра...

Тут подошел дворцовый слуга, и передал, что Каллина ждет меня.

Каллина выглядела усталой и опустошенной.

— Девушка очнулась, — сказала она. — Сначала с ней была истерика. Я дала ей успокаивающего, и она немного пришла в себя. Лью, что мы будем делать теперь?

— Не могу ничего решить, пока не увижу ее, — ответил я.

Девушку перенесли в более просторную комнату в апартаментах Эйлардов. Когда мы вошли, она лежала на постели, зарывшись лицом в одеяла; но когда подняла голову, слез на ее лице не было. На нем был написан вызов.

— Пожалуйста, скажите мне правду, — твердо начала она. — Где я нахожусь? Ох! — она вдруг закрыла лицо руками. — Вы же тот самый однорукий, кто поцеловал меня в космопорте, там, на Дарковере!

Каллина стояла в стороне с выражением высокомерного презрения на лице, предоставив мне самому справляться с ситуацией.

— Это была... ошибка, — неловко пробормотал я. — Позвольте представиться. Меня зовут Лью Элтон. Я член Комина, к вашим услугам. А кто вы?

— Это первые понятные слова, которые я здесь слышу! — Хоть она и плохо говорила на нашем языке, сам факт, что она его знала, был поразителен. Нам здорово повезло. — Меня зовут Кэти Маршалл.

— Вы с Земли?

— Да. А вы с Дарковера? Что все это значит?

— Вам нечего бояться. Мы перенесли вас сюда, потому что нам необходима ваша помощь...

— Но почему именно меня? И куда это — сюда? И почему вы думаете, что я стану помогать после этого... похищения?

Уместный вопрос, надо признать.

— Может, позвать сюда Линнел? — предложила Каллина. — Пусть она ее увидит. Мы перенесли вас сюда, Кэти, потому что вы являетесь точным молекулярным и ментальным двойником моей сестры Линнел. Нам пришлось рискнуть, мы вовсе не были уверены, что вы станете нам помогать. Заставить вас мы не можем. Но вам здесь ничто не угрожает.

Каллина подошла было к Кэти, но та отпрянула от нее.

— Точный двойник? Это... это очень странно! Да где я?

— В Замке Комин, в Тендаре.

— Тендара? Но ведь это же... на Дарковере! Я... я улетела с Дарковера много недель назад! Я прибыла на Самарру всего лишь вчера. Нет! Нет, это сон. Я просто видела вас на Дарковере, и теперь вы

мне снитесь! — Она встала и подошла к окну, схватилась за занавеси и раздвинула их. — Господи, красное солнце! Дарковер! У меня бывают такие сны, когда я никак не могу проснуться... Не могу ... — Она так побледнела, что, казалось, вот-вот упадет в обморок. Каллина подошла к ней и мягко обняла. На этот раз Кэти не стала вырываться.

— Ты когда-нибудь слышала о матричной механике, девочка? — сказала Каллина. — Мы перенесли тебя сюда с помощью матрицы.

— А вы кто такая?

— Каллина Эйлард, Хранительница. Бедная моя девочка! Не бойся!

Но Кэти безутешно зарыдала в ответ.

Мне было больно смотреть на девушку. Она так походила на Линнел, а слезы Линнел всегда огорчали меня. Каллина пыталась успокоить Кэти.

— Тебе бы лучше на некоторое время нас оставить, — сказала она и тут же, поскольку Кэти разразилась новым приступом рыданий, добавила: — Уходи же! Я сама с этим справлюсь!

Я пожал плечами, внезапно разозлившись.

— Как угодно.

И, повернувшись, пошел к выходу. И почему она мне не доверяет?

Если бы я знал тогда, что, оставляя Каллину одну, сам захлопнул дверцу ловушки за всеми нами...

Глава XI

Один раз в год, когда Дарковер совершал полный оборот вокруг солнца, все члены Комина, все городские жители, горские князья, консулы и послы других миров и земляне из Торгового Города — все собирались на карнавал, праздник Всеобщего Согласия. Столетия назад этот праздник просто служил поводом для общения членов Комина и простого народа. Теперь же карнавал захватывал всех на планете и открывался балом в огромных залах нижних этажей замка Комин.

Позади меня сверкал многоцветьем огромный зал. Костюмы гостей давали представление о самых отдаленных уголках Дарковера и почти обо всех гуманоидных и полугуманоидных цивилизациях, объединенных Империей. Дерик сверкал золотистым одеянием жреца Солнца времен короля Артура; Рейф Скотт был в маске, с кнутом и в когтистых перчатках — костюм дуэлянта с Кифирга.

В углу, где по традиции разместился целый выводок юных девиц, выделялась Линнел в украшенной блестками маске. Глаза ее горели гордостью, ибо взоры всех присутствующих невольно останавливались на ней. Ее на Дарковере хорошо знали как коминару, однако обычно она редко показывалась на людях и только в обществе нескольких своих кузенов да еще двух-трех молодых людей, что не считалось зазорным для девушки столь высокого происхождения.

Рядом с нею, тоже в маске, сидела Кэти. Ее сходство с Линнел позволяло думать, что это тоже какая-нибудь знатная представительница клана Эйлардов.

Я подошел к ним. Линнел засмеялась.

— Лью, я как раз пытаюсь научить твою кузину с Терры некоторым нашим танцам.

Моя кузина. Наверное, это Каллина придумала. Что ж, по крайней мере это объясняет столь сильный акцент Кэти.

Я повернулся к Кэти и учтиво, как и подобает кузену, спросил:

— Не угодно ли потанцевать?

Когда мы вышли в центр зала, Кэти воскликнула:

— Какая прелесть эта Линнел! Я себя чувствую с ней так, словно она действительно моя сестра-двойняшка! Я уже полюбила ее! С первой же минуты! А вот Каллины я боюсь. Не то чтобы она не была ко мне добра, нет. Но мне кажется, она какая-то холодная, словно вовсе не человек.

Как раз в этот миг занавеси раздвинулись, и в зал вошла Каллина Эйлард. И для меня все замерло, даже музыка.

Я не раз видел бездонное пространство космоса, где светились лишь одинокие звезды. Именно такой была сейчас Каллина: частица вырванной из полуночного неба черноты, с сиянием созвездий в темных волосах.

Алдаран пригласил Каллину на танец. Вдруг я со злостью представил себе, как он попытается ее поцеловать. А где Леррис? И Дайан? Они, конечно, в маскарадных костюмах — попробуй узнай. Сюда могла заявиться хоть половина землян из Зоны, а я бы этого и не заметил.

В уголке Рейф Скотт беседовал с Дериком; физиономия у Дерика была совершенно багровая, голос звучал глухо, а язык явно заплетался.

— Добр'вечр, Лью.

— Дерик, ты не видел Реджиса Хастура? Не знаешь, в каком он костюме?

— Н'знаю, — пробормотал Дерик. — Знаю тольк' что я — Дерик. Хорошо хоть эт' запомнить... Сам попробуй...поищи...

— Да, ты хорош! — сказал я. — Неплохо бы тебе вспомнить, кто ты такой! Иди-ка отсюда и не показывайся, пока не протрезвеешь! Ты что, не понимаешь, на кого сейчас похож?

— Каж'тся, я и впрямь увлекся, — с трудом выговорил он. — Тольк' эт' не твое дело. И вовсе я не пьян!

— Линнел будет очень тобой гордиться!

— Малышка и так разозлилась. — Он уже забыл свой гнев и теперь ему явно стало жалко себя. — Не захотела даж' танцевать с' мной...

— А кто бы захотел? — ответил я и отошел: уж больно рука чесалась дать ему как следует. Надо бы попытаться разыскать старого Хастура: он просто прикажет Дерику уйти, чего я сделать не могу. Хватит и того, что в эти тяжелые времена у нас нет достойного правителя, а только Регент. Да еще наследный принц выставляет себя полным идиотом! В присутствии чуть не половины населения планеты!

Я принялся внимательно изучать маскарадные костюмы, стараясь найти Хастура. Одна из фигур особенно заинтересовала меня: таких арлекинов я видел в старых книгах на Земле. Двухцветный ко-

стюм, длинная шапка с клювообразным козырьком над закрытым маской лицом...В этом человеке было нечто отталкивающее — но не из-за костюма, нарочито нелепого; нет, его самого окружал какой-то странный ореол... Я нахмурился, злясь на себя. Неужели мне уже начинает мерещиться всякая чертовщина?

— Не думаю, — тихо произнес рядом со мной голос Реджиса. — Мне он тоже подозрителен. И вообще, мне совершенно не нравится атмосфера в этом зале. И сегодняшняя ночь тоже. — Он помолчал. — Я сегодня был у деда. И потребовал себе ларанские права!

Я схватил его за руку, не произнося ни слова. Рано или поздно любой член Комина приходит к этому.

— Все очень изменилось, — неторопливо продолжал он. — Может быть, и я тоже изменился. Я знаю, что такое Дар Хастуров. И почему он угасает с каждым поколением. Хорошо, если бы у меня он проявился в еще меньшей степени, чем у деда.

— Ты ведь знаешь все о Даре Хастуров и Даре Элтонов? — продолжал он. — Насколько плотно ты можешь закрыть барьерами свой мозг? Тут ведь скоро черт знает что начнется, сам понимаешь.

— В такой толпе мои барьеры немного стоят, — ответил я. Я понял, что он имеет в виду. Дар Хастуров и Дар Элтонов по природе своей антагонистичны, как два полюса магнита. Я толком не знал, что являет собой Дар Хастуров, но с незапамятных времен Хастуры и Элтоны могли действовать в Комине совместно, только соблюдая чрезвычайную осторожность — даже если были задействованы матричные экраны. С Реджисом, пока его Дар был в латентном состоянии, я мог установить телепатический контакт, мог даже навязать ему такой контакт помимо его воли. Но теперь Дар его окреп, и он мог отразить попытку любого телепатического контакта с силой удара молнии. Мы по-прежнему способны были при желании читать мысли друг друга, поскольку обычное телепатическое общение у нас оставалось тем же, однако соединить и сфокусировать в одной точке свою телепатическую энергию нам бы вряд ли удалось.

Но прежде чем я успел сообщить это Реджису, вокруг погасли огни. И зал наполнился серебристым лунным светом. Толпа гостей шумно выдохнула: «А-а-ах!», и сквозь стеклянный купол зала стали видны четыре луны, сейчас слившиеся в одну. Они освещали зал так ярко, будто на дворе был день. Кто-то тронул меня за руку, и, обернувшись, я увидел рядом Дио Райднау.

На ней было что-то вроде камзола, в лунном свете сверкающего зелеными, синими и серебряными блестками и плотно облегающем ее фигуру. Светлые пепельные волосы переливались, словно вода ручейка, и посверкивали, как редкостные самоцветы. Она тряхнула головой, и в воздухе послышался серебряный перезвон маленьких колокольчиков.

— Ну, что скажешь? Сегодня я достаточно хороша для тебя?

Я хотел обойти сей провокационный вопрос, но глаза ее горели каким-то поистине колдовским огнем.

— Должен признать, что это значительно лучше, чем бриджи для верховой езды, — сухо ответил я.

Она засмеялась и продела руку под мой локоть. Я ощутил легкое, но твердое прикосновение ее ладони.

— Потанцуешь со мной, Лью? Хочешь секану?

Не дожидаясь ответа, она начала выбивать пальчиком нужный ритм по световой панели. И через минуту характерная мелодия секаны зазвучала в зале.

В последней фигуре я прижал ее к себе сильнее, чем того требовал танец. Это ощущение было знакомо нам обоим — редкое ощущение настроенности на одну частоту, ментальную и физическую; гораздо большая интимная близость, нежели просто любовная игра. Ритм древнего горского танца пульсировал у меня в крови, а музыка становилась все громче, и чувства мои нарастали вместе с нею, и когда прозвучал последний аккорд ударных и цимбал, я поцеловал Дио.

И тут же, словно реакция на гром музыки, упала тишина. Дио выскользнула из моих объятий, и мы вышли на воздух.

— А интересно, — в голосе Дио звучали дразнящие нотки, — когда Хастур сообщил тебе о ребенке, ты обо мне не вспомнил?

Я нахмурился. Тема была слишком деликатная. Она рассмеялась, но смех прозвучал как-то сухо и безрадостно.

— Вот и хорошо. В конце концов я тут совершенно ни при чем, если тебе от этого хоть немного легче. Скажи мне, Лью, тебе действительно нужна Каллина?

Вот уж это я вовсе не собирался обсуждать с Дио.

— А что? Разве это имеет для тебя какое-либо значение?

— Никакого. — Но голос ее звучал неубедительно. — Мне просто кажется, что ты совершаешь непростительную глупость. В конце концов, она даже не женщина...

Это было слишком! И совершенно не похоже на Дио.

— Ничуть не хуже тебя!

— Да это же просто смешно!

— Дио, если ты намерена устроить сцену, — угрожающе произнес я, — то учти, шею я тебе сверну с удовольствием!

— Знаю, знаю! — Она опять рассмеялась, и на сей раз в смехе явно слышались истерические нотки. — Замечательно! Как ты просто решаешь все проблемы! Свернул шею — и никаких проблем! Но одно я знаю наверняка: с Каллиной покончено, и Ашара скоро лишится своей марионетки!

— Какого черта! О чем ты?

Она продолжала смеяться — все тем же диким, истерическим смехом.

— Скоро сам увидишь! А ведь именно ты мог бы всех нас избавить от этой напасти. Но ты не захотел, у тебя, видите ли, принципы! Ты сам загнал себя в ловушку, да и Каллину тоже! Или, лучше сказать, ты сыграл на руку Ашаре...

Я схватил ее за плечо резко развернул лицом к себе. Она скорчилась от боли.

— Животное, ты же мне ключицу сломаешь! Черт бы тебя побрал, Лью, это уже совсем не смешно! Мне ведь больно!

— Так тебе и надо! — с яростью сказал я. — Тебя бы еще выпороть! Что ты там придумала, признавайся! Какую гадость ты приготовила для Каллины? Отвечай, Дио, или, клянусь, я узнаю силой! Я никогда не использовал Дар Элтонов против женщин, но на сей раз я им воспользуюсь!

— Нет! Ты не сможешь! Ты что, забыл?

Мы смотрели друг другу прямо в глаза, пылая такой яростью, что не замечали ничего вокруг.

— Проклятье! — Она сказала правду, и я разозлился еще сильнее. Дио — единственная из всех людей — была надежно, раз и навсегда защищена от моего Дара. Благодаря тому, что было у нас с ней на Вэйнуолле.

Есть вещи, контролировать которые не в силах ни один мужчина, даже телепат. И одна из них — прикосновение, интимная близость. А ведь Дио была из рода Райднау, известного своей сверхчувствительностью. Чтобы уберечь ее рассудок от собственного телепатического влияния, я дал ей такое средство защиты, которое теперь не мог ни взять обратно, ни отнять. Разве что она сама согласится раскрыть свои мысли передо мной. Можно было, конечно, снять этот барьер силой — и убить ее при этом. Иначе — никак.

От собственного бессилия я выругался. И тут Дио вдруг обвила мою шею руками, приблизив ко мне свое лицо. В ее глазах сверкало зеленое пламя.

— Ты, слепой идиот! — задыхаясь, прошептала она. — Неужели ты не замечаешь того, что происходит прямо у тебя под носом? Сколько же можно ошибаться? Опять хочешь все испортить? Ну почему, почему ты мне не доверяешь?

Она прижалась ко мне так, что у меня закружилась голова. Поняв наконец, что она со мной делает, я грубо оттолкнул ее.

— Этим ты ничего не добьешься!

На лице ее появилось жестокое выражение.

— Ну что ж, хорошо! Существует мнение — и этому многие верят, — что только девственница может обладать властью, которая дана Каллине. Есть, скажем так, группа людей, считающих, что всем будет только лучше, если Каллина, предположим, внезапно лишится своего могущества. А поскольку твое поведение выше всяческих похвал, то остается один лишь способ исправить положение...

Я смотрел на нее во все глаза; до меня понемногу начинал доходить смысл ее слов. Но ведь это ужасно! Найдется ли на Дарковере хоть один мужчина, который осмелится...

— Дио, если ты так уверена, если это не просто грязная шутка...

— Да, конечно, шутка! Захотелось пошутить с Ашарой! — Внезапно она стала очень серьезной и успокоилась. — Лью, поверь, я не в силах объяснить лучше, но тебе следует держаться от них подальше. Каллина — вовсе не та, кем ты ее считаешь. Она вовсе не...

Я размахнулся и влепил ей пощечину. От удара она отлетела к стене.

— Ты давно этого ждала, Дио!

И тут между нами вдруг возник Реджис. Он, видимо, сразу узнал мои мысли, потому что резко побледнел и воскликнул:

— Каллина!

Дио стояла у стены, держась за щеку, по которой я ее ударил, и чуть приоткрыв рот. Потом вдруг бросилась вперед, ко мне.

— Погоди! — воскликнула она. — Погоди, ты ничего не понял!..

Я сердито оттолкнул ее и поспешил прочь. Реджис еле поспевал за мной. Задыхаясь, он проговорил:

— Кто же осмелится на такое? Она же Хранительница! Кто осмелится тронуть ее хоть пальцем?

— Дайан, — ответил я, останавливаясь. — Помнишь, что она сказала в Совете? «Ни один мужчина, трижды прикоснувшийся ко мне, не проживет и дня!» Если тогда это был первый раз...

Между нами уже возник поверхностный телепатический контакт. Но я резко прервал его; Реджис мрачно на меня посмотрел и отступился.

— Между прочим, я заметил, — сказал я, — что когда мы с тобой входим в контакт, то оба очень быстро теряем силы. Кто-то явно пронес сюда матрицу-ловушку восьмого или девятого уровня, такую, что вбирает в себя жизненную энергию... — И тут до меня вдруг дошло. — Шарра! Матрица Шарры!

Тут я почувствовал, что Реджис пытается проникнуть в мой мозг, и закрылся барьером.

— Никогда этого не делай, не предупредив! — велел я ему. — Входи в контакт — но только по моей команде и только на тысячную долю секунды! Что бы ни произошло, не старайся продлить связь! Иначе мы оба сгорим! Помни, что ты — Хастур, а я — Элтон!

Он судорожно сглотнул.

— Может, лучше ты сам войдешь в контакт? Я пока еще не очень умею этим управлять...

И мы вошли в контакт...

Итак, я узнал то, что хотел. Где-то в Замке была спрятана матрица — нет, не матрица Шарры, другая, скрытая от мониторов слежения и самым коварным образом сфокусированная на слабейшем звене Комина: на Дерике Элхалайне.

А я-то думал, он просто пьян!

— Вот что, Реджис, я попробую напрямую войти в контакт с Дериком и попытаюсь устранить влияние этой матрицы на его мозг. — Впервые в жизни я был благодарен судьбе за Дар Элтонов. — Так, теперь внимание: как только я переключу эту матрицу на себя, попытайся ее уничтожить, повредить. Но, заклинаю, не входи в контакт со мной! И с Дериком тоже! Этим ты можешь погубить всех нас!

Затея была авантюрной, равносильной прогулке по темной аллее, кишащей злобными чудовищами.

Все мои инстинкты бунтовали. Но я зажал волю в кулак и вступил в контакт с Дериком.

И тут же понял, что я уже встречался с чем-то подобным — когда пытался прощупать мозг Лерриса!

Дерик, как бы почувствовав прикосновение острого скальпеля сквозь неполную анестезию,

сделал невольную попытку уйти от контакта, но я держал его мертвой хваткой, вклиниваясь между его мозгом и матрицей, контролирующей этот мозг.

Где-то позади я ощущал и присутствие Реджиса — так человек смотрит в зеркало на отраженный свет, не решаясь на прямой взгляд. Он уже нащупал эту чуждую нам силу и теперь дробил ее, уничтожая по частям, по мере того, как я снимал ее телепатическое воздействие на мозг Дерика.

Наконец я почувствовал толчок, и непонятная сила исчезла, растворилась. Дерик свободен.

Я прекратил телепатическую связь.

Реджис прислонился к колонне. Его лицо было смертельно бледно.

— Ты не понял, кто управлял матрицей? — спросил я.

— Не имею ни малейшего понятия. Когда она распалась, я сперва вроде бы почувствовал Каллину, но потом... — Реджис внезапно нахмурился, — и она тоже исчезла, и я ощущал... только присутствие Ашары. Ашары! Но почему Ашары?!

Я не знал. Но если сигнал приняла Ашара, значит, она, по крайней мере, способна защитить Каллину.

Итак, мы полностью выдали себя, я и Реджис. И к тому же истратили всю свою жизненную силу. Особенно я беспокоился за Реджиса, но он только отмахнулся.

— Ерунда. Смотри-ка лучше, кто это там с Линнел?

Я обернулся, думая, что он имеет в виду Кэти или того незнакомца в костюме арлекина, вызвавшего в моей душе такую тревогу. Но рядом с Линнел стоял некто в маске и в широком плаще с капюшоном, полностью скрывавшем фигуру и лицо. Глядя на него, я невольно вспомнил ощущения, которые испытывал при соприкосновении с мозгом Дерика.

Я медленно подошел к ним.

— Где ты был, Лью? — спросила Линнел.

— На балконе. Наблюдал за слиянием лун, — ответил я.

Линнел смотрела на меня смущенно и обеспокоенно.

— Что с тобой, чийя? — Это детское обращение сейчас как нельзя лучше подходило к ней.

— Лью, кто такая Кэти? Рядом с ней я чувствую себя как-то очень странно. И не только потому, что она в точности похожа на меня, нет, у меня ощущение...будто она — это и есть я. И еще я чувствую... не знаю... мне словно хочется подойти к ней ближе, коснуться ее, обнять... И от этого очень больно! И я не могу уйти от нее! Но стоит мне до нее дотронуться, как впору бежать... кричать от боли...— Линнел нервно ломала пальцы, готовая разрыдаться или разразиться истерическим хохотом. Я не знал, что ей ответить. Линнел — не такая девушка, чтобы волноваться по пустякам.

Кэти танцевала с Рейфом Скоттом. Проплывая мимо, она улыбнулась Линнел; и Линнел тут же сама пошла ей навстречу! Неужели Кэти столь странно на нее влияет? Нет, конечно, нет! Кэти понятия не имеет о телепатии. Уж это я знал точно. К тому же я сам установил вокруг нее барьеры.

Линнел тронула Кэти за руку, почти смущенно; Кэти тут же отреагировала и обняла Линнел за талию. Они с минуту постояли так, прижавшись друг к другу, потом Линнел выскользнула, словно освободившись.

— Смотри, вон Каллина, — сказал я, когда она подошла ко мне.

Хранительница, гордо подняв голову, шествовала сквозь толпу, сияя своим ослепительно прекрасным, но мрачным звездным одеянием. Кому она бросала вызов, надев столь зловещий наряд?

— Где ты была, Каллина? — требовательно спросила Линнел. Она с каким-то горестным изумлением разглядывала странный костюм сестры, но ни словом не обмолвилась по этому поводу.

— Да-да, — поддержал я, в упор глядя на Каллину и мысленно повторяя тот же вопрос: где ты была?

Она как будто ничего и не заметила, а в ее небрежном тоне не ощущалось никакого подтекста, на который я так рассчитывал.

— Мы с Дериком беседовали. Он утащил меня в угол и долго нес какую-то бессвязную ерунду. Он совершенно пьян. Я так ничего и не поняла. — Она изящно повела плечиком. — Хастур зовет меня. И Белтран с ним. Видимо, пора начинать церемонию.

— Каллина... — начала было Линнел со слезами в голосе, но та прошла мимо, словно не замечая протянутых к ней рук сестры.

— Не жалей меня, Линнел, — сказала она. — Мне это не нужно.

Могу поклясться: она была совершенно уверена, что справится со всеми проблемами сама.

Не знаю, может, мне следовало что-то сказать ей или что-то сделать. Но она молча прошла мимо; глаза ее были задумчивы и сияли синим льдом, как у Ашары. С горьким чувством бессилия смотрел я вслед удаляющейся Каллине, точно в саван, закутанной в сверкающие одежды.

Мне бы уже тогда следовало обо всем догадаться — когда она вот так, не попрощавшись, ушла, погруженная в молчание, отстраненная, как сама Ашара, уединившись и замкнувшись в своем горе. Я тупо выслушал Хастура, сделавшего официальное сообщение о заключении брака, и молча смотрел, как он соединяет жениха и невесту двойными брачными браслетами. И когда Хастур отпустил руку Каллины, она стала женой Белтрана.

Я оглянулся на Реджиса и увидел, что он вдруг резко побледнел. Я обнял его и повлек к выходу. Едва холодный воздух коснулся лица юноши, он судорожно вздохнул и пробормотал:

— Спасибо. Видимо, ты был прав.

И тут ноги у него подкосились. Руки бессильно обвисли. Он был почти в обмороке. Я оглянулся. К нам приближалась Дио, опираясь на руку Лерриса.

Вдруг Леррис остановился, как вкопанный, дико озираясь. Дио вцепилась ему в локоть.

Это была лишь первая волна телепатического шока. А затем словно разверзлись ворота ада. Зал являл собой кошмарное зрелище — пространство

как бы сжалось и начало закручиваться в спираль. Вопль Дио словно увяз, не в силах пробиться сквозь ставший невероятно плотным воздух. Потом Дио вдруг судорожно забилась, словно пытаясь стряхнуть с себя нечто ужасное. Она сделала шаг, пошатнулась ...

И тут я заметил двух мужчин — только они сохраняли спокойствие среди всеобщей паники: арлекин и тот, второй, в плаще с капюшоном. Но теперь капюшон был откинут, и на Дио мрачно глядело жестокое лицо с тонкими губами. Дайан! Дио сделала еще один неверный шаг, упала на пол и замерла без движения.

Я боролся с парализующей леденящей силой свертывающегося пространства. И тут между «арлекином» и «плащом» оказалась Линнел. Они не коснулись ее, однако словно связали по рукам и ногам. Мне показалось, что она успела вскрикнуть, но звука не было слышно в ставшем слишком плотным воздухе. Линнел судорожно билась в силках какой-то невидимой силы; вокруг них троих вдруг возникло мрачное свечение; Линнел осела бессильно, на некоторое время словно повиснув в пустом пространстве, потом упала, со стуком ударившись головой об пол. Я не мог двинуться с места; меня сотрясали безмолвные рыдания и проклятия.

Кэти бросилась к упавшей Линнел. Думаю, она осталась единственным человеком во всем зале, кто мог свободно передвигаться. Когда она подняла голову Линнел, я успел заметить, что гримаса боли и ужаса, искажавшая лицо той, исчезла, черты разгладились. Секунду Линнел лежала спокойно, потом ее снова охватили конвульсии, и вскоре она успокоилась навсегда — маленькая, безвольная, обвиснув на руках Кэти и уронив голову ей на грудь.

А над ними росли и увеличивались в размерах, словно разбухая, фигуры арлекина и человека в плаще с капюшоном. Они становились все выше и мощнее. На мгновение под маской арлекина мелькнули мрачные черты Кадарина. Потом все лица слились, соединились в одно — прекрасное и ужасное лицо, которое я видел в Башне Ашары. Потом все поглотила тьма.

Уже через несколько мгновений вновь стало светло. Но мир вокруг разительно переменился. Я услышал пронзительный крик Кэти, затем дружно завопили гости, и я рванулся вперед, к Линнел, грубо расталкивая встречных локтями.

Она недвижно лежала на коленях у Кэти, маленькая, жалкая, беспомощная. Позади нее почерневшие и обуглившиеся панели стены и пола указывали на то место, где закручивалось пространство.

Я опустился на колени возле Линнел. Она, без сомнения, была мертва. Я знал это еще до того, как положил руку на ее похолодевшую грудь. Каллина, отодвинув Кэти в сторону, склонилась над сестрой, а я уступил место старому Хастуру и обнял Каллину; она тяжело оперлась на мою руку, но самого меня вроде бы и не заметила.

Вокруг колыхалась толпа гостей, раздавались крики, распоряжения, мольбы. Толпа проявляла то самое ужасное любопытство, что всегда возникает в трагических ситуациях. Хастур сказал что-то, и толпа постепенно начала рассасываться, отступать. Впервые за сорок поколений, подумалось мне, такое произошло среди карнавала.

Каллина не уронила ни слезинки. Она попрежнему опиралась на мою руку и была настолько потрясена, что глаза ее казались совершенно пустыми, а сама она будто окаменела. Сейчас мне необходимо было позаботиться в первую очередь о ней: увести ее подальше от настырного внимания толпы. Странно, я ни разу даже не вспомнил о Белтране, хотя все время ощущал под рукой холодок брачного браслета на запястье Каллины.

Ее губы чуть шевельнулись:

— Так вот чего добивалась Ашара...

И, глубоко вздохнув, без чувств упала мне на руки.

Глава XII

Когда я проснулся, тонкий красный луч новой зари пробивался сквозь световые панели стен; я лежал неподвижно, пытаясь понять, не было ли происшедшее лишь безумным кошмаром, овладевшим мною вследствие контузии. Потом вошел Андрес, и искаженное горем лицо старого землянина, трогательное в своем уродстве, убедило меня, что все случившееся — правда. Я ничего не помнил после того, как Каллина потеряла сознание, и это неудивительно. Меня ведь предупреждали, чтобы я не переутомлялся после ранения в голову; а я сумасбродно бросился в бой с самыми мощными силами Дарковера.

Постепенно я начинал вспоминать.

— Реджис Хастур пришел, — сообщил Андрес.

Я попытался встать, но он силой уложил меня обратно на подушку.

— Ты что, идиот, не понимаешь, что полностью выдохся? Если сможешь встать через неделю, считай, что тебе здорово повезло! — За грубыми словами чувствовалась искренняя боль: — Господи, я уже двоих из вас потерял! Не хватало только, чтобы и ты последовал за Мариусом и Линнел!

Я подчинился ему и улегся поудобнее. Вошел Реджис, и Андрес хотел было выйти, но передумал, подошел к окну и резким движением плотно задернул шторы, отрезая доступ солнечному свету.

— Проклятое солнце! — тихо выругался он. И оставил нас вдвоем.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — тихо спросил Реджис.

— А как ты думаешь? — Я стиснул зубы. — Мне бы следовало кое-кого убить.

— Может, теперь их уже меньше, — сказал он с мрачным видом.— Двое из братьев Райднау мертвы. Леррис, видимо, выживет, но проку от него теперь будет немного. Во всяком случае первые несколько месяцев.

Этого следовало ожидать. Сверхчувствительность Райднау делала их всех слишком уязвимыми даже при самой обычной телепатической атаке; видимо, Леррис несколько месяцев будет находиться

в коме. Счастье еще, что он вообще остался жив.

— А Дио? — спросил я.

— Она как бы контужена, но с ней, в общем, все в порядке. Ад Зандру! Если б я был хоть чуточку сильнее!...

Я махнул рукой.

— Не вини себя. Слава богу, ты сам не сгорел. Видимо, Хастуры более устойчивы, чем я мог предполагать. А что Каллина?

— Как и Дио. Ее отвели в Башню.

— Расскажи, что было потом. Говори же, не тяни!

— Ну, все не так уж плохо, могло быть и похуже. Белтран исчез. Он покинул замок еще ночью. Так спешил, словно за ним гнались все скорпионы Зандру! Стало быть, Каллина теперь свободна.

Поразительно. Белтран мог бы воспользоваться ситуацией — полным беспорядком и шоком, в котором пребывали члены Комина, — и захватить власть в качестве консорта Каллины. Таково и было, несомненно, его первичное намерение. Но они не на того поставили. Белтран из Алдарана оказался слишком суеверным. Он же горец, кауэнга, самое ничтожное из орудий, которое только можно себе представить! И он сломался. Не выдержал.

— Все равно положение скверное. Здесь полно землян, они взяли замок под охрану. Никого не впускают и не выпускают. Кроме того... — Реджис умолк, явно чего-то не договаривая.

— А Дерик? Он тоже погиб?

— Лучше бы он погиб, — Реджис закрыл глаза. — Лучше бы погиб!

Я понял его. В силу необходимости мы с ним вторглись в мозг Дерика. Мы же не могли предполагать, что на свободе окажутся еще более мощные силы. Корусу и Остеру Райднау еще повезло: они умерли сразу.

Дерик Элхалайн выжил. Но полностью лишился разума.

Снаружи послышался чей-то раздраженный голос. Он явно принадлежал землянину:

— Как, черт возьми, я могу постучать, если тут вообще нет двери?!

Занавеси раздвинулись, и в комнату вошли четыре человека.

Двоих я совершенно не знал. Они были в форме космических сил Терры. Третьим был Дэн Лоутон, легат из Тендары. А четвертым — Рейф Скотт, и тоже в форме космической службы.

Реджис вскочил и недовольно сказал:

— Лью Элтон серьезно пострадал! Он не в том состоянии, чтоб его допрашивать, как вы допрашивали моего деда!

— Что вам здесь нужно? — требовательно спросил я.

— Только чтобы вы ответили на несколько вопросов, — вежливо сказал Лоутон. — А вас, юный Хастур, мы уже просили не покидать своих апартаментов. Кендрикс, отведи юношу к деду и проследи, чтобы он никуда оттуда не выходил.

Самый высокий из землян положил руку на плечо Реджиса:

— Пойдем, сынок, — мягко произнес он.

Реджис резким движением высвободился.

— Не смей меня касаться!

Рука его метнулась к голенищу сапога, и в следующее мгновение в ней сверкнул узкий стилет. Реджис смотрел на землян с вызовом, цедя сквозь зубы в холодной ярости:

— Я уйду только тогда, когда меня попросит об этом Элтон! Или вам придется тащить меня силой!

— Пусть он побудет здесь, — сказал я. — Силой вы в Замке Комина ничего не добьетесь, Лоутон.

Тот бледно улыбнулся.

— Знаю. Но, может быть, в данном случае нужна именно сила. Капитан Скотт сказал мне...

Вот как! *Капитан* Скотт!

— Предатель! — бросил Реджис и сплюнул.

Лоутон не обратил на это никакого внимания и продолжал, обращаясь ко мне:

— Ваша мать была земной женщиной...

— Да! Какой ужас! Со стыдом вынужден признать это!

— Послушайте, — Лоутон продолжал оставаться спокойным. — Мне все это тоже не доставляет удовольствия. Я всего лишь выполняю официальное поручение. Дайте мне закончить, и я уйду. Вашу мать звали...

— Элейн Алдаран Монтрэ.

— Значит, вы в родстве с... Насколько хорошо вы знакомы с Белтраном из Алдарана?

— Я провел пару лет в горах Хеллерса, в основном в качестве его гостя. А что?

Он не ответил мне, а вместо этого обратился с вопросом к Рейфу:

— Кстати, а вы с Лью Элтоном в каком родстве?

— Если считать по алдаранский линии, это будет довольно сложно объяснить, — сказал Рейф. — В общем, дальние родственники. Но он был женат на моей сестре Марджори. Так что можно сказать — шурин.

— Среди моих родственников нет и никогда не было шпионов! — Я резко сел, и в голове тут же запульсировала боль. Но лежать перед ними было слишком унизительно. — Комин сам в состоянии следить за порядком! Ступай, занимайся своими делами в Зоне! Ты ведь давно уже сделал свой выбор!

— Именно своими делами мы сейчас и заняты, — заметил Лоутон. — Между прочим, Леррис тоже на нас работал, так что его братья интересуют нас в не меньшей степени, ведь они погибли.

— И Мариус тоже, — добавил Рейф. — Тебе никто никогда об этом не говорил, Лью, а ведь Мариус тоже работал на землян...

— Мой брат никогда не получал от них ни гроша! И ты прекрасно об этом знаешь! Можешь лгать кому угодно, но меня-то тебе не провести! Я ведь Элтон!

— Нам достаточно сообщить вам некоторые факты, — сказал Лоутон. — Вы правы: ваш брат не состоял у нас на службе — то есть не получал от нас денег и не был нашим шпионом. Но он действительно работал на нас и подал прошение о получении гражданства Империи. Я сам поддержал его просьбу. У него на это было не меньше прав, чем у вас, хотя вы-то никогда не выражали подобного

желания. Так что даже по вашим меркам шпионом он вовсе не был. — Лоутон сделал паузу. — Он, видимо, был единственным человеком на Дарковере, который старался добиться равноправного союза между нами. Остальные стремились только к собственному обогащению. Как случилось, что вы ничего о нем не знали? Вы же телепат!

— Если бы мне платили всякий раз, когда приходится это объяснять, — вздохнул я, — я бы уже давно скупил все земли в вашей Зоне. Телепатический контакт может использоваться только для того, чтобы передавать, проецировать конкретные мысли. Значительно быстрее, чем с помощью слов. И при этом не возникает никаких семантических проблем. И никто, кроме твоего реципиента, не способен принять конкретную мысль. Однако необходимы направленные усилия обоих — во-первых, чтобы передать мысль и, во-вторых, чтобы ее принять. Кроме того, даже когда я не совершаю никаких телепатических усилий, я все же кое-что воспринимаю — так сказать, утечку чужих мыслей. Я чувствую состояние человека. Вот вы, например, сейчас сконфужены и очень чем-то недовольны. Не знаю, чем именно, да и не пытаюсь понять; телепаты умеют быть нелюбопытными. Я мог входить с братом в полный телепатический контакт. И знаю о нем все. И все, что было известно ему самому. Но что-то я не припомню ничего насчет сотрудничества с Террой — да и не хочу припоминать!

И тут я внезапно понял — по полному спокойствию Лоутона, — что он просто провоцирует меня, заставляет потерять над собой контроль и снять барьеры. Он же сам полукровка! Вполне возможно, у него тоже имеется телепатический дар. Он что-то пытался выяснить и, что бы это ни было, кажется, нашел ответы на свои вопросы.

— Я скажу вам, зачем я сюда пришел, — внезапно заявил Лоутон. — Обычно мы предоставляем городам-государствам возможность самоуправления — пока их правительство не падет само. Так чаще всего и происходит примерно через поколение после прихода Империи. Если же нам встречается настоящая тирания, мы уничтожаем ее. А на планетах типа Дарковера мы просто ждем, пока все придет к полному краху. Что вскоре действительно случается.

— Все это я слыхал еще на Земле. Обеспечьте безопасность демократии во всей Вселенной, а затем безопасность земной торговле!

— Примерно так, — невозмутимо произнес Лоутон. — Если вы правите планетой мирно, можете править ею, покуда она не рассыплется. Однако на Дарковере в последнее время участились беспорядки. Мятежи. Бандитизм. Процветает контрабанда. И что-то слишком много грязных штучек делается с помощью телепатии. Мариус погиб после того, как вы навязали ему глубокий контакт.

— Кто это вам сообщил подобную ложь? — возмутился Реджис. — Я сам присутствовал при его смерти — он погиб от удара ножом в сердце!

— Мариус не был еще гражданином Империи, поэтому я могу лишь задавать вопросы относительно причин его смерти, но не преследовать виновных в ней, — ответил Лоутон. — Впрочем, у меня есть еще одно подозрение — что вы тут силой держите земную девушку. Она ваша пленница?

У меня екнуло сердце. Кэти! Неужели мы с Каллиной в спешке умудрились раскрыть эту тайну?

— Она — дочь легата Терры на Самарре. Ее зовут Кэти Маршалл. Она должна была покинуть Дарковер на корабле «Южный Крест» несколько недель назад. Я был уверен, что она улетела. Но теперь она пропала, ее ищут. Но кое-кто видел ее.

— Здесь было полно народу в ночь празднества, — равнодушно сказал Реджис. — Может, кому-то просто показалось... — Он помолчал, потом крикнул : — Андрес! Попроси коминару зайти к нам. Она сейчас у Дио Райднау.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем я услышал знакомые легкие шаги, и в комнату вошла Кэти Маршалл.

Она выглядела настоящей коминарой; широкое кружевное платье свободно ниспадало с ее узких плеч. Распущенные волосы усыпаны блестками. На запястьях и тонких щиколотках позвякивают браслеты с колокольчиками.

— Кэти? — обратился к ней Лоутон.

Кэти посмотрела на него непонимающе:

— Что вам угодно?

— Линнел, милая, — протянул Реджис, — я им тут рассказывал о поразительном сходстве между тобой и той девушкой. Я для того и пригласил тебя, чтобы они сами убедились.

Я молился только, чтобы среди них не оказалось какого-нибудь близкого знакомого Кэти. Впрочем, сходство было действительно почти полным; и меня вдруг охватило горькое чувство невосполнимой утраты. Это был словно призрак настоящей, живой Линнел.

Кэти коснулась моего лица. Землянки так себя не ведут!

— Да, Реджис, я помню, — сказала она, и я чуть не вскрикнул, пораженный. Она говорила на чистом, очень сложном, богатом гласными горском диалекте — и без малейшего намека на тяжелый акцент землян. Говорила совершенно свободно. — Здесь слишком много посторонних, Лью... Тебе это не повредит? Что они все тут делают? Рассказывают всякие небылицы?

Интонации у нее были иными, чем у Линнел. Но лицо! И говорила она отлично, не хуже, чем я или Дио.

Лоутон был потрясен.

— Фантастика! — вырвалось у него. — Вот это сходство! Но я-то знаю, что Кэти не может так владеть вашим языком!

Тут вмешался высокий землянин:

— Но я же говорил тебе, Дэн, я сам видел...

— Ты ошибся! — Лоутон продолжал сверлить Кэти взглядом, но та не двигалась с места. Ошибка! Фальшивая нота! На Дарковере считается непростительным оскорблением вот так смотреть на молодую девушку, когда она без маски; за такое могут и убить. И Лоутон об этом знал. Настоящая Линнел сгорела бы со стыда. Но едва я успел об

этом подумать, как Кэти вспыхнула и выбежала вон из комнаты.

— Кажется, тут мы попали впросак, — пробормотал Лоутон. — Элтон, прежде чем я уйду, может, вы мне объясните, от чего погибли братья Райднау?

— Я уже пытался объяснить... — сказал Реджис.

— Но у вас концы с концами не сходятся. Вы говорили о какой-то матрице-ловушке. Я немного знаком с матрицами, но ни о чем подобном не слыхал.

Да, землянам никогда до конца не понять матричной механики, как бы они ни старались.

— Это своего рода механическое телепатическое устройство, способное вызывать из подсознания ужасные, чудовищные образы, сохранившиеся со времен детства человечества. И пробуждать дикие суеверия. Человек, владеющий такой матрицей, способен контролировать разум и эмоции других людей. Райднау всегда отличались повышенной чувствительностью: любое возмущение ментальной атмосферы причиняло им почти физическую боль. На сей раз возмущение оказалось настолько сильным, что в их нервных схемах как бы произошли своего рода множественные короткие замыкания. Они погибли от кровоизлияния в мозг.

Это было, конечно, весьма упрощенное объяснение, но Лоутон наконец хоть что-то понял.

— Да-да, я о таком слыхал, — сказал он, и меня поразило странное горькое выражение его лица. Потом он, к моему глубокому изумлению, поклонился и сказал:

— Спасибо, вы очень нам помогли. Все остальные вопросы мы обсудим, когда вы поправитесь.

Все вышли. А через некоторое время вернулся Андрес. Он нежно осмотрел мою уже почти зажившую рану на голове, не обращая ни малейшего внимания на мои протесты насчет того, что я и сам мог бы о себе позаботиться. Он только улыбнулся, когда я сердито обругал его. И в итоге, рассмеявшись, отчего в голове сразу заломило, я разрешил ему делать со мной все, что он пожелает. Он умыл меня, как капризного ребенка, и, наверное, стал бы кормить с ложечки, если бы я и это ему позволил. Так что он в конце концов сунул мне пачку контрабандных сигарет. Но когда я наконец выпроводил этого старого ворчуна, у меня уже не было сил сопротивляться одолевшим меня думам.

Что убило Линнел? Никто к ней не прикасался, кроме Кэти. И она не обладала сверхчувствительностью Дио...

И вдруг до меня дошло. Это я убил Линнел!

Весь вечер она интуитивно пыталась вступить в контакт со своим двойником. Их инстинктивное стремление сблизиться оказалось сильнее, чем вся моя наука. А я — жалкий, слепой идиот! — перекрыл им доступ друг к другу. Линнел в минуту опасности, естественно, обратилась за поддержкой к Кэти... Как это я сказал тогда Мариусу? Один человек не в силах выдержать такое напряжение...

Барьер, установленный мною и призванный оберегать мозг Кэти, вынудил Линнел к контакту со мной, а через меня — со смертельно опасной матрицей, которой владел Кадарин. Много лет назад я был настроен на код матрицы Шарры, и теперь это позволило ему получить доступ к моему мозгу. А заряженный поток всегда устремляется к более слабому полюсу. И вся его сила обрушилась на незащищенный мозг Линнел, создав такую перегрузку, какой не выдержала ее неокрепшая нервная система.

И она сгорела, как спичка.

Да, Комин понес немалые потери! Линнел, братья Райднау, Дерик... но не Дио. Я мрачно улыбнулся. Защитные барьеры, которыми я снабдил Дио, по-видимому, спасли ей жизнь, уберегли от судьбы ее братьев.

И тут меня снова осенило. Никаких угроз с ее стороны и не было! Она просто по-своему пыталась предупредить меня!

Тоненький лучик лунного света упал мне на лицо. В тени что-то задвигалось, потом я услышал шорох и знакомый голос шепотом спросил:

— Лью, ты не спишь?

Сверкнули серебристые волосы, и Дио, как бледный призрак, скользнула в комнату. Она раздернула занавеси, позволив лунному свету залить все вокруг. Четыре луны светили из-за ее плеча.

Лицо Дио было в тени, неподвижное и серьезное. И внезапно мне вспомнилась Каллина. Не гордая Хранительница, а оскорбленная женщина.

Почему я все время мечтал о Каллине, когда рядом была Дио? Может быть, Дио силой навязывала мне эту мысль? Но тогда, значит, сила эта такова, что я чуть не произнес ее имя вслух.... Ее бледное лицо вдруг будто сверкнуло во тьме и стало очень похожим на лицо Каллины... Это тоже было как сон, я едва мог убедить себя, что не сплю.

— Зачем ты сюда пришла?

— Я всегда чувствую, когда тебе больно или тяжело, — просто ответила Дио.

И прижала мое лицо к своей груди. Я лежал, закрыв глаза. От ее тела исходили одновременно тепло и прохлада, а запах ее был таким знакомым — таинственный соленый запах слез, смешанный с ароматом меда и мускуса.

— Не уходи.

— Не уйду. Никогда.

— Я люблю тебя, — прошептал я. — Люблю.

На какое-то мгновение рыдания Каллины усилились. Каллины? Каллина?! Она почти физически присутствовала здесь, между нами; или, скорее, это были две женщины, слившиеся в одно. Какой из них я шептал слова любви? Не знаю. Но нежные руки, обнимавшие меня, были вполне реальны.

Я крепко прижимал ее к себе, понимая с горькой определенностью, что как мужчина для этой женщины я сейчас ни на что не годен. Для телепата такое — настоящий ад, ужасная пытка...

Но ей, кажется, это было безразлично. И внезапно я понял, что та Дио, которую я любил на Вэйнуоле, страстная, легкомысленная, оживленная, не имеет ничего общего с настоящей Дио. А вот эта — настоящая. Да и я тоже сейчас был совсем не тот, каким она знала меня прежде.

Я был не в силах произнести ни слова. Лишь поцелуем я мог выразить свой стыд и мольбу о прощении. И она ответила мне — нежным, лишенным страсти поцелуем.

Мы уснули, обнявшись и тесно прижавшись друг к другу, как маленькие дети.

Глава XIII

Я проснулся в полном одиночестве. Светило утреннее солнце. Несколько минут я лежал молча, пытаясь понять, не было ли все это сном. Потом занавеси у входа раздвинулись, и в комнату вошла Дио.

— Я привела к тебе одного гостя, — сказала она. Я начал было протестовать — не хотелось никого видеть. Но тут в комнату вбежала Марджа.

На мгновение она застыла, глядя прямо на меня, и бросилась мне на шею.

Я легонько отодвинул девочку, по-прежнему глядя на Дио.

— Тихо, чийя, тихо, не то уронишь меня на пол. Дио, откуда...

— Я узнала о ней, когда Хастур еще только привез ее сюда. Думаю, теперь ей незачем оставаться в Башне Ашары. Присмотри за больным, Марджа, — обратилась она к девочке и вышла, прежде чем я успел задать ей следующий вопрос. Потом зашел Андрес. Не вдаваясь в подробности, я просто сказал ему, что это моя дочь; он понимающе кивнул и, к моему облегчению, ничего больше спрашивать не стал.

Я попробовал осторожно расспросить Марджу, но ее ответы были туманны и неопределенны, да и чего можно было ожидать от ребенка. К вечеру, поскольку никто за ней так и не пришел, я велел Андресу приготовить ей постель в комнате рядом с моей, и когда девочка заснула, вернулся к себе и позвал Андреса.

— Много ли землян в замке? — спросил я.

— Человек десять, может, пятнадцать. Но это не космическая служба, даже у Лоутона не хватило бы наглости на такое. Эти в обычной одежде и ведут себя тихо.

Я кивнул.

— Надеюсь, никто из них не знает меня в лицо. Раздобудь мне что-нибудь из их одежды!

Андрес бледно улыбнулся.

— Останавливать тебя бесполезно. Ладно, я присмотрю за девчушкой. Не надо быть телепатом, чтобы догадаться о твоих намерениях. Я полжизни прожил в вашей семье, так что вопросов у меня больше нет.

В апартаменты Элтонов вело много дверей, и земляне не могли охранять все. В коридорах тоже никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Они высматривали однорукого жителя Дарковера; обычный землянин, засунувший руки в карманы, подозрения не вызвал.

Я помедлил возле двери, ведущей к Хастурам; мне хотелось посоветоваться со старым Регентом; но, с сожалением вздохнув, я прошел мимо. Узнай он о моем плане, непременно воспротивился бы. Нет, лучше не испытывать судьбу.

Каллину я нашел в ее комнатах; она сидела возле арфы Линнел, уронив голову на руки; мне показалось даже, что она плачет, но потом, заподозрив неладное, я схватил ее за плечо и резко повернул лицом к себе.

Она была словно каменная и не повиновалась, глаза ее были пусты, мертвы, они глядели на меня, не узнавая.

— Каллина! — крикнул я, но она словно не слышала. Я с трудом поднял ее на ноги. Она смотрела куда-то вбок остановившимся, безжизненным, заледенелым взглядом. — Каллина, очнись! — снова закричал я и сильно встряхнул ее. Однако мне пришлось опустить девушку в кресло и отхлестать по щекам, прежде чем в ее взоре блеснула слабая искорка и она, очнувшись, вдруг подняла голову.

— Что ты делаешь? Отпусти меня!

— Каллина, ты была в каком-то трансе...

— Вовсе нет! Нет! — Она вдруг бросилась ко мне, прижалась всем телом, словно ища защиты. — Это Ашара! — и потом: — Отошли... ее... отошли!— Но слова эти ничего мне не говорили. Понемногу она успокоилась. И тихо сказала: — Извини, Лью. Я была немного не в себе.

— Но кто ты сейчас? — пораженный, воскликнул я. — Каллина? Дио? Или Ашара?

Она грустно улыбнулась.

— Если не знаешь ты, то кто же может знать?

На нежности времени не было.

— Надо действовать нынче ночью, Каллина. Пока земляне считают, что я еще слишком слаб и болен. А где Кэти?

— Она — как призрак Линнел! — Лицо Каллины исказила судорога.

Мне и самому было это неприятно, но я промолчал. Каллина, вздохнув, спросила:

— Мне что, пойти за ней?

— Я сам схожу, — ответил я.

Вскоре я нашел ту комнату, где мы поместили Кэти. Девушка лежала на постели почти голая и рассматривала узоры на потолке. Услышав мои шаги, она судорожным движением завернулась в простыню и, дико глянув на меня, завизжала:

— Убирайтесь вон! А-а-а, это опять вы!

— Кэти, я ничего не собираюсь делать с вами. Я хотел только попросить вас одеться и последовать за мной. Вы умеете ездить верхом?

— Умею. А что? — Она помолчала. — Кажется, я догадываюсь... Со мной произошло нечто странное, когда Линнел погибла...

Я не стал обсуждать это. Подошел к панели, закрывавшей шкаф, порылся в нем и вытащил какие-то вещи. И задохнулся от пронзительной боли: одежда пахла духами Линнел. Но делать было нечего. Я бросил все Кэти на кровать.

— Пожалуйста, оденьтесь.

Сам я уселся в кресло напротив и стал ждать, но ее сердитый взгляд заставил меня вспомнить о некоторых табу землян. Я вспыхнул и встал. И как это земные женщины умудряются вести себя столь вызывающе на людях и быть такими скромницами дома!

— Извините, — сказал я. — Я совсем забыл. Позовите меня, когда оденетесь.

Странный звук заставил меня обернуться. Она в полной безнадежности рассматривала одежду.

— Я и понятия не имею, как это надевать!

— После того, что вы подумали обо мне, — отве-

тил я, — у меня нет ни малейшего желания вам помогать!

Теперь покраснела она.

— И вообще, как это можно — ездить верхом в юбке?

— Ад Зандру! — взорвался я. — А в чем же еще?

— Да я с детства езжу верхом, но никогда даже не пыталась сесть на лошадь в юбке. И теперь не собираюсь! Если хотите, чтоб я ехала с вами, достаньте мне приличную одежду!

— Это вполне приличная одежда.

— Черт возьми, тогда дайте мне неприличную! — заорала она.

Я не выдержал и рассмеялся.

— Ладно, Кэти, я посмотрю.

К счастью, я знал, где разместилась Дио. И по пути меня никто не остановил. Я раздвинул занавеси у входа и заглянул внутрь. Дио задремала, но тут же села на постели, сонно моргая.

Я объяснил, что мне нужно. Она захихикала, а потом и вовсе развеселилась.

— Знаю-знаю, это вовсе не смешно, Лью, я просто не могу остановиться! Ладно. Ничего, вот это, кажется, Кэти подойдет.

— И еще, дорогая, постарайся найти Реджиса. Хорошо? Скажи ему: пусть незаметно выберется наружу и найдет для нас лошадей.

Вспомнив еще кое-что, я снова вернулся к себе и отыскал пистолет Рейфа. В магазине еще оставались патроны. Мне по-прежнему неприятно было это оружие трусов — но сегодня ночью, возможно, придется драться с людьми без чести и совести.

Когда я вернулся в комнату Кэти, там были Дио и Каллина, а земная девушка нарядилась в безрукавку и облегающие бриджи Дио — та всегда одевалась так, выезжая на верховые прогулки на Вэйнуоле. Каллина, одетая более пристойно, смотрела на Кэти с некоторым неодобрением.

— Отлично. Но как бы нам выбраться наружу?

Я рассмеялся. Я ведь недаром был сыном Кеннарда Элтона. Тысячи лет назад именно Элтоны проектировали и строили этот замок, и их знания передавались из поколения в поколение, от отца к сыну.

— Разве ты не знаешь собственных апартаментов, Каллина?

В ее гостиной я встал на середину узора, выбитого в каменном полу. Женщин я предупредил, чтобы пока держались подальше, потом, нахмурившись, припомнил, что рассказывал мне отец об этом проходе. Правда, он никогда не пытался научить меня пользоваться им, да и кода матричного замка я не знал. Я попробовал две-три обычные комбинации, но замок не отреагировал, тогда я повернулся к Каллине:

— Можешь открыть матричный замок четвертого уровня?

Каллина мрачно сосредоточилась, и через минуту часть пола исчезла, открыв уходящие куда-то вниз пыльные ступени.

— Держитесь ближе ко мне, — предупредил я, спускаясь первым. — Путь незнакомый.

Освещенный квадрат позади меня вдруг повернулся, люк закрылся, и мы оказались в полном мраке.

— Мой далекий предок все-таки должен был предусмотреть здесь хоть какое-нибудь освещение! Темно, как в кармане Зандру!

Каллина подняла руку — и кончики ее пальцев начали светиться. Свет струился легчайшими искорками изо всех ее тоненьких пальчиков. «Не прикасайтесь ко мне!» — тихо предупредила она. Проход был длинный и темный, со множеством крутых ступеней, плохо различимых в столь призрачном свете. Один раз Кэти поскользнулась на какой-то странно гладкой поверхности и пролетела несколько ступеней вниз, прежде чем я успел ее поймать; дважды моя вытянутая вперед рука натыкалась на отвратительно липкую невидимую паутину. Перил не предусматривалось, так что порой трудно было сохранять равновесие. Но Каллина уверенно шла вперед, ни разу не споткнувшись, как будто путешествовала здесь тысячу раз.

Мы спускались все ниже и ниже. Наконец перед нами распахнулась дверь, и мы оказались на улице, освещенной лишь далекими огнями Тендары и четырьмя лунами в небесах. Я огляделся. Мы находились в самой окраинной, запущенной части города, где земляне, видимо, появлялись крайне редко. Чуть дальше по темной улице стояла кузня, где ковали лошадей, чинили оружие и инструменты; здесь меня должен был встретить Реджис — если получил мое сообщение.

Он оказался на месте. Ждал в тени, держа наготове несколько лошадей.

— Лью, возьмешь меня с собой? А женщин лучше оставить здесь.

— Нам непременно нужна Кэти. И кто-то из нас двоих должен оставаться здесь, Реджис. Это наш единственный шанс. Если мы не сумеем его использовать, тебе придется соглашаться на любые условия. Мне кажется, в крайнем случае ты можешь положиться на Лоутона.

Мы ехали по улицам Тендары, пока не выбрались из города. Дорогой миновали несколько покинутых ферм; потом они стали попадаться все реже, и наконец вокруг стало совсем пустынно. Никто теперь не ездил по этой дороге, получившей название Запретной; радиоактивность после Веков Опустошения до сих пор держалась здесь на высоком уровне. Сама дорога ныне стала уже почти безопасной, но страх оставался; слишком многие погибли в этих местах, потеряв все зубы и волосы, превратив свою кровь в студень.

Мы объехали старый космодром, где по-прежнему стояли допотопные космические корабли. Их огромные туши все еще слабо светились, испуская смертоносное радиоактивное излучение. Запретная Дорога шла по глубокому каньону, прорытому природой от самой высокой вершины Хеллерса вниз, до Моря Дейлрета — за тысячу миль отсюда. Достаточно широкая, чтобы уместилась шестерка лошадей, и проходящая как бы на дне канала глубиной добрых тридцать футов, Запретная Дорога пересекала весь континент. Казалось, будто некое божество в самом начале времен процарапало здесь еще не остывшую поверхность

земли своим гигантским ногтем, насквозь прорезав горы, холмы и равнины.

Согласно легенде, давным-давно Запретная Дорога служила тропой, по которой ходили боги, когда они стремились наполнить ужасом наши земли; тогда-то и родились сыны Комина, получившие в наследство свои странные Дары.

Две луны уже зашли, оставив на горизонте лишь слабый бледный отсвет, когда мы, свернув с Дороги, увидели впереди белые, неясные, сверкающие очертания Ру-Феада, поднимающегося над светлыми берегами озера Хали. Мы придержали лошадей. Над берегом озера, клубясь, поднимался туман. У воды виднелась полоска редкой травы, а дальше — галечный пляж до самых скал. Я поднял камешек и бросил его в волны тумана; он долго и беззвучно тонул в них. Кэти не могла отвести от озера глаз.

— Это вода или нет?

Я покачал головой. Ни одно живое существо, не считая нескольких членов Комина, никогда не ступало на берега Хали.

— Мне кажется, что я здесь уже бывала... — в замешательстве произнесла она.

— Нет. Просто у тебя в мозгу проплывают некоторые из моих воспоминаний, вот и все. — Я неуклюже похлопал ее по руке, точно это была Линнел. — Не бойся.

Две белые колонны вдруг поднялись перед нами; между ними радугой повис блестящий разноцветный туман. Я нахмурился.

— Это очень опасное место для тебя. Даже несмотря на установленные мной телепатические барьеры, тебе здесь может быть туго... Мне придется еще раз поступить с тобой так, как тогда: полностью подчинить твой мозг. Ради его защиты.

Она содрогнулась, но я настаивал:

— Я вынужден это сделать. Туман этот — силовое поле, настроенное на биополе Комина. Нам оно повредить не может, но тебя просто убьет.

Однако она все же попыталась закрыться от меня барьером. Впрочем, мне было нетрудно преодолеть его: я как всегда не испытывал затруднений, подавляя сопротивление уроженца чужого мира. И мы проплыли сквозь сверкающую, слепящую радугу, закрыв глаза. Выбравшись из разноцветного тумана, я тут же освободил Кэти от своей защиты.

Впереди возвышался Ру-Феад, туманный и холодный. Перед нами открывались двери и длинные коридоры, наполненные ледяными полосами тумана. Кэти вдруг свернула в один из боковых проходов и уверенно пошла вперед в неясном, тусклом свете.

— Лью! Я вижу дорогу! Но откуда я знаю, куда идти?

За поворотом коридора перед нами открылось просторное помещение со стенами из белого камня и с алыми занавесями. На возвышении, вделанном в дальнюю от нас стену и окутанном какой-то переливающейся паутиной, стоял синий хрустальный сундук. Я попытался приблизиться к нему...

И не смог сделать ни шагу. Это был внутренний барьер; тот самый, который не может преодолеть никто из членов Комина. Я уперся в невидимую стену; Каллина, заинтригованная, попыталась «нажать» на стену и с изумлением ощутила под своими ладонями непреодолимую преграду.

— Вы все еще держите мой мозг под контролем? — спросила Кэти.

— В очень незначительной степени.

— Тогда освободите его совсем. Именно ваше присутствие и мешает мне пройти.

Я кивнул и полностью прервал телепатический контакт. Кэти улыбнулась; сейчас она была совсем не похожа на Линнел. Потом повернулась и пошла вперед, прямо сквозь невидимый барьер.

Она исчезла в синеве некоего темнеющего впереди облака. Блеснуло пламя; я хотел крикнуть ей, чтоб не боялась, что это только иллюзия. Но голос мой был бессилен здесь. Неясный силуэт Кэти мелькнул в тумане, и она скрылась из виду; пламя словно поглотило ее. Затем там, у возвышения, вспыхнул чудовищно яркий свет, озаривший весь зал до самого потолка, раздался удар грома, от которого содрогнулся пол. И Кэти выскочила из тумана к нам, сжимая в руках меч в ножнах.

Глава XIV

Итак, меч Алдонеса в конце концов оказался настоящим мечом; длинное, сверкающее, смертоносное лезвие, превосходно закаленное, — мой собственный меч рядом с ним выглядел просто игрушечной сабелькой. А на его рукояти, прекрасно видимые сквозь изоляционную ткань, сверкали синие самоцветы.

Он мог бы показаться точным дубликатом меча Шарры, но тот ныне выглядел как плохая подделка.

Он вовсе не был бутафорией, всего лишь тайником для хранения матрицы; скорее он был ею. Он как будто обладал собственной жизнью. Мощный силовой поток, отнюдь не неприятный, восходил от него по моей руке. Я крепче сжал рукоять и слегка потянул клинок из ножен...

— Не надо, — немедленно предупредила Каллина, схватив меня за руку. Я секунду сопротивлялся; потом вложил меч обратно в ножны.

— Ну, вот и все, — хрипло произнес я.— Теперь скорей отсюда.

Когда мы вышли на берег, над озером уже занималась заря. Капли росы, точно слезы, поблескивали на стали. Кэти вдруг испуганно вскрикнула: перед нами выросло трое мужчин.

Нет, мужчин было двое. И еще женщина. Кадарин, Дайан, а между ними, тонкая и подвижная, как черное пламя, стояла и улыбалась Тайра Скотт. Насмешливая ее улыбка таила вызов. Ну, смелее, вперед, словно говорила она. Я достал кинжал. Тайра держалась неподвижно, и ее открытое горло нетрудно было бы поразить сталью.

Но рука моя дрогнула, кинжал выпал из пальцев.

— Прочь с дороги, ведьма!

— Что ты сделал с моей дочерью? — в голосе ее звучал металл.

— Во-первых, это моя дочь! — ответил я. — Она в

полной безопасности. А во-вторых, к тебе она не вернется.

Дайан сделал было шаг вперед, но Кадарин удержал его:

— Подожди!

— Мы можем договориться, — сказала Тайра. — Отдай мне то, что держит Хранительница, и вы свободно уйдете отсюда.

— Мы и так уйдем, — ответил я.

Кадарин обнажил меч. Можно было и раньше догадаться: тот самый, где была скрыта матрица Шарры.

— Может, все же отдашь? — тихо спросил он. — Лучше бы тебе отдать. Я собирался тебя убить в честном бою, но сейчас ты мне не противник. — И он окинул меня презрительным взглядом.

— Надо полагать, твои головорезы, как всегда, сидят в засаде, чтобы соотношение было по крайней мере двадцать на одного, так?

Кадарин кивнул.

— Они тебя и пальцем не тронут. Ты принадлежишь только мне! Но женщины...

— Пошел к черту! — рявкнул я, обнажив меч. И первым бросился на него. Прикосновение к рукояти меча влило в меня столь мощный поток энергии, что кровь застучала в висках. Я чуть не потерял сознание. Кадарин отбил мой выпад мечом Шарры. И когда клинки соприкоснулись...

Из меча Алдонеса вылетело синее пламя! Словно живое существо, он вырвался из моей руки и со звоном упал на землю, весь от рукояти до кончика клинка исходя синими искрами. Теперь оба могущественных меча, скрещенные, лежали на земле. Кадарин едва стоял на ногах, его шатало.

Я держался. Но оба мы так и не решались приблизиться к упавшим клинкам.

Тут Кэти прыгнула вперед и схватила оба меча сразу — по одному в каждую руку. Для нее, видимо, это были самые обычные мечи. Синее пламя погасло.

— Это вам не поможет, — заявил Кадарин и мрачно добавил: — Не будь идиотом, никому твои жертвы не нужны. Отдай матрицу Шарры и уходи. Мы, вероятно, не сможем прикоснуться к мечу Алдонеса. Но уж забрать меч Шарры мы точно сумеем. Убей, если хочешь, меня, Дайана, Тайру — но со всеми тебе не справиться!

Да, конечно, выбора не оставалось. Надо было защитить женщин.

— Отдай ему тот меч, Кэти, — сказал я. — Пока что схватка закончилась вничью. Настоящий бой будет позже.

— Отдать? Прямо сейчас?

— Герой из меня не получится, — зло сказал я. — Кроме того, ты никогда не видела его головорезов. — Я взял у нее матрицу Шарры. Дайан тут же рванулся вперед, но Кадарин оттолкнул его локтем:

— Да не лезь, сам возьму!

Хорошо, что нам пришлось иметь дело с самим Кадарином. С ним всегда был бой не на жизнь, а на смерть, но бой честный.

— Теперь мы уйдем, — сказал я. — Надеюсь, ты сдержишь свое слово?

Но тут вперед стремительно бросилась Тайра. В руке ее сверкнул нож. Я не успел увернуться: лезвие вонзилось мне в бок.

Тогда я ударил ее — прямо в лицо — и тяжело осел на землю, зажимая зияющую рану. Между пальцами потекла кровь. Я сквозь туман слышал, как Кадарин что-то злобно орал Тайре и с неистовой силой тряс ее. Потом он швырнул ее на землю. Еще бы! Она нарушила данное им слово!

Я потерял сознание.

Рядом что-то грохотало. Я очнулся. В ушах стоял дикий рев. Голова моя лежала на коленях у Кэти.

— Лежи тихо. Мы едем в Тендару в реактивной машине. — Не давай ему подняться, Кэти.

Я дотянулся до руки Каллины, но почему-то почувствовал ответное прикосновение холодных, острых когтей Ашары. Ледяные серые глаза встретили мой взгляд. Тут я окончательно пришел в себя: Марджа! Я постарался восстановить контакт с нею, но там, где я оставил девочку, ее больше не было!..

Я куда-то шел...

Чья-то рука поддерживала меня за плечи. Потом голос Кадарина произнес:

— Полегче, полегче... Он может идти сам. Это же просто царапина, нож скользнул вдоль ребер.

Перед глазами плыл туман. Потом я услышал еще чей-то голос:

— Господи, помилуй! Входите же и присядьте!

Головокружение внезапно прошло. Туман рассеялся. Мы находились в штаб-квартире космической службы землян. Из окна открывалась широкая панорама космопорта; прямо перед собой я увидел покрытый стеклом стол, возле которого стоял Дэн Лоутон. Он смотрел на меня удивленно и озабоченно. Кадарин все еще поддерживал меня за плечи. Я оттолкнул его. Потом откуда-то появился Реджис Хастур. Он подошел ко мне, крепко обнял и усадил в кресло. И тут увидел Кадарина.

— Кто вы такой, черт возьми?

Кадарин слегка поклонился.

— Роберт Рэймонд Кадарин, к вашим услугам. А вы?

Позади нас вдруг отворилась дверь, и Кэти сказала озадаченно:

— Да, но это же... ой, привет, Дэн!

Легат помотал головой:

— Еще минута, и я начну сходить с ума! Привет, Кэти. Это действительно ты?

Кэти с сомнением посмотрела на меня:

— Можно ему рассказать?

— Погоди, погоди! Всему свой черед. У меня и так голова перестает варить, а ты мне еще хочешь добавить... Кадарин! Давненько я охочусь за вами! Вы ведь понимаете, что нарушили границу?

— Я требую права неприкосновенности! — хрипло заявил Кадарин. — Лью Элтон мог погибнуть у озера Хали. Я всего лишь охранял его. Его жизнь, в сущности, принадлежит мне, и я мог ею распоряжаться по своему усмотрению. Однако я привез его сюда, хотя мог бы спокойно оставаться там, где был, и позволить ему умереть. Я требую неприкосновенности.

Лоутон крякнул. Но Кадарин действительно имел полное право требовать неприкосновенности.

— Хорошо, — наконец выговорил Лоутон. — Только никаких телепатических штучек!

Кадарин горько улыбнулся:

— Я ни на что сейчас не способен. Дайан сбежал, прихватив матрицу Шарры. Без нее я столь же беспомощен, как и Лью.

Внезапно в кабинет ворвался Рейф Скотт. Лицо его прямо-таки окаменело от изумления, когда он увидел нас всех вместе — меня, Реджиса, Кадарина и Кэти. Но обратился он к Лоутону:

— Почему вы приказали запереть Тайру внизу?

— Вы что, знаете эту женщину? — резко спросил Лоутон.

— Это его сестра, — ответил Кадарин. Рейф прямо-таки кипел от ярости.

— Черт возьми! — взорвался Лоутон. — Такое впечатление, что все преступники на планете приходятся вам родственниками! Рейф! Она пыталась убить Лью Элтона, вот и все! Когда ее сюда привели, она бесилась и орала, как безумная! Так что я велел врачу вколоть ей седатив и отправил в камеру, чтобы остыла!

Рейф повернулся ко мне:

— Лью, с чего это Тайра вдруг...

Реджис грубо оттолкнул его:

— Оставь его в покое, ты!

Я схватил Реджиса за руку:

— Не стоит затевать еще одну свару. Не надо!

Секунду он вырывался, потом пожал плечами и сел на ручку моего кресла, с ненавистью глядя на Рейфа.

— А разве Каллина не с вами?

— Доктору пришлось и ее уложить. Она чуть не в обмороке. Совсем ослабела. Все время засыпает — буквально на ходу.

Неужели она опять впала в транс?

Я попытался встать:

— Мне надо ее видеть!

— Но ты же совершенно не в состоянии что-либо предпринять, — заметил Реджис.

— А сам ты что здесь делаешь?

За него ответил Лоутон:

— Прошлой ночью я пригласил сюда Регента, и мы с ним беседовали до самого утра.

— Мы дошли до предела, Лью. Комину придется пойти на уступки. Даже дед понимает это. А если Шарра выйдет из-под контроля...

Меч Алдонеса лежал у Лоутона на столе. Кадарин подошел ближе и встал, возвышаясь прямо над ним.

— Это я выпустил Шарру на свободу, — заявил он. — Мой эксперимент закончился неудачей, вот и все. Но этот героический идиот, сидящий перед нами, умудрился еще больше осложнить положение. Это ведь он вывез матрицу Шарры из нашего мира, и за шесть лет его отсутствия все активированные Шаррой зоны полностью вышли из-под контроля. А теперь матрица у Дайана!

Он отвернулся, помолчал, потом продолжил:

— Я был уверен, что Элтон не станет разговаривать со мной. Поэтому я попытался найти кого-нибудь в Комине, кто был бы способен вернуть мне матрицу Шарры. Тогда я мог бы установить контроль за активированными зонами, а затем и уничтожить саму матрицу. И вот, после всех усилий... — Его плечи безнадежно опустились. — Я попал из огня да в полымя, пытаясь договориться с Дайаном Ардисом!

— Значит, это он убил Мариуса, чтоб заполучить матрицу?

— По всей вероятности, да. Не уверен, но, к сожалению, я не проявил большого ума, выбирая себе союзника. А это, — он указал на меч Алдонеса, — наш последний шанс. С его помощью мы можем уничтожить Шарру. Уничтожить окончательно. Но это означает, что все, кто настроен на код матрицы Шарры, должны тогда погибнуть...

— Я пока что оставлю меч у себя, — сказал Лоутон.

Кадарин рассмеялся резким, хриплым смехом.

— Лучше и не пытайтесь! После того, как он соприкоснулся с матрицей Шарры, даже я... — Он потянулся к мечу, но едва пальцы его коснулись рукояти, Кадарин с воплем отскочил назад. Он тряс рукой, будто обжегся. Потом посмотрел на Рейфа и предложил:

— Теперь попробуй ты.

— Ни за что! — Рейф даже от стола отошел.

Лоутон был вовсе не трус. Он протянул руку, взял меч и тут же в облаке синих искр отлетел в дальний угол, ударился о стену, упал, потом вскочил, потирая голову и явно с трудом соображая:

— Господи ты боже мой!

— Теперь моя очередь, — сказал я и нагнулся к мечу, упавшему на пол. Я сумел поднять его до уровня стола, но в итоге, весь дрожа, все-таки выронил. — Я могу до него дотронуться, — произнес я, ощущая во всем теле горячие покалывания. — Но мне его не удержать.

— Этого никто не может, — сказал Реджис. — Но я все же пока сохраню его у себя. — Он легко поднял меч и засунул себе за пояс. — Я все-таки Хастур!

Значит, Дар Хастуров — это, по сути дела, живая матрица!

Реджис кивнул. Матрица наконец попала в нужные руки. Частота волнового излучения мозга и нервной системы одного из Хастуров совпала с ее собственным частотным кодом, и она наконец пришла в равновесие; в таком состоянии ее можно было контролировать. Никто другой, видимо, не мог бы владеть этим мечом, не мог бы даже прикоснуться к нему, не подвергая себя опасности.

А Шарра оказалась всего лишь жалкой, но очень опасной копией этой матрицы.

— Да, — тихо сказал Кадарин. — Я догадывался об этом. Вот почему твоя рука никак не заживала, Лью! Сама по себе рана была вовсе не опасной, но в руке у тебя была эта матрица, а человеческая кровь и плоть ее не воспринимают, отталкивают. Я никогда не прикасался к ней без помощи хотя бы одного телепата...

Внезапно из коридора донесся вопль Тайры.

Кадарин вскочил. Я резко выпрямился. То, что привело Тайру в такое возбуждение и заставило кричать, как сумасшедшую, коснулось и меня. Ка-

кая-то черная пустота, терзающая, рвущая на части...

— Марджа! — я произнес это имя и чуть не зарыдал.

Кадарин резко повернулся ко мне. Никогда в жизни не видел я такого лица, ни раньше, ни потом.

— Быстро! Где она?

— В чем дело? — спросил Лоутон.

Кадарин пошевелил губами, но не произнес ни слова. Потом все же выговорил:

— Матрица у Дайана Ардиса...

— ... и он не осмелится использовать ее в одиночку, — закончил я его мысль. — Он тоже знает, что произошло с моей рукой. Ему нужен еще один телепат, а Марджа — она же из Элтонов...

— Гнусный, грязный предатель... — В голосе Кадарина явственно звучал страх, но не за себя. Я смотрел на него во все глаза. Старая ненависть к нему вдруг ослабела. Реджис повернулся, вытащил из-за пояса меч Алдонеса и вручил его Кэти.

— Пусть побудет у тебя, — сказал он. — У тебя к нему полный иммунитет. Не бойся, ни один житель Дарковера не сможет без риска для собственной жизни отнять у тебя этот меч или причинить тебе какой-нибудь вред.

Он повернулся ко мне. Слов не требовалось, я и так понял, что ему нужно, и протянул пистолет.

— Что это вы... — начал было Лоутон, но Реджис резко перебил его:

— Это частное дело Комина, вам не следует вмешиваться. Каковы бы ни были ваши намерения, помочь вы все равно не сможете. Рейф, идем со мной!

— Болван, что ты стоишь? — хрипло сказал Кадарин. — Это же ради Марджи! Иди с ним!

И они выбежали из комнаты. Пронзительные истерические вопли Тайры продолжали доноситься из коридора. Кадарин стоял неподвижно, словно заставляя себя оставаться на месте; потом вдруг тоже бросился к двери.

— Я тоже пойду! — крикнул он Лоутону через плечо и выскочил вон. Лоутон схватил меня за руку.

— Нет, а вот ты никуда не пойдешь! Будь же наконец благоразумным! Ты и на ногах-то еле стоишь! — Он силой усадил меня обратно в кресло. — Куда это все они? И кто такая Марджа?

Крики Тайры вдруг прекратились, словно кто-то щелкнул выключателем. Воцарилась странная, пугающая тишина. Лоутон выругался и бросился вон из комнаты, оставив меня полулежать в кресле, покрывшегося испариной, яростно проклинающего свою беспомощность, не имеющего сил даже встать. Из коридора доносился шум и чьи-то голоса. Я терялся в догадках. И тут в кабинет ворвалась Дио.

— И они бросили тебя здесь! — гневно воскликнула она. — Что с тобой сделала эта рыжая стерва? Знаешь, они накачали Каллину какой-то гадостью! Ох, Лью, у тебя вся рубашка в крови! — Она опустилась возле меня на колени. Лицо ее стало белым, в тон платью. Громко топая, вернулся Лоутон. Он чуть не лопался от злости.

— Сбежала! Эта ваша Тайра сбежала! Из камеры, окованной сталью! При такой-то охране! Вот что происходит, когда здесь безумствует специалист по матрицам, да еще из Комина! — Тут он наконец заметил Дио, и ярость его еще более возросла: — Я вас знаю! Вы сестра Лерриса. Что вам тут нужно?

— В данный момент, — не менее злобно ответила она, — я пытаюсь понять, насколько серьезно ранен Лью. Потому что всем остальным до этого нет никакого дела!

— Со мной все в порядке, — пробормотал я, сердясь на нее за излишние сочувствие и опеку. Однако я позволил девушке отвести меня вниз, в медицинский кабинет, где маленький толстенький человечек в белом халате ворчал что-то по поводу «этой нецивилизованной планеты», на которой ему приходится терять время на лечение ножевых ран. Он закрыл мне рану пластиковыми накладками, причиняя жуткую боль, затем обработал поле вокруг чем-то вроде ультрафиолетового облучения, заставил меня проглотить какую-то красную липкую гадость, от которой обожгло рот и сразу закружилась голова, но тут же исчезла боль; потом прошло и головокружение, и я вновь обрел способность нормально мыслить.

— Где Каллина Эйлард? — спросил я его.

— Здесь. Спит. Она была почти без сознания и совершенно без сил. Я сделал ей укол гипнала и посадил возле нее сиделку.

— Это случайно не последствия шока?

— Не знаю. — Доктор Форт раскладывал под лампой свои инструменты. — Она видела, как вас ранили, так ведь? У некоторых женщин такая реакция возможна.

Про себя я обругал его болваном. На Дарковере женщины не падают в обморок при виде крови. Чем он тут занимается, если не может поставить простейшего диагноза? Это же типичная картина шока от воздействия матрицы! Если он напичкал Каллину успокоительным, значит, мне ее не разбудить, пока не кончится действие лекарства.

— Может, так оно и лучше, — тихо сказала Дио. — Пока Каллина не проснулась, я расскажу тебе кое-что о ней.

Лоутон между тем запускал в действие весь сложный механизм поиска. Время тянулось медленно; я сидел и ждал. Только однажды он позволил себе проявить мучившее его изумление, безнадежным тоном спросив:

— Черт побери, я так и не могу понять, как эта девчонка Маршалл попала сюда с Самарры. И никак не могу объединить вас всех — в каком вы все-таки родстве: ты, Рейф, Тайра, Кадарин... Братья, сестры, кузены, кузины... А теперь еще эта ваша Тайра куда-то пропала, словно испарилась! Ты что, заколдовал ее?

— И не думал. — На Тайру мне было совершенно наплевать, пусть себе хоть сгниет в камере.

Действие болеутоляющего меж тем кончалось; бок вновь саднило, а душа переполнялась смутным чувством страшной потери. Не хотелось даже думать, откуда это чувство возникло.

Кровавое солнце Дарковера достигло зенита и начало понемногу клониться к закату, когда по-

слышались шаркающие шаги и в кабинет Лоутона ввалились Реджис, Рейф и Кадарин.

Реджис за это время поразительно повзрослел. Кровь на щеке, кровь на рукаве; но более всего изменилось лицо. На нем не осталось и следа былого мальчишества; весь юношеский задор словно выгорел. Теперь передо мной стоял мужчина, да к тому же еще и Хастур. И с горечью смотрел на меня.

— Да ты же ранен! — воскликнул Лоутон с ужасом.

— Не сильно. Рубашка порвана... Я дрался с Дайаном.

— Он мертв? — спросил я.

— Нет, черт бы его побрал!

— Кадарин, — требовательно спросил Лоутон. — Где эта ваша женщина?

На изможденном лице Кадарина явственно отразился страх.

— Тайра? А разве она не здесь? Ад Зандру! Как же мне ей-то сказать?.. — Он закрыл лицо руками. Потом вдруг подошел ко мне. Все остальные словно вообще перестали для него существовать. Он заглянул мне прямо в глаза с такой мольбой и такой настойчивостью, что в моей душе исчезли последние воспоминания о вражде между нами, я словно вернулся в те далекие времена, когда мы были самыми большими друзьями, а не заклятыми врагами.

— Боб, в чем дело? — с трудом шевеля пересохшими губами, спросил я. — Что случилось?

— Это все Дайан, чтоб его Зандру взял! Чтоб его Наоталба покалечила! Он замкнул ее в матрицу, мою маленькую Маргерию! — Голос Кадарина прервался. Эти слова обожгли меня, словно огнем.

Итак, матрица Шарры у Дайана. Марджа еще ребенок, но она из Элтонов. Вот почему я никак не мог обнаружить ее! Вот откуда это ощущение страшной потери!

Но для нее это означает смерть!

Марджори, Мариус, Линнел. А теперь еще и Марджа.

Лоутон больше не требовал объяснений. Он, видимо, понимал наше состояние. Я по-прежнему задавал им какие-то вопросы, словно это еще могло помочь.

— А как Андрес?

— Дайан бросил его, решив, что он мертв, но он, видимо, выкарабкается.

Я почувствовал какое-то странное, жестокое удовлетворение, узнав, что Андрес защищал Марджу до конца.

— А Ашара?

Тут вскочила Дио. Губы ее были решительно сжаты. Мы и забыли, что она в комнате.

— Реджис! Не выпускай их отсюда! Я иду в Башню!

— Зачем? — крикнул я, но она уже исчезла за дверью.

— Во-первых, необходимо захватить Дайана, — мрачно сказал Лоутон. — Если девочка у него...

— Невозможно, — перебил его Кадарин. — Теперь мы не сумеем отнять у него матрицу Шарры! Я достаточно долго владел этой штукой, уж я-то знаю! Дайан смог забрать ее у Мариуса только потому, что не имел ни малейшего понятия, как оградить себя от ее воздействия. Ни один живой человек... — Он вдруг вскочил: — Лоутон! И вы все! Будьте свидетелями! Его жизнь принадлежит мне и только мне! Я и только я должен его убить — в честном поединке или из-за угла, неважно. Его жизнь принадлежит...

— ... мне! — успел крикнуть я. — Марджа — моя дочь! Тот, кто убьет его, будет отвечать своей жизнью!

— Вы оба спятили! — рассердился Лоутон. — Надо сперва поймать его, а уже потом сколько угодно спорить, кому что принадлежит!

Кадарин с безнадежной яростью махнул рукой:

— Но если он выпустит Шарру на свободу, я пропал! Мне уже нельзя будет верить! Я ведь по-прежнему настроен на ее код! Я тогда тоже буду замкнут в этой матрице!

Реджис повернулся ко мне:

— Итак, Лью, значит, остаешься один ты. Ты, правда, был связан с Шаррой, но ты из Комина, тебя нельзя замкнуть в эту матрицу. Если бы нам удалось вместе сфокусировать свою телепатическую энергию, ты бы мог попробовать сам войти в контакт с матрицей Шарры...

— Нет! — воскликнул я. — Нет! Ни за что! — Пусть хоть все подохнут — ни за что больше не стану делать этого! Пусть эта проклятая матрица хоть весь Дарковер превратит в пепел! Что мне теперь остается? Я выхватил у Рейфа из-за пояса пистолет и сбросил предохранитель: — Да я скорее сам себе мозги вышибу!

Реджис точно клещами сжал мое запястье. Некоторое время мы боролись; но у него все-таки было две руки. Неожиданно пистолет выстрелил, и отдача швырнула меня назад. Пуля, к счастью, попала прямо в окно, разбив стекло вдребезги. Реджис вырвал у меня оружие.

— Ты спятил! — сказал он. И перебросил пистолет Рейфу. — Возьми, он ведь твой, не так ли? И спрячь как следует. Что-то он слишком часто тут стал мелькать. Хватит с нас одного сумасшедшего!

Лоутон выругался, отшвыривая ногой осколки стекла.

— Всех вас надо по камерам рассадить! Рейф, позови кого-нибудь, пусть уберут это. И отведи Элтона вниз, к медикам. У него опять мозги набекрень съехали!

Я с трудом поднялся на ноги, но тут же вынужден был ухватиться за спинку кресла.

— Я арестован?

— Да что ты, нет! Просто никуда тебе идти нельзя. Ты же вот-вот в обморок грохнешься! Сам подумай! Ступай-ка лучше к медикам. Мы тебя позовем, когда будет нужно.

Гнев и ярость вдруг улеглись. Я чувствовал себя совершенно опустошенным и каким-то отупевшим. Кадарин встал и подошел ко мне:

— Мир, Лью! — тихо сказал он. — Марджа была и моей дочерью тоже. Сейчас мы не в состоянии ничего предпринять. Ты совершенно выдохся. Может, позже удастся придумать, как мне выйти из контакта с этой дьявольской матрицей, пока Дайан

не сжег нас всех к чертовой матери. — Его глаза встретились с моими. Ненависти в них не было ни капли. В себе я ненависти тоже не чувствовал. Вся перегорела. Я пошатнулся и не стал вырываться, когда он поддержал меня.

— Хорошо, — сказал я. — Мир.

Потом именно Кадарин отвел меня вниз, в больничное крыло. В палате я сел на койку, не ощущая никаких эмоций. Полнейшее отупение овладело мною. Все телепатические барьеры исчезли. Я наклонился и стал стягивать сапоги.

— Тебе помочь?

Вместо ответа я спросил его напрямик:

— Ты считаешь, что Дайан выпустит Шарру на свободу?

— Черт меня побери — попробует непременно!

Все это казалось совершенно нереальным. Последние шесть лет я только и думал о том, как наконец убью Кадарина. Я тысячи раз представлял себе это. И вот теперь мы сидим и мирно беседуем. Спокойно и рассудительно. Это было не слишком приятно, но все же почему-то казалось довольно разумным. Видимо, мы прибегли к способу землян — находить общий язык.

— Тебе ничего не нужно?

— Нет, спасибо, — ответил я неохотно.

Потом посмотрел ему прямо в глаза. Я знал, что он не станет лгать, если речь зайдет о Марджори.

— Боб, это по твоему приказу Марджори сгорела в пламени Шарры — тогда... давно? Может, ты пытался таким способом отомстить мне? Когда понял... — я с трудом проглотил комок в горле, — что это убьет ее?

— Да зачем мне было делать это? Неужели ради мести тебе? — Он был так искренне возмущен, что я уже не сомневался ни в чем; хотя этот вопрос огнем жег меня последние шесть лет.

— Лью, я изучил Шарру, как никто из людей. Она ни для кого не представляла опасности, пока я ее контролировал — ни для Марджори, ни для Тайры. Ты же знаешь, я любил Тайру. И она никак не пострадала от матрицы. — В глазах его была горечь. — На всей планете не найдется и десятка людей, кто сумел бы обеспечить столь полную безопасность своей жене. Но я сделал это для Тайры. А Марджори...

На его мрачном лице было написано сейчас такое отчаяние, что мне стало почти жаль его; сам он тоже практически снял все барьеры, и я, будучи телепатом, ощущал всю силу его горя и вины. Он никогда не сможет от этого освободиться.

— Марджори... Она же была совсем ребенком, так мне казалось. И она никогда ничего мне не говорила! Клянусь, я не знал, что ты ее любишь! Клянусь тебе!

Я повернулся на живот и уткнулся лицом в подушку, не в силах более слушать это. Но Кадарин продолжал говорить, и в голосе его звучала та же боль.

— Она сама пошла туда — и ты знаешь, чем это кончилось. Любая женщина погибла бы! Прямо из объятий любовника — сразу в такое мощное поле! За это я тебя и возненавидел...

В голосе его вдруг появились нотки глубокого сочувствия.

— Мне ведь и в голову не приходило, что ты мог об этом не знать! Черт, ты же сам был совсем мальчишкой! Малые дети, ты да Марджори... А я никогда и не рассказывал тебе ничего особенного о Шарре, не предупреждал... Ад Зандру, и ты еще говоришь о мести!..

Внезапно он успокоился. Успокоился совершенно. Потом ровным голосом четко выговорил:

— Однажды я послал тебе вызов. Я аннулирую его.

Я поднял на него глаза. Да, он поклялся отнять у меня жизнь. Это торжественно взятое на себя обязательство, по законам Дарковера, не имеет обратной силы, пока мы оба живы. Если бы меня убил кто-то другой, по закону именно Кадарин должен был бы выследить и убить моего убийцу. Но законы Дарковера все больше утрачивали смысл. Мы сами становились свидетелями этого процесса. Я не узнал собственного голоса, когда ответил ему:

— Хорошо. Я принимаю твой отказ от поединка.

Мрачно, без улыбок, мы пожали друг другу руки.

— Скажи мне только вот что, — устало проговорил я. — Как получилось, что я стал отцом ребенка Тайры?

На его измученном лице появилось ироничное выражение.

— А я думал, ты и сам все понял. Ты же телепат, Элтон!

Проклятье! Сколько же можно!

А он продолжал ровно:

— Тайра никогда мне этого так и не простила. А я так любил Марджу, что она буквально бесилась от ревности. И отказалась держать девочку там, где я мог бы все время ее видеть. — Лицо его вдруг снова исказилось. — Я убью Тайру! Я поклялся, что не позволю никому использовать Марджу в гнусных играх. Но я не сумел обеспечить ее безопасность. Тайра так долго притворялась, что ненавидит девочку... О, боги! Великие боги! Я сам уничтожаю все, что люблю! — Я вздрогнул, такое отчаяние прозвучало в этом крике. А Кадарин внезапно повернулся, вскочил и бросился вон, с такой силой захлопнув за собой дверь, что задрожали стены.

Глава XV

Вероятно, я заснул.

А когда открыл глаза, рядом со мной в пустой комнатке стояла на коленях Каллина. Глаза ее были полны слез; она держала меня за руку, но не говорила ни слова. Я хотел обнять ее, прижать к себе, но сказанное Кадарином все еще сдерживало меня, наполняя ужасом. Ради ее жизни я не осмеливался к ней прикоснуться.

Теперь нам будет гораздо труднее, чем раньше. Я чувствовал, не знаю уж как, что у Каллины больше нет сил сопротивляться. В ней более не ощущалось той холодной гордости и уверенности в правоте своих поступков, что была прежде.

— Все наши усилия оказались бессмысленными, Каллина, — сказал я. — Мариус и Линнел погибли, а Комин получил возможность играть нашими жизнями по собственному усмотрению. И что же осталось нам?

— Возможно, что-то еще удастся спасти. Дарковер...

— К черту Дарковер! Пусть земляне забирают эту проклятую планету себе! Целиком!

Каллина нежно провела рукой по моим глазам, и я увидел, как при вспышке молнии, то ужасное лицо, что уже однажды являлось мне. Оно, впрочем, тут же исчезло; и появилось лицо Дайана, затем Кадарина.

— Меч Алдонеса может уничтожить матрицу Шарры, — сказала Каллина. — Кадарин пытался помочь... и вдруг исчез! Просто исчез. Был — и нет! Как Тайра.

Это означало только одно: матрица Шарры на свободе! Я смотрел на Каллину с безнадежной тоской.

— Я уже пытался взять меч, но не мог даже прикоснуться к нему. Реджис может, но в одиночку ему тоже не справиться. Никому не по силам в одиночку пользоваться мечом Алдонеса.

Ее пальцы кольцом сомкнулись вокруг запястья моей здоровой руки.

— Ашара сказала, что для концентрации телепатической энергии ты мог бы использовать меня...

Я только головой покачал. Не мог я ее использовать. Тогда пришлось бы попросту разорвать нас обоих на части и потом создать из этих частей нечто единое — новый могучий мозг. Мне-то уже доводилось испытать такое, наверное, я мог это вынести и еще раз. Но Каллина!

Голос ее звучал мягко, но решительно:

— Но это... это же будешь делать ты! И я сама этого хочу!

Ее мужество заставило меня устыдиться собственных сомнений. Я не мог допустить, чтобы женщина оказалась смелее и решительнее меня. Я нежно сжал руку Каллины.

— Хорошо, девочка, давай попробуем. Но прежде подумай хорошенько! Я хочу, чтоб ты полностью была в себе уверена.

— Я вполне в себе уверена, — ответила она.

Странно было видеть ее здесь; прелестная Каллина, сама красота и тайна, истинная коминара, точно явившаяся из далекого мира звезд, — и здесь, в этой жалкой комнатке с белыми стенами и смятой постелью, на которой я спал...

Она нервно рассмеялась; рука ее в моей ладони была странно холодной и хрупкой. Физический контакт способен обнажить многие мысли человека. Мне хотелось обнять ее, узнать, что у нее на уме, но я не осмеливался. Я уже знал по опыту с Дио, как подобный контакт уничтожает любые защитные барьеры, и в итоге отказался от этой затеи. Я ощущал какое-то странное смущение; мне не хотелось вторгаться в мысли Каллины, когда мои собственные мысли были заняты другой женщиной.

Тогда попыталась Каллина...

Ее первая попытка вступить в контакт была неуверенной и очень болезненной. Меня словно огнем обожгло. Я изо всех сил сдерживался, чтобы не отшвырнуть ее. Когда мне удалось полностью овладеть собой, я, заставляя себя терпеть, сам стал снимать барьер за барьером по мере ее проникновения в мой мозг. Как же она стала Хранительницей, если так неуклюже ведет телепатическую связь? Впрочем, связь уже была установлена и постепенно крепла, хотя Каллина еще не сделала последнего завершающего усилия, а сам я не осмеливался помочь ей в этом.

Мы были на грани полного телепатического слияния, и я весь замер в почти непереносимом, напряженном ожидании того, когда это наконец произойдет, даже если мы оба погибнем. Энергия всегда направлена к более слабому полюсу. И я, сам избравший для себя пассивную роль, теперь был переполнен этой энергией до предела. Я уже не видел и не слышал Каллину. Попытайся я хоть как-то прекратить эту пытку, я бы сжег нас обоих дотла. И теперь я просто вынужден был продолжать наш рискованный эксперимент.

Потом вдруг я почувствовал новый телепатический удар...

Реджис!

Это было абсолютно невозможно! И тем не менее на какое-то мгновение мы, все трое, слились в немыслимом тройном телепатическом контакте! Нагрузка была чудовищная, она в клочья разносила защитные барьеры, причиняя такую ужасную боль, что невозможно представить.

Пытаясь сохранить последние крохи рассудка, я первым нарушил связь. Мы снова существовали по отдельности. И тут, когда я уже терял сознание, рядом, наяву, вдруг возник Реджис и успел подхватить меня.

— Черт возьми, обмороки у меня, кажется, становятся привычкой, — заметил я. Меня била дрожь. Я снова лежал в постели. Реджис и Каллина с тревогой наблюдали за мной. Реджис удержал меня, когда я попытался сесть.

— Ты же взял на себя самую тяжелую работу, — сказал он. — Что тут произошло?

— Не имею ни малейшего представления, — сообщил я.

— Как, ты разве не знаешь? Интересно, а как же в таком случае сюда попал я?

Он судорожно сглотнул и повернулся к Каллине. Хотя мы только что пребывали в глубоком телепатическом контакте, связь была уже разрушена, и я более ничего об их мыслях не знал. И все равно это было поистине удивительно! Трое! Даже Элтоны могли вступать в телепатическую связь только вдвоем, да и то с огромным риском! А тут — трое!

— Что с нами произошло? — спросил Реджис. — Я только помню, что у меня внутри словно что-то взорвалось — и я вдруг решил, что ты умер, Лью. И уже ни о чем другом думать не мог— только бы поскорее увидеть тебя или Дио. Я ведь даже не знал, где ты находишься, а всего лишь отчаянно пытался тебя найти. А потом, совершенно неожиданно, я оказался здесь, ты как раз падал с кровати, и я тебя подхватил...

— Мы с Каллиной пытались установить глубокий телепатический контакт...

— С Каллиной?! — Реджис был поражен. Каллина вдруг поднялась на цыпочки и легонько поцеловала его в губы.

— Реджис, — тихо произнесла она, — мы рады твоему появлению. Мы можем теперь установить тройной контакт!

Реджис обнял ее.

— А он разве ничего не понял? Даже теперь?

— Я все время держала защитные барьеры.

Реджис выпустил Каллину и резко обернулся ко мне.

— Так. Теперь ты уже один раз попробовал. Давай еще раз установим тройной контакт и посмотрим, как он проявляется и какую власть может нам дать. Насколько я понимаю, это нечто совершенно новое, небывалое...

Каллина настроилась на меня и легко вступила в контакт; на сей раз она проделала это абсолютно уверенно, и я смотрел на нее с гордостью обладателя. Реджис, весь красный до ушей, растерянно озирался.

— Если вы двое и впредь будете подобным образом думать друг о друге, — вплелась в наше сознание его мысль, — мне лучше выйти из контакта!

Потом телепатическая связь окрепла, но в то же время все личные защитные барьеры остались невредимыми. Мы могли действовать как единое целое на самых глубоких уровнях, однако личность каждого при этом оставалась в неприкосновенности. Да, мы оставались тремя отдельными личностями; лишь при самой первой попытке возникло это ощущение ожога и уничтожения всех барьеров.

Для того чтобы управлять матрицей Шарры, требовались усилия трех телепатов, пусть даже не находящихся в глубинном контакте. А эта телепатическая связь, осуществленная с помощью живой матрицы, меча Алдонеса, была еще более мощным оружием. Реджис как бы стал клинком. Я — той силой, что могла нанести этим клинком удар, а Каллина служила как бы рукоятью меча, той необходимой изоляционной прокладкой, что отделяла «клинок» от могущественной «руки».

Да, была некая определенная символика в том, как все это соединилось в мече Алдонеса. Реджис и я, Хастур и Элтон, клинок и рука — мы никогда не смогли бы соединить силу и власть, не погибнув при этом от нервного истощения — если бы не Каллина, вставшая между нами. Объяснение всему этому выплыло откуда-то из глубин нашего объединенного сознания. Древняя память Комина, вероятно, поскольку осознанным воспоминанием это не было. А Реджис как бы фокусировал теперь нашу общую энергию, став ее источником, матрицей, если угодно, через которую мы смогли получить доступ к энергии и власти Алдонеса через его меч-талисман. Сын Хастура, который был Сыном Света, — сейчас мы были совсем близко к тем, кого наш народ именовал богами.

К тому же меня преследовало неясное ощущение, что мечом управляет некое живое существо.

Я еще помнил демоническое прикосновение Шарры. Здесь же было совсем другое — присутствия Зла не чувствовалось, но меня это пугало, пожалуй, еще больше. Бесконечное Добро может быть не менее ужасным.

Однако физически я был еще очень слаб, и Реджис («Поберегч силы, Лью, они тебе скоро пригодятся!») прервал связь. Мне даже стало почти жаль расставаться с ними: ум одного человека — все-таки слишком одинокое убежище. Но долее выдерживать подобное напряжение было свыше моих сил.

Реджис тронул Каллину за руку:

— Не задерживайся здесь надолго, — сказал он и вышел.

Я боялся, что она тоже покинет меня, однако она не только не ушла, но и по-прежнему оставалась в контакте со мной, и это давало мне ощущение непередаваемого спокойствия. Ее пальцы переплелись с моими; но еще более нежным было прикосновение ее мысли. И я лежал, неподвижно, прижавшись лицом к ее коленям и ощущая знакомую прохладную близость. Эта женщина продолжала волновать меня, открываясь мне все новыми гранями, как драгоценный самоцвет.

Сколько длилась эта пауза, сказать не могу. А потом вдруг мы снова ощутили телепатический удар в результате вторжения Реджиса в наши мысли, и тотчас поняли — по тому, как все смешалось, — что Реджис обнажил меч.

В тот же миг пространство как бы сместилось и вытолкнуло нас обоих на середину огромного двора Замка Комин. Перед нами стоял Реджис, прямой и напряженный, сжимая в руке меч Алдонеса, светившийся синим от рукояти до острия клинка. У меня перехватило дыхание, а Каллина коротко вскрикнула и протянула руку, соединив наши три ладони на рукояти меча, соединив нас ТРОИХ.

Внезапно все мои органы чувств как бы расширились, увеличились, стали сильнее, позволяя мне видеть, слышать, сознавать прежде недоступное; в дальнем конце двора я заметил трепещущее облако черного дыма, из которого вырывались языки странного пламени. Пламя Шарры! Я скорее почувствовал, чем увидел в этом дыму вторую триаду.

Кадарин, Тайра и Дайан Ардис.

Это зрелище привело меня в такое исступление, что я, мгновенно забыв о контакте с Каллиной и Реджисом, бросился на Дайана. Но едва я успел его коснуться, как передо мной взорвалось синее пламя и нас всех швырнуло в разные стороны; теперь перед Реджисом стоял Кадарин, и в руке его сверкал обнаженный меч — матрица Шарры.

На сей раз ничего особенного при соприкосновении мечей не произошло. Я увидел некий сверкающий туман, словно стекавший с меча Алдонеса и радужной оболочкой окутывавший Реджиса. Этот туман аурой светился над головой Каллины, захватывая и меня своим сверканием и светом. И упорно тянулся к сгустку мрака, созданному Шаррой. В самом центре этого дымного облака высились три неясные фигуры — Кадарин, Тайра и Дайан. Они стояли неподвижно и словно вибрировали в такт пульсации пробудившейся матрицы.

Едва мечи скрестились, как в облаке мрака сверкнула первая молния. Нет, это был поединок не Реджиса и Кадарина, размахивавших удивительно похожими мечами. И даже не противостояние двух матриц, способных свернуть пространство. И не три телепата, слившие свои усилия воедино, сражались против трех других телепатов

Нет. Нечто иное, ощутимое, живое, мыслящее управляло всеми нами. Реджис и Кадарин находились лишь на полюсах неведомого источника энергии. Настоящие же силы вели борьбу не в нашем мире, иначе планета давно была бы сорвана со своей орбиты и навсегда исчезла где-нибудь в мрачных глубинах пространства.

Однако отзвуки этой титанической борьбы доносились и сюда. Кадарин, вынужденный отступить, стремительным движением обнажил кинжал, смертельным блеском мелькнувший в его руке; я же был настолько слит с Реджисом, что сперва даже не понял, кого поразил кинжал, его или меня. Только почувствовал острую боль и понял — не увидел, а именно понял, — что меч Алдонеса выпал из ослабевшей руки. Реджис упал на камни двора. Но связь его с нами не прервалась, и пока Кадарин распрямлялся, готовясь к новой атаке, я ринулся вперед, подхватил меч Алдонеса и сделал выпад. Сейчас это был просто меч, обычный клинок, и острие его я вонзил Кадарину прямо в сердце. Он упал без единого звука. Его меч — матрица Шарры — зазвенел о камни. Я вырвал клинок из его груди. Все было кончено.

Сверкающий туман словно свернулся; сгусток мрака пульсировал, исчезая. Телепатические контакты разрушились.

И тут я отпрыгнул назад: Реджис снова был на ногах! Он выхватил у меня меч Алдонеса. На рубашке его расплывалось пятно крови, но, похоже, он вовсе не был ранен, его как будто даже не слишком сильно задело. Тройная связь снова восстановилась. Позади нас стояла Каллина, буквально испепеляя Тайру странным, напряженным взглядом. Тайра тоже была вся напряжена и застыла, не двигаясь. Никто не издал ни звука с того момента, как Каллина вскрикнула, соединив руки на рукояти меча и возвещая о нашем появлении.

В дверном проеме вдруг возникла тоненькая девичья фигурка и, словно по принуждению, стремительно бросилась прямо к Дайану. Кэти! Она остановилась лишь в нескольких дюймах от него, в паническом ужасе пытаясь хоть за что-нибудь уцепиться, удержаться, но он одной рукой обхватил ее за талию, а другой поднял меч Шарры. Кэти вскрикнула. Раньше ее мозг был полностью защищен мною, но сейчас я убрал защитные барьеры; и даже непонимание ею мрачных сил Дарковера не могло служить ей прикрытием. Двойник Линнел — она обладала и возможностями Линнел! Этим и воспользовался Дайан, насильно втиснув ее в тройной контакт, замкнутый на Шарру. Теперь Кэти, Дайан и Тайра как бы объединились...

Меч Алдонеса задрожал, как живой. И тогда Каллина, подняв вверх руку, со всей силой Хранительницы Комина вырвала Тайру из триады Шарры. Хотя это был лишь поверхностный телепатический контакт, далеко не такой глубокий, как наше тройное слияние, я увидел, как над Дайаном сверкнула молния и ударила прямо в него. И голос Каллины зазвенел у меня в мозгу:

«Давай, Лью, давай!»

Отчаянным усилием, в надежде на этот ничтожный шанс, я как бы вбил клин между Дайаном и его послушной марионеткой. Кадарин был настолько глубоко замкнут в Шарру, что выйти из нее не мог. Как бы сильно он ни ненавидел Дайана, они были связаны навеки. Но Тайра вполне могла поддаться на внешнее воздействие. И я послал ей телепатический сигнал, последний, отчаянный:

«Марджа! Марджа погибла! Дайан убил ее!»

И Тайра ринулась вперед, как атакующая змея. Она вырвала у Дайана матрицу Шарры и набросилась на него со всей силой и яростью, со всей сконцентрированной мощью ума, тренированного Кадарином. В свою очередь и я, сконцентрировав всю силу Дара Элтонов и используя Тайру как передатчик — я ведь тоже когда-то был настроен на код Шарры! — обрушил на Дайана мощнейший телепатический удар. И Дайан как бы померк, скорчился и упал на камни двора. Мозг его больше не функционировал. Он был мертв.

Облако черного мрака продолжало пульсировать, как чье-то сердце. И оно притягивало меня к себе! Реджиса и Кэти неведомой силой выбросило из обеих триад, и на мгновение возникла новая: Тайра, заключенная в матрицу Шарры, Каллина в матрице Алдонеса и я — словно одинокий полюс, зажатый между ними в страшной схватке.

Но в нашей триаде контакт был глубже, прочнее. Новая связь порвалась, не успев возникнуть; я освободился от Тайры — и от Шарры. В сверкающих потоках света я и Каллина приблизились друг к другу; Каллина снова оберегала нас с Реджисом, не выпускавшим из рук меча, от прямого контакта друг с другом. Если бы не она, скопившаяся в нас чудовищная энергия тотчас испепелила бы и его, и меня.

Пульсирующий сгусток мрака отлетел назад, словно готовясь к прыжку, к новой атаке; Тайра и мертвый Кадарин исчезли в нем.

Кадарин вдруг поднялся во весь рост!

Он же был мертв! Он же должен был быть мертв! Однако он поднялся — двигаясь конвульсивно, словно под воздействием разрядов тока, или как марионетка, которую неумело дергают за ниточки. Сгусток мрака задрожал, когда три руки вновь соединились на рукояти меча Шарры. В черном дыму заплясали языки пламени, потом появился узкий луч света, в котором виднелось лицо. То самое, что явилось мне в ночь, когда ужас объял Комин, когда погибла Линнел.

Теперь я понял, чье это лицо.

Задолго до Ашары-Хранительницы одна из будущих Хранительниц, женщина из рода Хастуров, рожденная с живой матрицей в теле и в мозгу, сотворила новую матрицу, способную дублировать всю мощь меча Алдонеса. Но две идентичные матрицы не могут существовать в одном времени и пространстве; и Шарра, Хранительница из рода Хастуров, исторгла себя из нашего мира.

Но матрица, не та, живая матрица в ее мозгу, но новая матрица-талисман, упрятанная в меч Шарры, осталась здесь; она давала самой Шарре доступ в этот мир, обеспечивала контакт, с помощью которого ее можно было призвать сюда, если опытный телепат посылал ей соответствующий сигнал. Из-за того, что она обитала в ином мире, ее и называли демоном. Или богиней.

Но однажды Сын Хастура заковал Шарру в цепи. Так гласит легенда, рассказанная нам Ашарой. А сейчас другой Сын Хастура готов был померяться с нею силами, пользуясь телепатической поддержкой двух членов Комина, находившихся с ним в контакте, и мощью меча Алдонеса, который держал в руках. И этот Сын Хастура намеревался вновь вышвырнуть Шарру из нашего мира.

От обеих матриц исходил такой поток энергии, что вокруг нас начинало сворачиваться пространство; под нашими ногами колебалась планета. Кэти первую отшвырнуло туда, откуда мы с Каллиной перенесли ее на Дарковер через взаимосвязанные вселенные. И хотя бы в этом отношении прежнее равновесие было восстановлено.

Теперь только Тайра и Кадарин, всего двое, но слитые воедино и замкнутые на Шарру, держали контакт. И тянули меня к себе! Из-за того, что некогда я был настроен на код этой проклятой матрицы! Я бился и сгибался, как огонь свечи на ветру; меня влекла к себе та ужасная колдовская штука, которую много лет назад я помог призвать обратно в наш мир. Я отчаянно цеплялся за Каллину, чтобы удержаться...

Каллина пошатнулась. Сила Элтонов во мне убывала; я пребывал в замешательстве. А молнии в черной туче продолжали сверкать, и из самого ее центра на нас смотрела страшными глазами Шарра, прекрасная и ужасная одновременно.

А Каллина... Каллины БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО!

Вместо нее я ощущал ледяное прикосновение Ашары, это холодное Ничто, отраженная вечность пространства. И чувствовал, как триада, замкнутая на меч Алдонеса, распадается. Контакт исчезает. А меня все влечет, тащит в разверзшуюся пасть Шарры...

Потом вдруг, в краткий промежуток между двумя вдохами, что-то резко хрустнуло, словно кто-то раздавил хрупкий кристалл, и Каллина опять оказалась рядом со мной. Я вновь ощущал ее силу, ее власть, холодную, свободную и в то же время такую непрочную. Она опять связывала нас с Реджисом и держала контакт! Синее пламя вновь взметнулось ввысь, и наши телепатические усилия, объединившись, слились воедино и образовали Чашу. Чашу Власти, содержавшую Величие и Могущество.

Реджис, казалось, стал выше ростом, как бы соответствуя тому величественному синему ореолу, что окутывал его с головы до ног.

И в этом синем ореоле воссиял живой свет Алдонеса!

Тут матрица Шарры, как белая искра, вспыхнула сквозь сталь меча, в котором была скрыта. И устремилась к потоку сияющего синего света.

Когда-то, как мне представляется, Кадарин полностью овладел могуществом матрицы Шарры. Он покорил, завоевал ее. Его нервная система, тело и мозг — весь он был настроен на ее код. И теперь почти невозможно было провести границу между матрицей и живым человеком. Однако ныне, когда бесконечная ненависть Кадарина ко мне угасла, что-то в нем сломалось, предало его самого и ... матрицу Шарры. Единственное, к чему он теперь стремился, — самоуничтожение. И этим Кадарин разрушил власть Шарры, сделав ее уязвимой.

Две идентичные матрицы не могут существовать в одном времени и пространстве. Однако находясь под контролем разных людей, они не являются полностью идентичными, что позволяет им встречаться, хотя при их столкновении возникают такие стрессовые условия, что матрицы как бы самоуничтожаются, выходя за рамки данного времени и пространства. Матрица Шарры не выдержала этого напряжения первой. Я понял это, когда все слабое и ничтожное во мне потянуло меня на ее сторону и на мгновение я вновь ощутил свое единство с Кадарином и Тайрой. И вся незаурядная сила и мужество Кадарина, вся красота и щедрость грациозной Тайры за мгновение до того, как чуждая сила подавила и растоптала ее, — все это тоже встало на защиту Шарры.

А потом страшное и прекрасное лицо в облаке мрака начало бледнеть, превращаясь в призрачное видение; Кадарин и Тайра, два хрупких существа, отброшенные в разные стороны, вдруг снова оказались в объятиях друг друга. С минуту они стояли так, тесно обнявшись на фоне расползающегося тумана и гаснущих колдовских огней. Потом лицо Шарры исчезло где-то в глубинах мрака, а они словно устремились за нею следом, тоже растворились, исчезли, унеслись куда-то... Куда?...

Алдонес! Бог Поющего Света! Пощади их!

Потом померк и свет Алдонеса. А я, Лью Элтон, стоял на коленях на сырых камнях, обнимая Каллину, а передо мной, весь дрожа, стоял юноша, почти мальчик, с могущественным мечом в руке, и с клинка этого меча как бы стекали последние синие отблески. От Кадарина, Тайры и Кэти не осталось и следа. Дайан лежал мертвый — почерневший труп на опаленных пламенем камнях двора. В руке его был зажат сломанный меч Шарры. Матрица больше не таилась в рукояти этого меча. Сама рукоять почернела от огня, драгоценные камни осыпались на землю. Первые лучи красного солнца, озарившие башни замка, задрожали на гранях этих самоцветов.

Волшебные камни вспыхнули и испарились, подобно ярким каплям росы. Исчезли. Меч Шарры полностью утратил свое могущество — и власть Шарры исчезла из этого мира. Навсегда.

Реджис по-прежнему сжимал в руке меч Алдонеса. Юноша был бледен и весь дрожал, словно от смертного хлада. Потом медленно вложил меч в ножны. От Реджиса исходил мощный поток миролюбия и умиротворения, захватывая и нас. Матрица Шарры превратила Кадарина в чудовище, хотя сам по себе он вовсе не был плохим или слабым человеком. А в кого превратил Реджиса меч Алдонеса?

— Реджис... — Язык не слушался меня, губы словно одеревенели. — Кто ты теперь?

— Хастур, — мрачно ответил он.

Но легенда утверждает, что Шарра была закована в цепи именно сыном Хастура, который был сыном Алдонеса, считавшегося Сыном Света...

Реджис повернулся и медленно пошел прочь. Его лицо в этот миг казалось лицом бога. Высшее

удовлетворение было написано на нем. И немыслимое одиночество. Потом выражение его лица переменилось, и перед нами предстал просто очень печальный юноша, обреченный отныне вечно помнить о кратком миге своего божественного величия, но никогда более не пережить его.

Восходящее солнце коснулось волос Реджиса. Они были абсолютно седые. Снежно-белые.

И он исчез в арке ворот.

А я увидел, что от Башни Хранительницы к нам идет Дио Райднау. Идет очень медленно, словно во сне или в тумане. Теперь, когда все позади... Нет, сейчас не до Дио. Каллина уже поднялась с земли и протянула мне руку.

И впервые я обнял Каллину без всякого страха и прильнул губами к ее губам.

И тотчас желание во мне умерло — я встретил холодный взгляд Ашары. Мог бы и раньше догадаться. Много раньше.

Глава XVI

Это продолжалось всего секунду, и передо мной снова была прежняя Каллина; она плакала и льнула ко мне. Но я уже все понял, я все успел заметить. Руки мои бессильно упали, я в ужасе уставился на нее. Она отвернулась — безутешная, покинутая...

— Шарра, — прошептала она. — Все из-за Шарры... Теперь это уже не нужно... И я могла бы жить дальше...

— Только не с помощью такого же предательства, Ашара! — воскликнула Дио, глядя прямо в лицо волшебнице. — Или твоих старых штучек, от которых погибла Каллина! На этот раз ты проиграла! Потому что Лью — человек, а в Каллине уже почти не оставалось ничего человеческого! Ты проиграла! Проиграла!

Объятый ужасом, буквально сходя с ума, я приблизился к жалкой фигурке, сгорбившейся перед Дио. Кто это? Ашара? Каллина? Я не ведал. Они слились, превратились в единое целое. Рассудок отказывался воспринимать это. Я машинально обнял Каллину, но она в моих объятиях все время менялась: в какой-то миг это была Ашара, потом вдруг снова Каллина... Наконец на лице ее появилось умиротворенное выражение, и она исчезла. Просто исчезла. Я обнимал пустоту; лишь странный шепот замирал в отдалении.

— Дио! — голос мой сорвался, и я бросился к ней в объятия, как обиженный ребенок. — Дио, Дио, я схожу с ума!

В глазах Дио стояли слезы.

— Сколько раз я пыталась объяснить тебе! Ашары давно уже нет, она умерла много поколений назад! Тебе разве не показалось странным, что ее покои в Башне столь огромны? Они вовсе и не в Башне, эта синяя дверь на самом деле — матрица! Это... это выход куда-то еще... Она теперь только... только мысль... Она жила в матрице и когда покидала ее, чтобы занять место в Совете Комина, то делала это в облике одной из Хранительниц. Ее власть была столь безгранична, а они все столь беспомощны перед ней, что на протяжении многих поколений никто не решался бунтовать. Поэтому она и казалась не имеющей возраста. Она родилась в твоем роду, она из Элтонов и способна была устанавливать прочный телепатический контакт не только с мозгом, но со всем телом Хранительницы. Однако силы Ашары таяли, власть ослабевала. В последнее время она уже не могла проецировать собственный облик на свои жертвы; она была способна лишь контролировать их мозг. Но и эту способность она понемногу теряла. Поэтому и была готова все отдать за новый источник энергии и власти...

Дио судорожно вздохнула, но тут же взяла себя в руки.

— Я тоже должна была стать Хранительницей... И я отчасти могу понять, почувствовать, как это страшно — то, чего она хотела. Я упросила Лерриса увезти меня на Вэйнуолл. Почему, как ты думаешь, я так легко отдалась тебе? Потом-то я тебя полюбила, но вначале я просто хотела стать... непригодной для нее. — Руки Дио жгли меня, словно огнем. — И тогда она выбрала Каллину. Но иногда Ашаре все же приходилось покидать ее тело — иначе Каллина не выдержала бы и просто сгорела. И в эти мгновения Каллина сразу становилась самой собой или же впадала в транс. Когда я узнала, что Реджису придется воспользоваться мечом Алдонеса, я отправилась в Башню и разбила один из магических кристаллов. Это на некоторое время остановило Ашару. Я ведь тоже кое-чему в свое время научилась — все тогда считали, что я непременно стану Хранительницей, — так что я знала, как поступить. Но в собственном обличье я этого сделать не могла, потому что... — Щеки ее запылали. — Каллина по крайней мере сохраняла девственность... Каллина пребывала в трансе, к тому же земляне дали ей успокоительного. И тогда я отправилась к Реджису, он воспользовался своим Даром и... и поместил меня в тело Каллины! Это была я, я соединила тебя с Реджисом в последний момент схватки!

— Нет! — выдохнул я. — Нет! Это была Каллина! Каллина...

Дио крепче прижала меня к себе.

— Нет, дорогой мой, нет, Каллина уже не способна была вступить с тобой в контакт. У нее не оставалось ни капли независимости, свободы выбора. Вспомни, Лью: ты ведь никогда не входил со мной в полный телепатический контакт, ты сам обеспечил меня защитным барьером. И я прекрасно сознавала, что если этот барьер будет снят, мы оба окажемся настолько перегружены новыми ощущениями, что ты даже и не поймешь, я это, Каллина или еще кто-то. А потом я снова установила барьер. Понимаешь, милый?

Внезапно она вошла со мной в полный телепатический контакт. И я снова почувствовал знакомые ощущения: умиротворение, покой, тихая радость, тепло...

— Каллина! — выдохнул я.

— Нет. Эта та часть меня, которой ты никогда не знал...

Даже теперь контакт был слишком глубоким, чтобы продолжаться долго.

— Когда-то, Лью, еще до того как ты покинул Дарковер, Каллина была прелестной девушкой,

смелой, доброй и щедрой. Ты сам знаешь. Она готова была рисковать для тебя жизнью. Но настоящая Каллина умерла, когда Ашара взяла ее к себе. Много лет назад. Теперь она была всего лишь тенью самой себя, но какое мужество она проявила, Лью, какое мужество! Бедная девочка! — Дио рыдала, как ребенок. — Лью, она ведь любила тебя. И поэтому в первый раз, в присутствии Ашары, отказалась вступать с тобой в телепатический контакт. Потому что понимала: это даст Ашаре доступ к твоему мозгу, и к твоему телу тоже. Последним усилием воли она спасла тебя — и это было последнее, что она смогла сделать. Для нее это означало смерть, настоящую смерть. Ты думал, Ашара исчезла? Нет! Она всего лишь заслонила собой Каллину. Ты полагаешь, это Каллина так странно вела себя в ночь карнавала? Нет. То была всего лишь...

— Все-все, хватит!

— Я должна сообщить тебе еще одну вещь. — Дио коснулась пальцами все еще заметного синяка на щеке. — Почему, как ты думаешь, я даже не пыталась остановить Дайана? Или предупредить Каллину насчет Дерика? Лью, с их стороны это был отчаянный ход, но если бы он удался, они получили бы все козыри в этой игре. Если бы мужчина — любой мужчина — овладел Каллиной, даже насильно, сразу после того, как Ашара заняла ее тело, это вызвало бы такой хаос и беспорядок, что Ашаре пришлось бы убраться. Это могло означать смерть для Каллины, но все же давало небольшой шанс на ее освобождение. Ашаре просто пришлось бы исчезнуть. Навсегда.

— Хватит! — взмолился я.

— Я пыталась сама спасти Каллину... — Дио вздохнула. — Ох, Лью, неужели ты ничего не понял, когда Каллина пришла к тебе тогда, ночью? Когда она спала в твоих объятиях? Каллина была в трансе, и я... я понимала, что Ашара может изгнать меня из ее тела в любой момент, но я также знала, как ты желал Каллину, и рассчитывала...

— Ох, Дио! — Несмотря на весь этот ужас, я вдруг начал смеяться. Первый шаг на долгом пути к выздоровлению. — Дио, дорогая, любимая, разве ты в ту ночь ни разу не взглянула в зеркало? К тому времени, когда ты добралась до моих апартаментов, ты уже снова была самой собой! И пребывала в своем собственном теле! К тому же Каллина прекрасно знала, что я никогда в жизни... — Я внезапно обнял ее и привлек к себе, покрывая поцелуями ее воздушные волосы и заплаканное лицо. — Любимая, видно, мне придется объяснить тебе тысячи вещей о матрицах и людях, которые с ними работают.

Плача и смеясь одновременно, она подняла на меня глаза.

— Но если это была я сама, значит, Лью... ты любишь меня?

У меня все поплыло перед глазами. Каллина!

В серо-зеленых глазах Дио не осталось и следа былого озорства. Она смотрела на меня с нежностью.

— Я больше не Каллина, — печально сказала она. — Но и не Ашара. Думаю, теперь ты уже исцелился, Лью. Если нет, значит, я тоже проклята!

Я поцеловал ее. Этим поцелуем я как бы навсегда отрешался от прошлого. И давал клятву на будущее. И все же я закрыл глаза, увидев первые лучи восходящего солнца: теперь мне всю жизнь придется таить в душе сомнения и смотреть на солнце несчастными глазами.

И тут тишину зари нарушил шум; во двор ворвались Рейф и Реджис.

— Лью! — хрипло крикнул Рейф. — Скорее! Мы нашли Марджу! Она жива!

Я отпустил Дио. А Реджис, задыхаясь от бега, пояснил:

— Дайан подключил ее к матрице! И матрица ее полностью подчинила. А Дайан спрятал девочку там, где мы никогда не стали бы ее искать. И когда матрица была уничтожена, у Марджи тоже был шок. Правда, еще есть шанс...

Рейф схватил меня за руку:

— У нас тут реактивная машина наготове...

Мы бросились к машине. Рейф взял на себя управление. Реактивные двигатели взревели, и нас резко отбросило назад. Машина со свистом прошла по эстакаде и, набирая скорость, понеслась вперед по дороге, совершенно не приспособленной для подобной земной техники. Лошади и люди в панике шарахались в стороны, когда мы мчались по улицам Тендары.

— Когда она потеряла сознание, — продолжал рассказывать Реджис, стараясь перекричать рев двигателей, — к ней вызвали врача из штаб-квартиры землян, а Лоутон...

Лоутон, думал я, наверное, был вне себя от ярости. Сперва Тайра, потом Кадарин, за ним Каллина... Каллина? Потом и я куда-то исчез. Но теперь о Лоутоне можно не беспокоиться. Мы с ревом ворвались в Зону Терры. Здесь улицы были шире, и полно реактивных машин, которые резко тормозили, когда мы проносились мимо. Вокруг все еще горели неоновые фонари, не погашенные с ночи. Потом мы с тем же ревом вылетели на открытое пространство за городом и через несколько минут со скрежетом затормозили.

На вывеске было написано: «Приют для детей космонавтов».

Рейф забарабанил в дверь. Оттуда выглянула строгая высокая женщина в одежде землян.

— Где Маргерия Кадарин? — требовательно спросил Рейф.

— Капитан Скотт? Откуда вы узнали?.. Ваша племянница очень больна; мы как раз хотели послать за ее опекуном. Где он, вы не знаете?

— Его больше нет, — вмешался я. — Он умер. Девочка просто в телепатическом шоке. Я специалист по матрицам, пропустите меня к ней.

Ее глаза подозрительно сузились, она смотрела на меня явно неодобрительно. Еще бы! Помятая одежда, которую я надел несколько дней назад, собираясь в Ру-Феад, была вся в пятнах крови, небритая физиономия, изуродованная рука...

— Боюсь, я не могу вас пропустить...

— Мисс Тейбор, нельзя ли соблюдать тишину? — послышался еще один женский голос. — Вы же знаете, у нас болен ребенок... — Женщина смолкла, глядя на нас. Из всех четверых только Рейф имел презентабельный вид. — Кто эти люди?

— Я отец Марджи, — сказал я. — Поверьте мне, сейчас дорога каждая секунда! Время уходит, мы теряем шанс... — Тут я вдруг вспомнил об удостоверении, которое получил в день прилета на Дарковер. Сунув руку в карман, я выудил его оттуда: — Вот, это может удостоверить мою личность.

Она бросила беглый взгляд на пластиковую карточку и сказала:

— Хорошо. Идемте.— И пошла вперед, показывая дорогу. — Нам пришлось перевести ее из общей спальни. Другие девочки испугались.

Комнатка была крошечная, чистая, вся залитая солнечным светом. Марджа лежала в кроватке с высокими боковыми стенками. Рядом стоял доктор Форт из штаб-квартиры землян. Когда мы вошли, он обернулся к нам.

— Вы? Вы, кажется, разбираетесь в подобных вещах?

— У нас есть только один шанс, — почти безнадежным тоном сказал я. — Мы трое уже были в контакте с матрицей, почти идентичной матрице Шарры. Когда матрица Шарры распалась, все, кто был настроен на ее код, были выброшены из нашего мира. Все, кроме меня. Меня здесь удержала более мощная сила. Теперь единственная возможность установить контакт с Марджей — воспользоваться нашими общими усилиями. Тело ее все-таки осталось здесь, а это уже немало. Кроме того, я отец этого ребенка, и это еще кое-что. Сама она никогда не найдет дорогу назад... Реджис, сможешь меня удержать здесь, если я отправлюсь на поиски Марджи?

В его глазах на мгновение мелькнул страх, но он не колебался. Дио протянула нам обоим руки, и мы еще раз установили тройной телепатический контакт; и тотчас какая-то часть меня устремилась через пространство и время в бескрайние просторы Вселенной.

— Марджа! — голос мой звучал хрипло, задушенно. — Марджа, милая, проснись!

Девочка потянулась. Ресницы ее дрогнули, и она улыбнулась, сонная, теплая.

— Ну чего тебе? — сонно пробормотала она.

Не помню, что я ответил, что сделал. Мне казалось, что я сойду с ума от радости. Помню только, что я все хлопал Марджу по плечу, пока она не захныкала. Тогда я наконец сел, пристроив ее к себе на колени.

— Почему это все меня так разглядывают? — спросила она, надув губы.

Я хотел было ответить, но у меня перехватило дыхание. А она добавила капризно:

— Есть хочу!

Тут до меня дошло, что я и сам не ел уже два дня. Я ощущал немыслимое облегчение — вся эта жуткая история наконец почти закончилась, причем на весьма странной ноте!

— Я тоже хочу есть, чийя, — устало произнес я. — Сейчас мы пойдем и поищем чего-нибудь.

— Это первая разумная мысль,— сказала Дио, беря Марджу на руки, — которую я от тебя слышу с тех пор, как ты вернулся на Дарковер. Пошли, поедим.

Через два часа, входя в кабинет Лоутона, умытые, сытые и переодевшиеся, мы являли собой вполне респектабельное зрелище. Лоутон читал какую-то телеграмму.

— Вот, только что принесли, — сказал он. — «Прекратить поиск на Дарковере. Кэтрин Маршалл обнаружена на Самарре. Легкая амнезия, физически не пострадала. Хейг Маршалл». Если принять во внимание разницу во времени, ее обнаружили примерно через полчаса после того, как я с ней разговаривал в этом самом кабинете. Черт побери! У меня есть большое желание бросить эту проклятую работу и снова уйти в космос! — Он посмотрел на седую голову Реджиса, на Дио, на Марджу, которую я держал на руках. — Вам бы следовало дать мне кое-какие объяснения, Лью Элтон!

Я мрачно кивнул. Мне он, в общем, нравился. Как и я сам, он принадлежал двум мирам одновременно; только он выбрал свой путь, а я — свой.

— Вероятно, следовало бы, — ответил я. — Но, мне кажется, вы их никогда не дождетесь.

Он пожал плечами и швырнул телеграмму в корзину.

— Значит, мне вечно придется ожидать от вас какого-нибудь нового подвоха. И все же нам надо поговорить. Времена изменились. Дарковер уже не тот, что раньше.

Я снова мрачно кивнул. Комин победил в схватке с Шаррой, но проиграл в борьбе с землянами.

— Я получил телеграмму из Главного Управления. Мне предлагается начать формирование временного правительства во главе с Хастуром. Регентом, конечно. Хастур человек рассудительный и честный, люди ему доверяют.

Я покивал в знак согласия. Хастуры на протяжении многих поколений были стержнем Комина; Дарковеру будет, наверное, даже легче без всех остальных его членов.

— Вы, Реджис, видимо, пойдете по стопам деда. Когда вы достигнете его возраста, ваш народ будет психологически готов сам выбирать тех, кто намерен им править. А вы, Лью Элтон...

— На меня можете не рассчитывать, — коротко ответил я.

— Выбор у вас ограниченный. Или вы остаетесь здесь и помогаете нам налаживать порядок, или отправляетесь в изгнание.

Реджис повернулся ко мне:

— Лью, народу нужны новые лидеры, здешние. Такие, кто будет полностью ему предан. Лоутон, конечно, сделает все от него зависящее, но он — человек Терры и всегда был им.

Я с сожалением посмотрел на юного Хастура. Может, именно это ему и нужно? Быть правителем. Пусть пока марионеточным, но все же работать на благо Дарковера, сдерживая волну наступления землян насколько это возможно. Может, и мне занять место с ним рядом?

— Ты ведь поможешь мне, Лью? Вместе мы многое могли бы сделать!

Он был прав. Но я всю жизнь оказывался меж двух огней, и каждая из сторон вечно обвиняла меня в измене. И в будущем ни одна не поверит мне до конца.

— Если вы покинете планету, то навсегда, — предупредил Лоутон. — Ваши имения будут конфискованы. И вам никогда не позволят вернуться. Нам тут кадарины больше не нужны!

Правда глаза колет, но это действительно была правда. В том-то и заключалась ошибка Комина. Ложный патриотизм. Стремление к полной самостоятельности при полном отсутствии равновесия. Может быть, просто неспособность обнаружить добрые качества у своего противника.

Но я сам был из Комина. Я не просил о столь высоком рождении, но здесь уж ничего нельзя было изменить. Я отвел глаза, не желая видеть искреннюю мольбу во взгляде Реджиса.

— Нет, — сказал я. — Мы уедем отсюда. Мне нужно всего три вещи. На это я могу рассчитывать?

— Зависит от того, какие именно, — ответил Лоутон.

Я взял Дио за руку.

— Первое — сочетаться с Дио браком по нашим законам и в присутствии наших свидетелей, — спокойно начал я. — Затем оформить документы на удочерение Марджи. Она моя дочь, хотя там все так перепуталось... И последнее, — продолжал я: — Паспорта с визами для четырех человек.

Да, для четырех. Андресу вряд ли захочется оставаться здесь одному и смотреть, как земляне постепенно подчиняют себе все. Хотя это, видимо, единственный верный способ положить конец долгой истории Комина.

— Куда вы отправитесь? — спросил Реджис.

Я посмотрел Дио прямо в глаза. Она ответила взглядом, полным мужества. Я знал, куда хочу уехать и что буду там делать, но могу ли я требовать того же от Дио? Так и не ответив Реджису, я смотрел на нее. В конце концов у меня и на Терре были земли и кое-какое наследство; я мог предъявить свои права и жить там, ни в чем не нуждаясь.

Марджа слезла с моих колен, подбежала к Дио и обняла ее. Дио погладила девочку. И тут я принял решение.

Где-то в центре Галактики находились новые, еще не освоенные миры, где о Земле-Терре имели весьма смутное представление, а уж о Дарковере вообще никогда не слыхали. Туда отправлялись многие, кому не было места в нашей чистенькой и вылизанной, давно освоенной Вселенной.

Если Империя когда-нибудь туда доберется, это будет уже после нас.

Я подошел к Дио и Мардже и обнял их обеих.

— Чем дальше — тем лучше, — сказал я.

Лоутон быстро взглянул на меня. Мне показалось, что сейчас он начнет возражать. Но он передумал. Улыбнулся дружески и поднялся из-за стола. Этот жест выражал одновременно и сожаление, и прощание.

— Я все устрою, — только и сказал он.

Три дня спустя мы были уже в космосе.

Дарковер! Кровавое солнце! Что с вами теперь стало? Я живу в светлом мире, но иногда, на закате, вспоминаю башни Тендары и горы, по которым когда-то бродил. Изгнанник может быть счастлив, но тем не менее он всегда остается только изгнанником. Прощай, Дарковер! Ты всегда был для меня планетой мрака!

Перевели с английского
Ирина ТОГОЕВА и Игорь ДАНИЛОВ

Игорь
Царев

«НЕМЕДЛЕННО ПОКИНЬТЕ МОЮ ГОЛОВУ!»

Фразу, вынесенную в заголовок этой статьи, мог бы выкрикнуть любой из персонажей романа М.Брэдли, ибо речь в произведении идет о самом загадочном явлении человеческой психики — телепатии. Впрочем, о наличии этого феномена до сих пор идут споры. Об исследованиях в этой области рассказывает журналист, автор популярных книг, председатель комиссии «Феномен» И.Царев.

Утром 25 июля 1959 года на борт американской атомной подводной лодки «Наутилус» взошел таинственный пассажир. Лодка тотчас вышла из порта и на шестнадцать дней погрузилась в глубины Атлантического океана. За все это время безымянного пассажира никто не видел — он ни разу не покинул каюты. Но дважды в день посылал капитану листки со странными знаками. Иногда это была звезда, или крест, или две волнистые линии... Капитан Андерсон помещал листки в плотный конверт, ставил дату, час и свою подпись. Сверху стоял пугающий гриф: «Сверхсекретно. В случае опасности немедленно уничтожить!»

Когда лодка причалила в порт Кройтон, пассажира встретил эскорт, который доставил его на военный аэродром, а оттуда в штат Мэриленд. Вскоре он уже разговаривал с директором отдела биологических наук при Управлении исследований ВВС США полковником Вильямом Боуэрсом. Тот извлек из сейфа конверт с надписью «Центр исследований, Х.Френдшип, Мэриленд». Загадочный пассажир, которого Боуэрс называл лейтенантом Джонсом, достал свой пакет с пометками «Наутилуса». Листки бумаг они разложили рядышком, сообразуясь с проставленными датами. На 70% знаки в обоих конвертах совпадали...

Так описывает французский исследователь Жак Бержье сверхсекретный эксперимент американских военных служб по возможному использованию телепатии в военных целях. Статья Бержье надделала немало шума как во Франции, так и за ее пределами. Американцы поспешили заверить, что «Наутилус» никогда не использовался для подобных целей.

— Насколько достоверен этот факт? — обратился я за разъяснением к авторам книги «Психотронная война», которая при содействии Общества по изучению тайн и загадок Земли и фирмы «Мистерия» появилась недавно на прилавках.

Профессор биофизики, доктор биологических наук Г. Гуртовой и физиолог И. Винокуров не один десяток лет занимались исследованиями в области биоэнергоинформатики.

— Сейчас уже невозможно определить, что правда, а что вымысел в истории с «Наутилусом», — говорит И.Винокуров. — Но главное, что сенсационная статья Жака Бержье послужила толчком к серьезным исследованиям в области парапсихологии. И в первых рядах был Советский Союз, ни в чем не желавший отставать от Америки.

Уже можно не делать секрета из того факта, что советские ученые тоже использовали подводную лодку для телепатических экспериментов. Только вместо человека в опыте участвовали новорожденные крольчата. Эксперимент был жестоким: время от времени их убивали. И в тот же миг датчики фиксировали, как крольчиха, находящаяся в клетке на берегу, приходила в беспокойство. Результаты экспериментов подтверждали наличие телепатической связи, по крайней мере, между животными...

Успехи советской стороны, о которых донесла американская разведка, в свою очередь подхлестнули США. В первой половине 1970-х годов разведывательное управление Министерства обороны США провело по указанию президента Дж.Форда анализ состояния парапсихологических исследований в СССР. В соответствии с законом о свободе информации эти отчеты были опубликованы. Там, в частности, говорилось, что достижения СССР в этой области настолько поразительны, что если Соединенные Штаты не примут серьезных шагов, то через десять лет они безнадежно отстанут...

В одном из отчетов содержалось паническое предупреждение: «Взрыв в области советских парапсихологических исследований может позволить русским быть в курсе сверхсекретных американских документов, следить за передвижением войск и кораблей США, вызывать мгновенную смерть любого лица на расстоянии, дистанционно выводить из строя любое оборудование, включая космические аппараты...»

Чего же так боялись американцы? Отпущенные авторами отчета десять лет давно прошли, а о военном использовании парапсихологических эффектов по-прежнему говорят в условном наклонении. Споры типа «существует ли телепатия?» эпизодически еще возникают, но проходят вяло, потому что подавляющее большинство людей ни во что подобное все же не верит. По-

чему? Чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в прошлое.

Из архива комиссии «Феномен», занимающейся сбором и анализом информации об аномальных природных явлениях:

1875 год. Знаменитый химик А.Бутлеров, занимавшийся также изучением фактов «передачи мыслей на расстояние», выдвинул для объяснения этого явления электроиндукционную гипотезу.

1886 год. Английские исследователи Э.Герней, Ф.Майерс и Ф.Подмор для обозначения загадочного явления передачи мысли на расстояние впервые использовали термин «телепатия».

1887 год. С развернутым обоснованием гипотезы Бутлерова выступил профессор философии, психологии и физиологии Львовского университета Ю.Охорович.

Как видите, парапсихологические научные исследования начались не вчера, и занимались ими учёные с мировыми именами. Например, мало кто знает, что серьезные эксперименты в области телепатии проводил в 1919—1927 годах академик В.Бехтерев в Ленинградском институте по изучению мозга. В это же время подобные опыты осуществлял знаменитый инженер Б.Кажинский...

Вспомним научно-фантастический роман А.Беляева «Властелин мира» (1929 г.). Сюжет этого произведения таков: в руках безнравственных людей оказывается изобретение, позволяющее читать и записывать мысли людей, а также передавать с помощью специальных излучателей мысленные приказы. Книга полностью построена на научных идеях Бернарда Бернардовича Кажинского. Чтобы подчеркнуть это, Беляев решил назвать положительного героя — Качинский, изменив лишь одну букву фамилии прототипа.

Результаты, полученные Бехтеревым и Кажинским, судя по имеющимся у нас данным, подтверждали факт существования явления передачи мыслей на расстояние. Роман А.Беляева тоже не остался незамеченным. И в 1932 году Ленинградский институт мозга получил государственное задание, исходящее из Наркомата обороны СССР, активизировать экспериментальные исследования в области телепатии. Научное руководство было возложено на профессора Л.Васильева.

Соответствующий приказ получила и московская лаборатория биофизики АН СССР, возглавляемая академиком П.Лазоревым. Исполнителем темы, заказанной военными, а потому получившей «гриф секретности», был профессор С.Турлыгин.

Сохранились воспоминания исследователей.

«Приходится признать, что действительно существует некий физический агент, устанавливающий взаимодействие двух организмов между собой», — констатировал профессор С.Турлыгин.

«Ни экранирование, ни расстояние не ухудшали результатов», — признал профессор Л.Васильев.

Однако несмотря на то, что факт существования телепатии был подтвержден уже и советскими учеными, в Большой советской энциклопедии за 1956 год появилась следующая словарная статья: «Телепатия — это антинаучный, идеалистический вымысел».

Причин тому множество, но основных, на мой взгляд, три. Во-первых, ученым, получившим экспериментальное подтверждение существования явления, не удалось дать сколь-либо приемлемого теоретического обоснования природы этого феномена. Во-вторых, факт существования телепатии приводил к выводу «материальности» мысли, тем самым вступая в противоречие с одним из постулатов марксистско-ленинской философии о первичности материи и вторичности сознания. В-третьих, военные все еще надеялись, что сумеют использовать телепатию в своих целях, поэтому тема была закрытой. Кстати, именно военные продолжали оставаться главным заказчиком исследований этой проблемы. В сентябре 1958 года по приказу министра обороны СССР маршала Р.Малиновского было проведено несколько секретных совещаний, посвященных вопросам изучения феномена телепатии. Присутствовали начальник Главного военно-медицинского управления, профессор Л.Васильев, профессор П.Гуляев и другие специалисты.

Из архива комиссии «Феномен»:

1960 год. При Физиологическом институте (г.Ленинград) организована специальная лаборатория для изучения телепатических явлений.

1965 — 1968 годы. В Академгородке под Новосибирском в Институте автоматики и электрометрии СО АН СССР выполнена обширная программа телепатических исследований на человеке и животных.

Закрытые исследования по парапсихологии велись в московском Институте мозга АН СССР, в Институте проблем передачи информации (ИППИ) АН СССР, в других институтах и лабораториях. Секретные эксперименты проводились при активном участии военных с использованием дорогостоящей техники, вплоть до задействования подводных лодок. Средств не жалели, и одно это свидетельствует, что к телепатии относились всерьез.

Результаты исследований, впрочем, были неоднозначны. В ряде экспериментов явление прослеживалось отчетливо, но нередко и не подтверждалось. Правда, сам факт наличия феномена специалисты уже не отрицали. Между тем пропагандистская машина продолжала вдалбливать в голову людей, что телепатия — бред и выдумка идеалистов. В 1969 году по распоряжению секретаря ЦК КПСС П.Демичева состоялось специальное заседание комиссии по расследованию проблемы парапсихологических явлений и причин усиления общественного интереса к ним. Собрался весь цвет отечественной психологии — Л.Лурия, А.Любович, В.Зинченко... Перед ними была поставлена задача развеять миф о существовании телепатии. Итоги деятельности этой комиссии отражены в девятом номере журнала «Вопросы психологии» за 1973 год. Несмотря на давление партийных идеологов, ученые не смогли покривить душой. Со многими оговорками там все-таки сказано: «Феномен есть...»

Но телепатия — «барышня» капризная. Удачные эксперименты чередовались с полными провалами. И не только у нас.

Из архива комиссии «Феномен»:

1971 год. Астронавт, капитан ВМС США Эдгар Митчел провел сеанс телепатической связи с лунного корабля «Аполлон-14». Четыре человека в разных городах Америки записывали мысленные образы, «поступающие» из космоса. В целом результаты оказались отрицательными...

1981 год. Пентагон привлек экстрасенсов, обладающих даром «дальновидения», для мысленного поиска генерала Джеймса Доузера, похищенного в Вероне террористами из итальянских «красных бригад». Попытка к успеху не привела...

И все же исследования в этой области ведутся все более активно, в том числе и в нашей стране, теперь уже открыто.

К примеру, глобальный эксперимент по «дистантной передаче мыс-

ленных образов» провели недавно сотрудники Новосибирского института общей патологии и экологии человека. В этом масштабном научном мероприятии было задействовано несколько тысяч добровольцев, участвовали исследователи и экстрасенсы более чем двадцати стран. Телепатические сигналы передавались с разных континентов, из специальных гипомагнитных камер, изолирующих магнитное поле Земли, из аномальных зон планеты, таких, например, как «пермский треугольник» или пещера «Черного дьявола» в Хакасии...

Результаты этого уникального международного эксперимента еще обрабатываются. Но сибирские ученые, опираясь на многолетние опыты, предсказывают, что они будут положительными. Кстати, предыдущие их исследования подтвердили способность человека устанавливать мысленные связи на расстоянии.

В 80-х годах в СССР было зарегистрировано открытие академика В.Казначеева, подтверждающее наличие межклеточного дистантного взаимодействия. Этот эффект, когда живые клетки, разделенные кварцевым стеклом, обменивались информацией, по своему механизму мало чем отличался от феномена телепатии.

Открытие В.Казначеева расширило зону поисков. Те же новосибирские ученые несколько модифицировали свои опыты. В результате им удалось зафиксировать следующие явления: специально отобранным «операторам» удавалось изменять скорость химических реакций, отклонять луч лазера, ускорять или замедлять рост растительных клеток, воздействовать на работу компьютера...

Истинных «операторов», то есть людей, чьи способности подтверждены многократными экспериментами в научных лабораториях, очень немного. Они, как правило, себя не афишируют, интервью не дают и по ТВ не выступают. Но их имена хорошо известны в научных кругах.

Интереснейшие опыты проводились в Новосибирском отделении Академии наук с «операторами» Е.Дубицким, В.Авдеевым, М.Перепелицыным. Все они успешно продемонстрировали возможности человека мысленно воздействовать на живые и неживые объекты. Причем Дубицкого экранировали стальной плитой десятисантиметровой толщины. Но, как оказалось, и она не стала преградой, как и тысячекилометровые расстояния во время советско-болгарских опытов, где тот же «оператор» изменял показания датчиков, установленных в одном из научных институтов Болгарии.

Трудно поверить, но во время этой серии экспериментов Е.Дубицкий точно ставил диагноз пациентам, находящимся в Софии. Любопытная деталь — во время опытов болгарские врачи для снятия показаний частоты и ритмичности сокращения сердечной мышцы у пациентов использовали микропередатчики, работавшие на частоте 67 мегагерц. И каждый раз, когда Дубицкий, находившийся в Москве, начинал мысленный сеанс, радиосигнал микропередатчиков прерывался...

Однако несмотря на расширившийся спектр исследований и серьезную экспериментальную базу, несмотря на множество новых данных, природа этого феномена до сих пор не получила объяснения. Точнее, гипотез существует предостаточно — здесь и электромагнитная теория, и микролептонные поля, и малоизученные частицы «глюоны», и теория Единого информационного поля, в котором хранится информация обо всем происходящем на Земле и за ее пределами.

Член-корреспондент В.Степин высказал в свое время такое предположение: «В процессе эволюции человек, наверное, много утерял из того, что было у его предков. Может быть, у животных, у предков человека были какие-то иные возможности, иные пороги ощущений, другая интуиция?.. И сейчас, когда из нас выжимается все, что заложено природой, их отголоски проявляются как атавизм?»

По сообщению руководителя исследовательского центра «Вент» А.Акимова их специалистами созданы генераторы торсионных полей, с помощью которых уже удалось провести опыты по передаче мыслей на расстояние. Из этого следует вывод, что именно торсионы являются носителями человеческих мыслей... Насколько достоверны эксперименты, еще предстоит разбираться ученым.

Пока же ясно одно — само обилие гипотез свидетельствует о том, что все они скорее всего достаточно далеки от истины. Феномен телепатии по-прежнему остается загадкой. Что ж, будем ждать новых экспериментов.

В 1984 году Отделение теоретических проблем АН СССР и американский институт Бэй Рисерч провели эксперимент по проверке возможности существования эффекта «телепатического зрения». В качестве «оператора» была выбрана известная целительница Джуна Давиташвили. Суть опыта заключалась в следующем: Джуне надо было подробно описать и нарисовать увиденный ею «мысленно» участок города Сан-Франциско. Этот участок выбирался с помощью генератора случайных чисел, и даже сами американцы не знали, что на нем находится.

Во время мысленного сеанса Джуна достаточно точно обрисовала некое место. Для этого она использовала 93 символа, характерных, по ее мнению, для данного «объекта». Среди них достаточно странные, например: «профиль и глаза животного с острыми ушами», «белая тахта». Сначала исследователям показалось, что эксперимент не удался. Но когда американцы побывали на «объекте», выбранном генератором случайных чисел по карте города, оказалось, что описания даны предельно подробно. Там оказалась детская карусель, среди фигур которой были и игрушечная лошадка с острыми ушами, и белая тахта...

АВТОР ЧУЖОГО РОМАНА

Вы любите фэнтези? Но вам мало следить за развитием действия, вы сами желаете участвовать в создании произведения? Что ж, это возможно.

Перед вами роман «Хаос» Стюарта Маултропа, профессора английского языка Йельского университета. Правда, не книга, а программный пакет, который загружается в компьютер. На дисплее — дверь дома, слышатся оживленные голоса в сопровождении довольно-таки зловещей органной музыки. Нажав ENTER, мы входим в дом и попадаем на вечеринку, устроенную разношерстной компанией мистиков, инженеров-роботехников и литераторов-фантастов.

На полях текста — портреты персонажей, присутствующих на данной странице. Указав стрелкой (с помощью «мыши») на определенное лицо, мы мгновенно покидаем веселую компанию и углубляемся в прошлое этого человека. История заинтересовавшей нас персоны разнообразнейшим образом переплетается с судьбами других персонажей, портреты которых появляются на дисплее. Мы, разумеется, можем поинтересоваться жизнью другого персонажа, удаляясь от основной сюжетной линии и возвращаясь к ней с новым багажом представлений. Читатель создает повествование из отдельных элементов или блоков программы, подчиняясь лишь прихотливости собственных ассоциаций.

Итак, компьютер и автор дают читателю возможность выйти за рамки заданного сюжета.

Подобное произведение — развлечение если и не на века, то надолго; читать его можно неоднократно и всякий раз по-разному: даже когда вы освоите содержание всех смысловых блоков, непременно останутся неизведанными новые сюжетные тропинки. И все благодаря хитроумному программному обеспечению.

Для «Хаоса» Маултроп использовал программу HyperCard, которая отличается исключительной гибкостью (применяют ее и в деловых целях). Информация хранится в структурных единицах, называемых «карточками». Кроме текста, на карточках предусмотрено место для графического и звукового оформления — так что роман можно озвучить и украсить по вкусам читателя-автора.

У HyperCard есть и недостатки. Самым неприятным является то, что программа не дает возможности увидеть полную структурную схему запрограммированных карточек вместе со связками между ними. То есть даже сам творец не может окинуть свой шедевр орлиным взором и вынужден прогуливаться по всем карточкам в отдельности... «Так все штаны можно просидеть до дыр!» — сердито резюмировал литератор Джон Макдейд.

Программа Storyspace призвана устранить подобные недостатки. Эпизоды записываются и хранятся в текстовых окнах, и все эти окна можно вывести на дисплей в виде «карты», составленной из квадратов. Автору остается задать связки эпизодов, программируя ответ компьютера на то, что вводит читатель, притом любой эпизод может иметь любое число связок с другими эпизодами. Storyspace, по существу, превращает сюжет из улицы с односторонним движением в карту дорог: усложняясь, эти карты наслаиваются друг на друга и становятся картами внутри карт... Впрочем, неосведомленным, каковыми являемся мы с вами, любезные читатели, понятней будет на примере.

Роман с самой сложной структурой указанного типа — «Полдень» Майкла Джойса. Повествование начинается с воспоминаний рассказчика о том, как он в зимний полдень стоял посреди поля рядом с некоей женщиной и вглядывался в дальнюю ограду... Указав стрелкой на слово «она», можно узнать о некогда существовавших отношениях между рассказчиком и его спутницей, указав на слово «ограда», мы прочтем иные воспоминания героя. И так далее: на первой же странице имеются 19 возможных переходов-связок между эпизодами — но какой бы мы ни выбрали, рассказ будет развиваться вполне логично.

Если HyperCard дает читателю возможность двигаться «вдоль сюжета» по большому числу различных, но тем не менее фиксированных путей (данная связка вызывает на экран одну-единственную карточку), то Storyspace включает условные переходы, способные дать варьирующиеся соединения. Условный переход определяется простой логической схемой вроде: «Если читатель прочел эпизод А или эпизод В, но не прочел эпизод Х, эта связка приводит к эпизоду Y; если предыдущее условие не выполнено, связка приводит к эпизоду Z». Подобные «направляющие линии» препятствуют тому, чтобы читатель попадал в эпизоды, которые ему не понятны.

Скажем, углубляясь в «Полдень», мы захотели узнать подробности сложных взаимоотношений героя по имени Вернер с его женой Лолли. Читая эпизод о том, как рассказчик посещает место гибели своего сына, мы имеем возможность вызвать дополнительную информацию о Лолли. И если мы воспользуемся этим, то, при определенном выборе связок, станем свидетелями драматической сцены разговора Лолли с рассказчиком, когда тот оказывается лицом к лицу с проблемой крушения собственной жизни. Если же мы сделаем другой выбор связок, то так и не узнаем об этом кульминационном разговоре, а рассказ пойдет по совершенно иной, не пересекающейся линии.

Сам Джойс, устроивший экспериментальную читку своего произведения с группой «испытуемых» за клавиатурой, признался, что каждый раз удивлялся обороту, который принимало повествование в каждом индивидуальном случае...

По прогнозам писателей, создающих подобные программы, через какие-нибудь 5-10 лет все книжные магазины будут заполнены подобной беллетристикой.

Но гибель книге, традиционному чтению предрекали уже тогда, когда появился кинематограф, затем последовала вторая волна пророчеств, связанная с телевидением, и наконец третья — с пришествием магнитофонов.

И что же?..

Подготовила Людмила ЩЕКОТОВА

ГИПОТЕЗА

Мервин Пик

Танец в полнолуние

Я не знаю, что меня тогда разбудило, — то ли полная луна, то ли грусть, что обуревала мою душу и разукрашивала сны. Вполне возможно, скорбь сделалась невыносимой и нарушила мой покой, но, когда я проснулся, внезапно исчезла.

Обстоятельства, из-за которых я разошелся со своей женой, не имеют к моему рассказу никакого отношения. По правде говоря, я попросту не в силах говорить об этом. Достаточно будет того, что вопреки нашей злополучной любви, а может быть, именно из-за нее мы разошлись; однако, как вскоре станет ясно, этот акт отчаяния обернулся в итоге сущим адом.

Перед тем как лечь в постель, я раздвинул шторы, и теперь в окно струился лунный свет. Меня томило предчувствие беды, хотя поводов для него вроде бы не имелось. Глаза мои были широко раскрыты. Прямо передо мной возвышался у стены гардероб. Мой взгляд задержался на мгновение на одной из его металлических ручек, и тут случилось нечто невообразимое, от чего у меня сжалось сердце: дверная ручка начала медленно и беззвучно поворачиваться.

Я не помню точно, о чем думал в тот миг, знаю лишь, что весь пропитался страхом. Я не мог ни отвести взгляда от ручки, ни закрыть глаза, и вынужден был, терзаясь собственным бессилием, наблюдать, как приоткрывается потихоньку дверца гардероба. А затем в тишине летней ночи, которую не будоражили ни крик совы, ни шелест листвы в соседнем лесу, из глубины шкафа выплыли мой костюм, пиджак и брюки вместе с вешалкой, выплыли и зависли в воздухе над туалетным столиком.

Удивительно, как я не сошел с ума и не закричал. Наверное, ужас сдавил мне горло железной хваткой, и потому я не смог издать ни звука. На моих глазах брюки соскользнули с вешалки и застыли в каких-нибудь двух дюймах над полом, а следом, поводя плечами, вспорхнули со своего «насеста» белый жилет и удлиненный черный пиджак. Опустевшая вешалка — безголовый, безрукий, безногий призрак — сгинула в недрах гардероба, дверца которого тут же плотно закрылась.

Рукава пиджака принялись завязывать на невидимом горле белый галстук, в следующий миг костюм подался вперед, наклонился под углом примерно в тридцать градусов, словно собираясь нырнуть, и устремился через комнату к окну, сквозь которое вылетел на улицу. Не соображая, что делаю, я вскочил с постели и успел заметить, как мой костюм миновал лужайку перед домом, достиг близлежащей дубравы и растаял в темноте под деревьями.

Мне трудно судить, сколько я простоял у окна, глядя на опушку дубравы, и как долго смотрел на дверную ручку шкафа, прежде чем набрался мужества повернуть ее. Когда у меня наконец хватило духа распахнуть дверцу, я увидел внутри лишь пустую деревянную вешалку.

Озадаченный, перепуганный до смерти, я забегал по комнате, а потом, утомившись, рухнул на кровать. Только под утро мне удалось забыться сном.

Я проснулся, когда часы пробили полдень. Отовсюду доносились знакомые, привычные звуки, за окном в зарослях плюща чирикали воробьи, на дворе лаяла собака, где-то вдалеке урчал двигатель трактора. Полусонный, я вспомнил ночной ужас вовсе не сразу, а добрую минуту спустя. Конечно, то был самый настоящий кошмар! Никаких сомнений! Я отрывисто рассмеялся, скинул с себя одеяло, поднялся и стал одеваться. Подойдя к шкафу, я на мгновение заколебался. Сновидение было столь ярким, что даже при свете дня будило в душе не слишком приятные отголоски; я посмеялся над собой, и от этого смеха меня бросило в дрожь. Мне почему-то вспомнился ребенок, который, изнемогая от страха, кричал во все горло: «Я тебя не боюсь! Я тебя не боюсь!»

Открыв дверцу гардероба, я вздохнул с облегчением, ибо отчетливо различил в царившем внутри полумраке свой вечерний костюм. Я взял твидовые брюки и собирался уже притворить шкаф, когда заметил на одной из штанин стебелек травы.

По натуре я человек аккуратный, можно даже сказать, слегка помешанный на опрятности. Любая неряшливость, любая пылинка на одежде вызывает у меня раздражение. Черт побери, подумал я, откуда взялась эта травинка, если я чистил костюм всего лишь день или два тому назад? Ну да ладно; вероятно, я был в тот день небрежен.

Мне трудно объяснить, почему, но я не стал никому рассказывать свой сон. Быть может, причина в том, что мне отвратительно все мало-мальски необычное и диковинное, и я заключил, возможно, ошибочно, что другие испытывают схожие чувства. Однако воспоминание об ужасной ночи преследовало меня с самого утра. Если бы не опасение, что меня сочтут сумасшедшим, я бы, пожалуй, поведал кому-нибудь содержание своего сновидения. Оно было не только пугающим, но и смехотворным, вызывало не столько трепет, сколько улыбку. Впрочем, мне улыбаться не хотелось.

Прошло шесть дней, ничем не примечательных. На седьмые сутки, в пятницу, я лег спать гораздо позже, чем обычно, поскольку друзья, с которыми я обедал, задержались чуть ли не до полуночи, а когда они ушли, я погрузился в чтение. Так что в спальню я отправился где-то около двух, улегся, не раздеваясь, на постель и продолжал читать еще минут двадцать.

К тому времени меня уже начало клонить в сон.

Вставая, чтобы раздеться, я обнаружил, что мой взгляд невольно обращается к шкафу, несмотря на то, что за эти дни я окончательно уверился: оживший костюм мне лишь пригрезился. Однако пережитый страх порой возвращался, и потому последнее, что я увидел перед тем как заснуть, была, разумеется, дверная ручка. Она повернулась снова, и вновь на меня волной обрушился ужас, а сердце заметалось в клетке из ребер, требуя, чтобы его выпустили на волю, в тишину призрачной ночи. На коже выступил пот, во рту пересохло.

Мысль о том, что все повторяется, отнюдь не помогла мне вернуть самообладание, ибо из этого следовало лишь одно: то, что представлялось мне немыслимым, является фактом.

Ручка повернулась, медленно и неотвратимо, дверца шкафа распахнулась, мой вечерний костюм выплыл наружу, брюки встали на пол, вешалка освободилась от жилета и пиджака — словом, ритуал повторялся в точности до тех пор, пока привидению не приспело время прыгать в окно. Вместо этого оно повернулось ко мне, и, хотя у него не было лица, я понял, что оно смотрит на меня.

Костюм затрясся, как в лихорадке. Я плотно зажмурил глаза — буквально на секунду, но, когда открыл их, оказалось, что призрак исчез.

Я вскочил на ноги и кинулся к окну. Сперва я ничего не увидел, поскольку глядел на лужайку, что протянулась ярдов на шестьдесят от дома до опушки леса. Преодолеть подобное расстояние за те несколько мгновений, которые потребовались мне, чтобы добраться до окна, было не под силу ни духу, ни смертному. Признаться, я растерялся, но тут мое внимание привлекло движение внизу, и, присмотревшись, я различил в полумраке свой костюм: он стоял прямо под окном на узкой, посыпанной гравием дорожке. Рукава пиджака были слегка приподняты.

Неожиданно я осознал, что едва ли в состоянии отвести взгляд от округлого сгустка тьмы, что виднелся обрамленный белым воротником на том месте, где полагалось быть голове призрака. К горлу подкатила тошнота; пока я сражался с ней, привидение двинулось в сторону лужайки. Оно то ли скользило, то ли плыло над землей — было трудно подобрать слово, которое в точности описывало бы способ его передвижения: пиджак держался неестественно прямо, а брючины будто поглаживали траву, хотя в действительности вовсе ее не касались.

Наверное, смелости мне придало то, что я еще не успел раздеться. Так или иначе, я сбежал по лестнице вниз и очутился на крыльце как раз вовремя, едва успев заметить, как призрак скрылся в тени дубравы. Сориентировавшись, я бросился следом, опасаясь потерять его в темноте, и поступил правильно, ибо, достигнув опушки, увидел белый воротник далеко впереди, справа от себя.

Я исходил лес вдоль и поперек, и думал, что прекрасно знаю его, однако ночью он словно преобразился. Откуда-то появилось множество корней и пеньков, о которые я то и дело спотыкался. Тем не менее я продолжал преследование. Призрак, похоже, твердо знал, куда направлялся; у меня сложилось впечатление, что скоро мы выйдем на одну из просек, что пересекали дубраву с востока на запад. Так оно и случилось: какой-то миг спустя деревья расступились. Я огляделся и увидел, что погоня увенчалась успехом — костюм находился не далее чем в ста шагах от меня.

Казалось, он вдруг обрел тело, пускай даже ни головы, ни рук, ни ног по-прежнему не было видно. Судя по всему, его снедало нетерпение; он озирался, взлетал в воздух, как бы высматривая кого-то, плавал кругами вокруг дуба на дальней границе просеки. Внезапно — настолько, что я вздрогнул — костюм встрепенулся; я взглянул в том направлении, куда, судя по всему, смотрел он, и различил вдалеке голубое вечернее платье.

Оно приближалось к нам, подплывало все ближе и ближе, грациозно паря в воздухе и лишь изредка позволяя опуститься на землю подолу своей длинной юбки. Опять-таки — ни ног, ни рук, ни головы, и все же это платье чудилось мне смутно знакомым. Вот оно приблизилось к костюму, тот положил рукав пиджака на талию платья, и призраки закружились в танце, от которого кровь стыла в жилах. Движения танцора были медленными и, если можно так выразиться, тягучими, однако «дама» дрожала, словно струна скрипки, которую задел смычок. Поза же «кавалера» поражала своей одеревенелостью.

Я вновь ощутил тошноту. Колени мои подломились, и, чтобы устоять на ногах, я схватился за ветку. Она хрустнула в моей руке; этот звук раскатился в ночной тишине ударом грома. Я потерял равновесие и упал на колени, а когда поднялся, танцоров уже и след простыл. Ничто не нарушало покоя залитой лунным светом просеки. Тут я заметил невдалеке какой-то темный холмик, стиснул зубы и с опаской, шаг за шагом, приблизился к нему. С расстояния в дюжину ярдов я разглядел твид костюма и нежный шелк голубого платья.

Меня снова прошиб пот. Не знаю, сколько я смотрел на груду одежды. Мне было плохо. Неожиданно материя шевельнулась, а затем у меня на глазах костюм и платье взмыли в воздух, привели себя в порядок — и расстались: платье удалилось в ту сторону, откуда явилось, а костюм устремился прочь в противоположном направлении. Я остался в одиночестве.

Как я добрался до дома, совершенно не представляю; очевидно, я следовал скорее наитию, чем рассудку, ибо последний пребывал в полной прострации. Поднявшись по лестнице, я ввалился в спальню, рухнул на пол и несколько минут не в силах был встать. Потом, кое-как справившись с охватившей меня слабостью, повернулся к шкафу и уставился на дверцу. Неизвестно откуда взявшаяся храбрость подвигла меня на то, чтобы распахнуть ее. Костюм, как и следовало ожидать, преспокойно висел на вешалке.

Следующую неделю я прожил в состоянии нервного возбуждения, равного которому мне до сих пор испытывать не доводилось. Мне было страшно — и одновременно меня снедало любопытство. Я думал лишь о том, что должно произойти в эту пятницу. Тех немногих друзей, что навещали меня на протяжении недели, ошеломила перемена в моей внешности: лицо посерело, руки дрожали, глаза лихорадочно блестели.

Я никому не рассказывал об увиденном, и не потому, что мне недоставало мужества. Я всегда относился с подозрением ко всему, что было хоть в ка-

кой-то мере связано со сверхъестественным, что хоть чуть-чуть отдавало мистикой, и если бы ко мне прилепился ярлык «метафизика», я больше никогда бы не отважился появиться в обществе. Потому-то всю неделю я старался не встречаться с друзьями, однако от одной встречи так и не сумел увильнуть, да, впрочем, и не сильно к тому стремился.

Я пообещал, причем клятвенно, что буду на обеде, который устраивали мои друзья. Основная причина заключалась, разумеется, не в клятве — в конце концов обещания на то и существуют, чтобы не соблюдать их, — а в том, что на обед пригласили мою бывшую жену. Наши друзья, исполненные самых благих намерений, в своем неведении поставили себе целью восстановить наш союз. Они наблюдали за тем, как углублялся наш разлад, жалели меня, поскольку без нее я был всего лишь половинкой здорового духом и телом человеческого существа. А она? Ведь она покинула меня, заявив, что мы только калечим друг друга по обычной для людей привычке: чем сильнее любишь, тем больнее бьешь. Но сейчас друзья заверяли меня, что она страдает не меньше моего. Однако гордость не позволяла ни одному из нас сделать первый шаг. Вот почему понадобился тот самый обед.

Когда я приехал, хозяин с хозяйкой радостно приветствовали меня и представили остальным гостям. Мы сели за стол, потом начались танцы, и если бы не беспокойство, что грызло меня, я бы, несомненно, получил от вечеринки огромное удовольствие — а так лишь переводил взгляд с золотых часов, что тикали на каминной полке, на дверь, которая вела в гостиную. Время шло, а жена по-прежнему не показывалась. Я мрачнел... Но вдруг она возникла на пороге, и мое сердце на мгновение сбилось с ритма. Я вздрогнул: она была прекрасна, но первым мне бросилось в глаза не ее лицо, а небесно-голубое платье.

Мы встретились так, будто никогда не расставались, и, хотя знали, что наша встреча, можно сказать, подстроена, искренне радовались ей. Однако под взаимной радостью таился взаимный же страх, ибо мы прочли в глазах друг друга, что нас донимает один и тот же кошмар. Танцуя, мы догадывались, что наши одежды с нетерпением дожидаются мига, когда в них через какие-нибудь два часа спустя вселится нечто и наделит их призрачной жизнью.

Что нам было делать? Мы осознали сразу и одновременно, что нам нужно спрятаться от музыки и от людей, которые, без сомнения, были довольны собой, поскольку со стороны мы выглядели, когда шли к двери, рука в руке, влюбленной парочкой. Мы знали, что нам нельзя разлучаться, и понимали, что, если хотим чего-то добиться, должны действовать. Но как? Каким образом? Итак, во-первых, мы должны держаться вместе, а во-вторых — не снимать своих одежд.

Я отвез жену к себе домой — вернее, к нам домой. Мы поднялись в гостиную и сели в кресла. Время ползло невыносимо медленно. Поначалу мы пытались обсуждать, что это все означает, но разговор не клеился.

Мы почти заснули, когда, около трех, меня словно встряхнула чья-то невидимая рука. Жена, прикорнувшая у меня на плече, увидела, проснувшись, такую картину: я стоял посреди комнаты, извиваясь всем телом, а пиджак трепетал на моей спине, точно приспущенный парус. Мне же довелось узреть, как жена взмыла к потолку; что самое ужасное — черты ее лица сделались расплывчатыми, будто она мало-помалу утрачивала связь с реальностью.

— О, Гарри! — воскликнула она. — Гарри, где ты? — Она дотронулась до меня, и сколь нежным было прикосновение ее пальцев, которые тянулись ко мне словно из другого мира; наши лица, ноги, руки — все исчезло. Тем не менее мы чувствовали ступнями пол и ощущали выступивший на ладонях холодный пот. А затем началась пытка. Я видел лишь небесно-голубое платье, мне казалось, что в наши одежды вселились злые духи, злобные и порочные. Нас разнесло в разные стороны, и теперь мы бессильны были воссоединиться. Я обнаружил, что нас влечет к открытому окну, и тут до меня донесся голос моей жены.

— Гарри! Гарри! — звала она как бы издалека, хотя мы находились в шаге друг от друга. — Гарри! Не оставляй меня, Гарри!

Я ничего не мог поделать. Нас вынесло в окно и повлекло над лужайкой. Наши одежды, по-видимому, вознамерились освободиться от нас. Как долго продолжалась беззвучная схватка в воздухе, определить было невозможно. Я знал только, что мы противостоим неведомому злу. Наконец ярость призраков, похоже, ослабела; по крайней мере, одежды стали выказывать признаки утомления. К тому времени, когда мы добрались до леса, они успокоились. Впечатление было такое, словно они отдыхают. Мне пришло в голову, что они, вероятно, стремились убить нас, однако не сумели осуществить свой замысел. Движение наше становилось все более медленным. Очутившись над просекой, мы с женой рухнули на землю у подножия огромного дуба и потеряли сознание.

Я пришел в себя незадолго до рассвета, от того, что вымок насквозь в ледяной росе. Какое-то мгновение я никак не мог сообразить, где нахожусь, но потом память возвратилась ко мне, и я огляделся по сторонам. Моя жена пропала.

Удостоверившись в том, что ее нигде нет, я побрел домой и, спотыкаясь, поднялся по лестнице в спальню. Там было темно, и я зажег спичку. Чиркая ею о коробок, я имел весьма смутное представление относительно того, где стою, но едва вспыхнул огонек, я увидел перед собой большое зеркало платяного шкафа, в котором отражался человек без головы, зато в вечернем костюме.

Я отпрянул, напуганный не столько отражением, сколько мыслью о том, что привидение вырвалось на волю и что наша схватка с демонами не принесла желаемого результата. Затем я зажег вторую спичку и повернулся к кровати.

На ней лежали бок о бок двое людей; присмотревшись, я различил на их лицах счастливые улыбки. Моя жена устроилась поближе к окну, а я расположился на своем привычном месте, в тени гардероба.

Мы оба были мертвы.

Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ

Владимир Рожнов,

доктор медицинских наук

СТРЕСС? ЭТО КАК РАЗ ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО!

«Ожидание гибели торопит ее», — это известное изречение вполне применимо к рассказу Мервина Пика. Вооружась логикой, защитившись разумными доводами, герои рассказа отказались от совместной жизни — и остались один на один со своей мятущейся душой. Ожившие одежды — это символ протестующих демонов подсознания, не согласных с подобным решением. Фантазия Пика доводит трагедию сердец до литературного символа, однако, по мысли главного редактора журнала «Психотерапевт России», создателя оригинальной методики психотерапии, костюмы героев вполне поддавались укрощению...

Двадцать пять веков назад Гиппократ сказал: «Медицина стоит на трех китах — нож, трава и слово». Понятно: хирургия, лекарства. Что касается слова, это и есть психотерапия. Но только ли слово в смысловом значении? Нет: и как оно произнесено, с какой эмоциональной тональностью, с каким скрытым подтекстом — одобрения или осуждения. Здесь целое море возможных нюансов и чувств, начиная с мимики и жестов говорящего, до степени понимания слушающего. Все это — психотерапия.

С чего начать?

Как советовал Чеширский кот: начнем с начала. Правда, с самого начала не удастся. Ибо никто не знает, когда оно было. Отца медицины Гиппократа мы уже выслушали, теперь послушаем собеседника из XVI века, доктора медицины, медонского кюре Франсуа Рабле, автора бессмертной книги о Гаргантюа и Пантагрюэле.

И вот доктор Рабле — есть основание считать его одним из основоположников психотерапии — настоятельно советует: любое зло, вызывающее ужас, в том числе болезнь и связанное с ней страдание, даже самую смерть, следует встретить смехом. Бедствия мира сего не страшат человека, умеющего смеяться.

В исследовании, посвященном творчеству Рабле, М.М.Бахтин приводит цитату из «Ночных дозоров» Бонавентуры (псевдоним неизвестного автора): «Есть ли на свете еще более сильное средство противостоять всем издевательствам мира и судьбы, чем смех! Перед этой сатирической маской испытывает ужас сильнейший враг, и само несчастье отступает передо мною, если я осмеливаюсь его осмеять! Да и чего, черт побери, кроме осмеяния, заслуживает эта земля вместе со своим чувствительным спутником — месяцем!»

Врач Рабле сонм болезней и причиняемых ими страданий считает проявлением «издевательств мира и судьбы». И указывает на смех как надежнейшее лечебное средство. На врачующее действие смеха указывали и величайшие авторитеты медицины древности — Гиппократ, Гален, Авиценна.

Задержу внимание читателей еще на одном сочинении, что лежит передо мной на столе. Оно было опубликовано в Амстердаме на французском языке в 1776 году. Я глажу рукой характерный для XVIII века переплет из телячьей кожи, испытывая при этом такое знакомое всем библиофилам наслаждение от прикосновения к старой книге, с неповторимым мастерством воспетое Анатолем Франсом в его эссе «Любовь к книгам». Читаю заглавие «Размышления над великими людьми, которые, умирая, шутили». Книга эта не только у нас, но и во Франции мало известна, как и ее автор — М. Деслвнд. В сочинении приведены факты не только стоического поведения многих знаменитых людей перед лицом смерти, но и их ироническое, шутливое отношение к ней. Буквально можно сказать, что люди умирали смеясь, действенным лекарством смаха смягчая трагизм неприемлемого разумом факта смерти. В ряду прославленных имен — философов, общественных деятелей, полководцев — есть и доктор Рабле, о подлинной жизни которого сохранилось больше вымыслов и анекдотов, нежели достоверных фактов. Однако весьма правдоподобно выглядит картина последних мгновений великого пересмешника — совсем в духе созданных им героев.

Пойди, сказал он пажу кардинала Жана Белле, пославшего справиться о состоянии умирающего, и скажи своему господину, что я ухожу искать «Великое быть может»; оно в гнезде сороки-воровки, которая утащила его на своем хвосте, а что касается тебя, то ты навсегда останешься глупышкой. Задерни занавес — фарс сыгран... С этими последними словами великий писатель и врач Франсуа Рабле умер.

Герои Мервина Пика слишком серьезно относились к себе и своим переживаниям, будь они почитателями доктора Рабле, пара осталась бы жить...

Впрочем, гениальный лекарь предложил лишь один из вариантов лечения души. За это время психотерапия ушла далеко вперед. Поговорим о том, чем она могла бы помочь мятущимся героям рассказа.

Еще с 50-х годов нами ведется разработка — а теории и клинике — методик эмоционально-стрессовой психотерапии (ЭСП). Последние 15-20 лет она интенсивно применяется при лечении больных неврозами, алкоголизмом и психосоматическими нарушениями. Иногда вызывает недоумение сам предложенный для этого способа лечения термин. Существовал взгляд на психотерапию как на антипод стресса, а мы предлагаем лечить стрессовыми состояниями. Позвольте, где же логика? Обратимся к создателю учения о стрессе, канадскому патофизиологу Гансу Селье. Понимание ученым эмоционального стресса диалектично. Его влияние на организм и личность может быть болезнетворным, приводить к нервным и психосоматическим нарушениям, а может выполнять и лечебную роль. Стресс не только отрицательное напряжение, но и положительное, не одно разрушение, но и созидание. Да ведь и сама жизнь — стресс; полная свобода от него, по выражению Ганса Селье, означает смерть. Все это дает основание видеть в стрессе не только врага, но и союзника в борьбе с болезнью. Особенно, если борьба ведется средствами психотерапии, наиболее для этого предпочтительными.

Мы рассматриваем ЭСП как систему культивирования жизнеутверждающего начала, оптимистических устремлений и идеалов. Как можно побороть

пессимизм, апатию, ипохондрию, безволие? Человеку надо помочь увидеть новые стороны жизни, собственной личности, открыть иные возможности деятельности, расширить круг интересов. Это вдохнет в него силу для преодоления болезни.

Психотерапевтический процесс не может быть просто пассивным утешением больного, оберегающим его от дополнительного волнения. Наоборот, обращенный к сфере эмоций, он должен вызывать их — порою потрясением глубины личности, приводя тем самым ее к обновлению, превращая как бы в заново рожденную. Нам созвучна мысль известного отечественного психотерапевта С.И. Консторума; психотерапия должна более походить на хирургическую операцию, чем на наложение бальзамической повязки. Чтобы убеждение обрело внушающую силу, оно должно воздействовать на эмоциональную сферу человека, область его чувств, переживаний. Тогда оно превратится в самовнушение, обретет силу веры, а она, как известно: горами движет!

ЭСП адресуется как к сознанию, так и к сфере бессознательного, а правильнее сказать — к обогащающему взаимодействию этих двух сторон психики.

Какие практические методы ЭСП предложены нами?

СОКРАТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ. Восходит в своей основе к учению великого философа древней Греции Сократа (V–IV вв. до н.э.). Это эмоционально насыщенная психотерапевтическая беседа, во время которой врач не навязывает больному свою точку зрения, не поучает его, а путем точно поставленных вопросов и умелых рассуждений, порой остроумных замечаний, проникнутых доброжелательным юмором, стараясь устранить беспокойство и тревогу пациента, подводит его к объективной оценке жалоб, своего состояния и окружающих его людей.

Помню пациентку, которая никак не решалась пройти по мосту над Москвой-рекой. Ей казалось, что он непременно рухнет; тяжесть именно ее тела создаст как бы критическую массу. То, что через мост проходили трамваи, много транспорта, не служило для женщины аргументом. Надо было убедить пациентку в нелепости ее страха, и я предложил ей входить на мост с... цветком в руке. Как бы для тяжести. Проверив, что с мостом все в порядке, бросать цветок в реку, становиться легче.

— Это же смешно, — тут же заметила женщина.

— Да, смешно, как смешны ваши опасения. Попробуйте, шагая по мосту, повторять про себя: как смешно, что боялась здесь идти, как смешно...

Вскоре женщина забыла о своем неврозе.

Известно, что Сократ, будучи сыном повитухи, часто советовал своим собеседникам: «Сам рожай! За тебя никто родить не может». Имелось в виду — постигай истину. При многих видах невротических нарушений, дурных привычках, перешедших в болезненные формы, алкоголизме, наркомании и других подобных состояниях сократический диалог помогает перестройке личности, системы ее взглядов. Направление перестройки задает психотерапевт.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-СТРЕССОВАЯ ГИПНОТЕРАПИЯ. Глубокая, сомнамбулическая стадия гипноза открывает большие возможности не только для лечения, но и для проникновения в до сих пор загадочные тайны психики. Тайна — и самое гипнотическое состояние. Полвека изучая теорию и практику гипноза и связанных с ним состояний, я все больше укрепляюсь во мнении: для решения этой загадки мало только физиолого-психологических и медицинских познаний. Необходим синтез различных наук и в первую очередь — помощь физики на ве современном уровне представлений о закономерностях микромира, квантовой механике с корпускулярно-волновыми парадоксами.

Эмоционально-стрессовый гипноз перспективен и при проведении коллективных сеансов гипнотерапии. Расскажу случай из практики. Никак не поддавался воздействию известный летчик-испытатель, которому на многочисленных индивидуальных сеансах гипноза я пытался внушить отвращение к алкоголю. «Меня лечили всем, — говорил пациент в ответ на тщетные попытки вызвать у него рвотный рефлекс, — но мой вестибулярный аппарат слишком тренирован». Отчаявшись, я решил включить пациента в лечебную группу. Каково же было мое и его удивление, когда на первом же сеансе эффект был достигнут, при том гораздо раньше, чем у других.

Чем это объяснить?

Есть понятие психического контагия («заразы», по словам Бехтерева, что лежит в основе возникновения и распространения массовых психических эпидемий, порою с весьма зловещими последствиями), благодаря чему возникают индукционные воздействия участников лечебной группы друг на друга и всего коллектива в целом, что понятно, принимая во внимание общую атмосферу эмоционального накала. Проводя сеансы за рубежом, я убедился, что преодолим даже языковой барьер, если он есть между психотерапевтом и участниками лечебной группы. Чтобы быть понятым, хватает нескольких ключевых слов иностранного языка. Эффект же внушения связан с модуляциями голоса, экспрессией звуков, произносимых на незнакомом для участников группы языке.

МЕДИТАЦИОННАЯ АУТОГЕННАЯ ТРЕНИРОВКА. Обратившийся за помощью к психотерапевту должен все устремления и помыслы подчинять одной задаче — побороть болезнь. И верить: проводимые тренировки помогут достичь успеха. Подобное можно сравнить с всплеском чувств и активностью интуитивных действий, спасающих человека в экстремальных условиях, при угрозе жизни. Все силы души мобилизуются на эту работу. Это сродни вере в силу молитвы, обращенной верующим человеком к Богу. Именно такое эмоционально-психологическое состояние и составляет ядро методики, именуемой нами медитационной АТ. Возникающий при этом внутренний подъем и является тем саногенным стрессом, который, воплощаясь в самовнушение, способен исцелять и дух, и тело.

Когда же нам говорят, позвольте, но ведь аутогенная тренировка это релаксация, расслабление, успокоение и дремотное состояние, внутреннее умиротворение и тишина? Да, внешняя тишина. Но внутри человека — экстаз, незримое миру волнение, буря чувств и мыслей, состояние, о котором Леонардо да Винчи сказал: «Тишина сильнее бури».

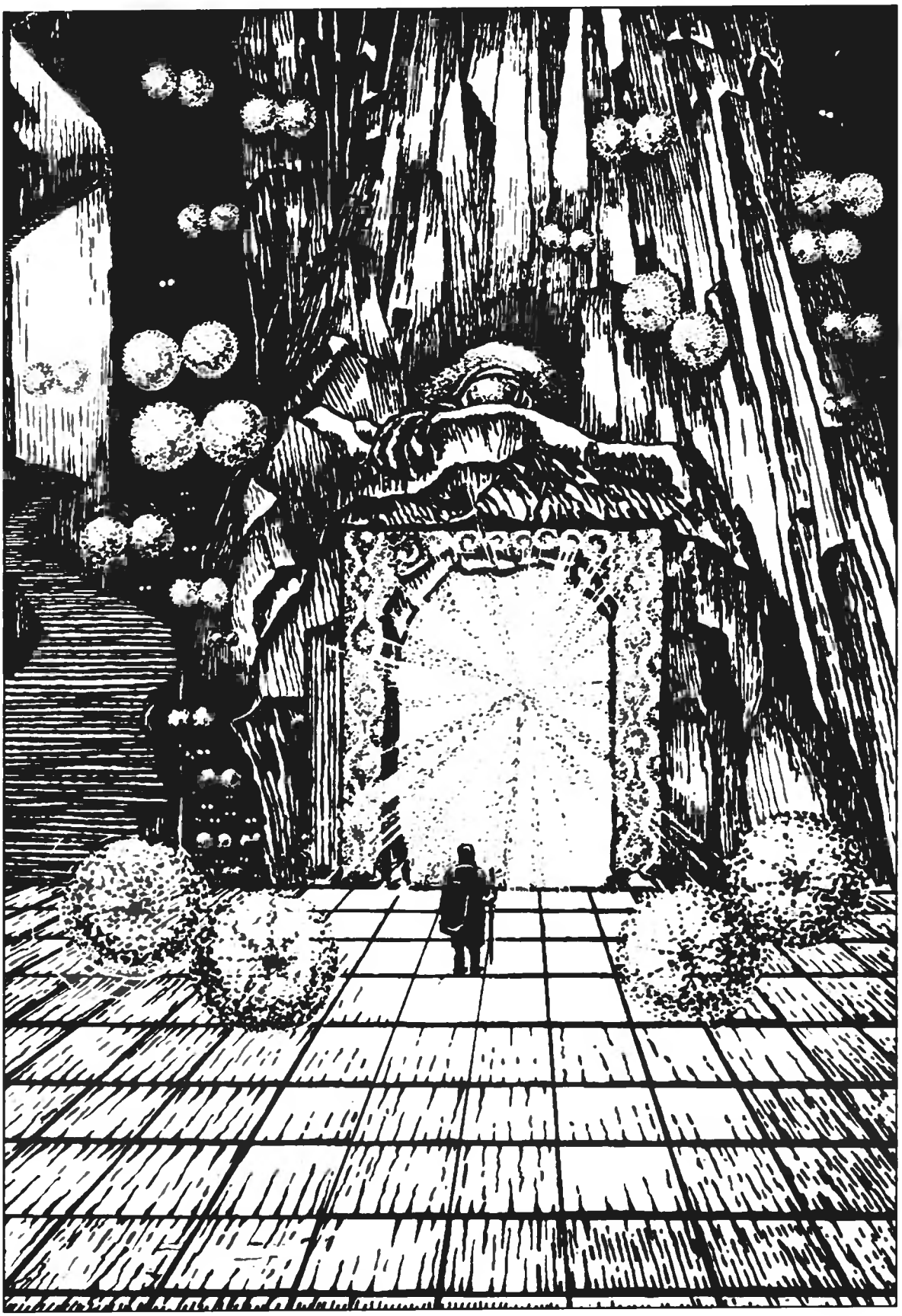
Что требуется для успешного занятия психотерапией? Чтобы пресечь самонадеянные попытки заниматься этим делом дилетантски, процитирую немецкого исследователя Иоганна Шульца, автора «Руководства по психотерапии для специалистов и врачей практиков» (переведенного на русский язык и изданного в Берлине в 1925 г.). От них требуется «всего лишь»: «терпение, спокойствие, критичность, правдивость, умение сохранять тайну, такт, прямота, темперамент, ясность понятий, объективность, непредвзятость, образ жизни и чувствований свободного человека, дар хорошего исповедника, энергичного начальника, все взвешивающего дипломата, пророка, художника и много-много другого».

Однако добавим, что обречен чувствовать себя случайным гостем в специальности и человек без знаний философии, психологии, социологии, религиоведения, истории, литературы, изобразительного искусства, музыки.

Значимость этого возрастает сегодня при наличии, как сказал Карл Ясперс, «постоянной угрозы со стороны шарлатанов, «пророков» и «спасителей».

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь смехачи!

Велимир Хлебников. «Заклятие смехом».



ЭКСПЕРИМЕНТ

Абрахам Меррит

Обитатели бездны

К северу от нас взметнулся в небо луч света. Он вырвался из-за горы, к которой мы брели с самого утра, — сверкающий столб, видимый очень отчетливо, как полоса дождя на фоне грозовых туч. Рассекая вечернюю дымку, словно луч прожектора, он не отбрасывал тени. Благодаря ему мы смогли как следует разглядеть вершину — пятиконечную, напоминавшую формой человеческую руку, которая как будто что-то отталкивала от себя. Луч продержался в воздухе всего лишь несколько секунд, а затем рассыпался мириадами искр: те закружились над землей, словно выискивали некую пропажу.

В лесу все стихло. Впечатление было такое, будто деревья затаили дыхание. Собаки жались к моим ногам. Я чувствовал, как они дрожат, видел, что шерсть на загривках встала дыбом. Псы неотрывно следили за порхающими в небе искорками. Я посмотрел на Старра Андерсона. Тот глядел на север, где тянулся к зениту новый луч.

— Гора-рука! — выдавил я. В горле у меня пересохло, как если бы я выпил гнусное снадобье Лао Цзая.

— Она-то нам и нужна, — отозвался Андерсон.

— Но свет... Что это такое? Наверняка не зарницы.

— Какие сейчас могут быть зарницы? — буркнул Старр. — Мне кажется, там идет какая-то странная погоня. Нам повезло, до нас лучи не достают.

— Смотри, гора словно движется, — заметил я. — Интересно, кого или что она отталкивает? Знаешь, мне вспоминается облачная длань Шан Надура, которой он запечатал Врата Призраков, чтобы избавить мир от всякой нечисти.

Андерсон жестом призвал меня к молчанию и прислушался.

Налетевший с севера ветерок принес с собой диковинный звук, тихий, едва различимый, в котором тем не менее ощущалась скрытая сила, как в завываниях тех вихрей, что бушевали на заре мироздания, обрывая листву дерев, среди которых пряталась Лилит. Звук повелевал, манил за собой, звал туда, где сверкали лучи. Он требовал повиновения. Мне стало страшно; в то же время меня так и подмывало выбежать на свет, нырнуть в него, погрузиться с головой. Я испытывал, должно быть, муки подобные тем, что выпали на долю Улисса, когда он, привязанный к мачте, слышал гибельное пение сирен. Внезапно звук сделался громче.

— Черт возьми, что творится с собаками? — воскликнул Старр Андерсон. — Ты только взгляни!

Животные, поскуливая, устремились на свет и вскоре исчезли за деревьями. До нас донесся скорбный вой, который, впрочем, быстро затих.

Поляна, на которой мы разбили лагерь, находилась, по моим подсчетам, милях в трехстах от того места, где делает свой первый поворот река Кускоквим. Мы вышли из Доусона ранней весной, соблазнившись легендой, рассказанной нам знахарем из племени атабасков: о пятиконечной вершине, на склонах которой золото валяется прямо под ногами. Индейцы наотрез отказались сопровождать нас, заявив, что на ту гору наложено заклятие.

Наш путь был долгим и тяжелым. Наконец вчера вечером мы заметили на горизонте цель своих поисков, а сегодня окончательно убедились в том, что не ошиблись.

Андерсон насторожился. Сквозь призывный звук можно было различить хруст и треск, словно в кустарнике на краю поляны возился медвежонок. Я подбросил в костер хворосту, и тут из кустов выползло на четвереньках какое-то существо, нелепое и вместе с тем вызывающее чувство брезгливости. Способ, каким оно передвигалось, напоминал мне карабкающегося по лестнице малыша. Мы схватились за оружие, но оно не понадобилось. Перед нами был человек! Он кое-как добрался до костра и рухнул навзничь.

— Спасен, — прошептал он мгновение спустя. — Спасен. Им теперь меня не достать. Только не отвечайте...

— Спятил, — убежденно заявил Андерсон, наклоняясь над беднягой. — Не волнуйтесь, — прибавил он. — За вами никто не гонится.

— Не отвечайте им, — повторил человек, — я имею в виду огни!

— Огни? — любопытство пересилило во мне жалость. — Что это такое?

— Обитатели бездны, — выдавил он. Андерсон опустился на колени.

— Господи Боже! Фрэнк, посмотри!

Он указал на руки ночного гостя. Те заканчивались культышками: пальцы стерлись до основания, кожа слезла, тыльная сторона ладоней начисто лишилась мяса. Мой взгляд задержался на толстом металлическом обруче, что опоясывал мужчину; к нему крепилось кольцо, с которого свешивался десяток звеньев золотистой цепи.

— Кто он такой и откуда взялся? — проговорил Андерсон. — Видишь, он спит и даже во сне пытается ползти! А колени, Фрэнк, колени! Боже, Боже мой!

Андерсон не преувеличивал. Руки и ноги спящего продолжали двигаться, однообразно, размеренно, будто он куда-то взбирался; казалось, конечности обрели вдруг собственную волю и как бы отделились от тела, которое оставалось неподвижным. Если вам доводилось когда-нибудь наблюдать, как поднимаются и опускаются штанги семафоров, вы без труда поймете, что я хочу сказать.

Внезапно призывный звук пропал. Луч света в очередной раз рассыпался искрами и больше не появился. Спящий затих. Небо над нами посерело: короткая летняя аляскинская ночь близилась к концу. Андерсон потер глаза и повернулся ко мне.

— Эй! — воскликнул он. — Ты, часом, не заболел?

— Посмотри на себя, Старр, — посоветовал я. — Мы оба перепугались так, что до сих пор поджилки трясутся. Что будем делать?

— Подождем, пока проснется, — ответил он, тыча пальцем в фигуру, что лежала на земле, укрытая на-

шими одеялами. — Он все нам расскажет: от кого бежал и почему за ним гнались. Те огни, Фрэнк, не полярное сияние и не зарницы, а скорее блики адского пламени.

— Сегодня дальше не пойдем, — сказал я. — Не хочу будить его, ни ради золота, которого якобы навалом за той горой, ни ради бесов, что прячутся в ее тени.

Наш новый товарищ спал крепким сном. Мы вымыли и перевязали ему культяшки рук. Он не шевелился, лежал в той самой позе, в которой уснул, слегка поджав колени. Я взял напильник и принялся пилить металлический обруч. Тот оказался золотым, но такого золота мне еще видеть не доводилось. Оно внушало отвращение и вело себя как живое: прилипало к напильнику, корчилось, извивалось — я готов в этом поклясться. Сняв обруч с тела, я немедленно отшвырнул его в кусты.

Мы провели на поляне весь день. Наступила ночь, а беглец все спал. Той ночью нас не тревожили ни лучи голубого света, ни назойливые искры, ни призывные звуки. Зло отступило — но недалеко. Мы с Андерсоном по-прежнему ощущали его; оно затаилось и выжидало.

Спящий проснулся около полудня следующего дня. Услышав его голос, я даже подскочил от неожиданности.

— Долго я спал? — справился он, вопросительно поглядев на меня.

— Ночь и почти два дня.

— Прошлой ночью вы не видели огней? Зова не слышали?

— Нет, — ответил я.

— Значит, они утихомирились, — проговорил мужчина, перевернулся на спину и уставился в небо.

— Кто они? — спросил Андерсон.

— Обитатели бездны!

Мы недоуменно воззрились на него, и вдруг я вновь ощутил то желание погрузиться в призрачный свет под горой.

— Да, обитатели бездны, — повторил он, — порождения злобного духа, избежавшие гнева Всевышнего и уцелевшие во время Потопа. Они заманили меня.

Мы с Андерсоном переглянулись. Нам обоим пришла в голову одна и та же мысль.

— Нет, — возразил беглец, угадав, о чем мы думаем, — я вовсе не сошел с ума. Налейте мне чего-нибудь, только совсем чуть-чуть. Я скоро умру. Обещайте, что возьмете меня с собой на юг, а после смерти сожжете на костре. Иначе они вновь призовут меня! Поверьте, я говорю чистую правду, — прибавил он, заметив, что мы колеблемся; пригубил разбавленного водой бренди и продолжал: — Хотите знать, что находится за горой? Ад! Слушайте. Меня зовут Стэнтон, Синклер Стэнтон. Выпускник Йейла 1900 года, путешественник. В прошлом году я отправился из Доусона на поиски пяти вершин, что торчат из земли пальцами человеческой руки. Полагаю, вас привело сюда то же самое? Осенью мой товарищ серьезно заболел, и я был вынужден отослать его с несколькими индейцами обратно. Немного погодя, узнав, куда я направляюсь, остальные индейцы попросту сбежали. Я решил зазимовать, выстроил себе хижину, запасся провизией и стал дожидаться тепла. По счастью, зима была не слишком суровой. Весной я двинулся дальше и недели через две углядел на горизонте пять вершин, не с этой стороны, а с другой. Плесните мне еще бренди. Выяснилось, что я чересчур уклонился к северу, потому пришлось возвращаться. Здесь сплошной лес, который тянется до подножия горы, а там... — Он запнулся.— Там тоже лес, но более редкий, и постепенно сходит на нет. Выбравшись из него, я очутился на равнине столь унылой, что мне невольно вспомнилась пустыня, которая мало-помалу поглощает развалины Вавилона. Вдалеке виднелись желанные пики, а перед ними — нечто вроде тропы, выложенной по краям камнями. Это оказалась дорога.

— Дорога?— воскликнул Андерсон.

— Совершенно верно, отличная, ровная дорога, что вела прямиком к горе. Она была вымощена плитами, настолько истертыми, будто миллионы ног маршировали по ним на протяжении тысячелетий. Какое-то время спустя я обратил внимание на придорожные камни. К ним явно прикасался резец камнетеса; я пришел к заключению, что вижу руины каких-то древних строений. Их древность не подлежала сомнению. Пики приближались, камней у дороги становилось все больше. От них веяло чем-то зловещим, они внушали страх и, как ни странно, жалость — дряхлые призраки, тени былого.

Посмотрев вперед, я заметил, что дорога ныряет в дебри развалин и проходит меж двух высоких скал, что образовывали как бы подобие ворот, — беглец сделал паузу. Руки его судорожно подергивались, на лбу выступили капли пота. Успокоившись, он улыбнулся.

— То и впрямь были ворота. Я достиг их, миновал — и распростерся в пыли, исполненный благоговейного трепета. Дорога привела меня на утес, который круто обрывался в бездну. Вообразите себе пропасть в три раза шире Великого Каньона, котловину, дна которой не различить, — столь она глубока! Я словно бросил взгляд в бесконечность, где вращаются планеты. На противоположной стороне пропасти возвышались пики, к которым я так стремился. Они выглядели простертой к небесам могучей дланью. Примерно тысячью футами ниже края обрыва котловину затягивала голубоватая дымка, похожая на ту, что собирается в сумерках над холмами. Но пропасть! Она напоминала мне залив Раналак — бездну, что, по верованиям маори, разделяет живых и мертвых; преодолеть ее под силу лишь только что освободившейся душе, а назад пути нет.

Я кое-как поднялся и, чтобы устоять на ногах, оперся рукой на один из столбов. Мои пальцы нащупали странную выпуклость. Отступив на шаг, я пригляделся и увидел вырезанное в камне изображение человека, стоявшего спиной к дороге, с воздетыми над головой руками, в которых он сжимал диск, что испускал лучи наподобие солнечных. На диске имелись символы, которые я принял сначала за китайские иероглифы, но тут же осознал свою ошибку. Ведь их высекли задолго до того, как прародители современных китайцев зашевелились в утробе Времени. Второй столб в точности повторял первый. Головы обеих фигур венчали диковинные колпаки. Сами столбы были трехгранными; рисунки располагались на сторонах, выходивших к пропасти. У меня сложилось впечатление, что люди на барельефах пытаются кого-то или что-то отогнать. Я присмотрелся повнимательнее: на заднем плане неведомый резчик изобразил множество шаров и скопление каких-то существ.

Я провел пальцем по камню, и внезапно мне стало плохо, накатили слабость и тошнота. Неожи-

данно мне представились — четко, словно наяву — громадные слизняки. Их раздутые тела то приближались, то отдалялись, но головы, похожие на те самые шары, неподвижно висели в воздухе. Я испытывал невыразимое отвращение. Приступ рвоты повалил меня на землю... и тут я увидел лестницу.

— Лестницу?!

— Да. Она казалась не вырубленной в скале, а пристроенной к ней. Каждая ступенька имела футов двадцать в длину и пять в ширину. Их вереница уводила вниз и исчезала в голубой дымке.

— Лестница, ступеньки, — недоверчиво протянул Андерсон. — Спуск в бездонную пропасть...

— Не в бездонную, — поправил его беглец. — У пропасти было дно, и я его достиг. Да, достиг. Я спустился по лестнице, — он, похоже, на мгновение отвлекся. — Я спустился по ней, однако не в тот день, нет. Я заночевал у ворот, на рассвете набил провизией мешок, наполнил две фляги водой из родника, что обнаружил по соседству, собрался — и переступил через край обрыва. Ступеньки вели вниз под углом приблизительно в сорок градусов. По дороге я изучал их. Лестницу построили из зеленоватого камня, сильно отличающегося от порфира, чьи пласты образовывали стены пропасти. Поначалу я решил, что строители воспользовались естественным выступом, который возник в незапамятные времена, когда некая горная порода сумела пробиться на волю сквозь залежи порфира, но скоро засомневался в правильности подобной догадки — ведь в природе не бывает ничего неизменного, а угол спуска и не думал меняться.

Опустившись на полмили, я очутился на площадке, после которой лестница делала крутой поворот и вновь устремлялась вниз, все под тем же углом. Чередование пролетов послужило лишним доказательством того, что лестница — не каприз Природы, а творение чьих-то рук. Но чьих? И зачем она вообще понадобилась? Ответ на эти вопросы погребен под руинами вдоль дороги и, как мне кажется, навсегда.

К полудню я потерял из виду край пропасти. Сверху, снизу, со всех сторон меня окружала голубая дымка. Я не чувствовал ни головокружения, ни страха; меня снедало нетерпение, поскольку я изнывал от любопытства. Что мне суждено открыть? Останки древней цивилизации, что владычествовала над миром, когда на полюсах буйствовала тропическая растительность? Подземное царство? Разгадку тайны человека? Я был уверен, что встреча с живыми мне не грозит, так как, судя по состоянию лестницы, те, кто ее соорудил, жили давным-давно. Воспаленное воображение рисовало картины одна великолепнее другой, и я бежал по лестнице чуть ли не вприпрыжку, торопясь узнать, куда она ведет.

Через каждые три тысячи ступенек мне попадались отверстия в стене. Как выяснилось позже, то были входы в маленькие пещеры. Возле одного такого входа, спустившись в пропасть мили на три (правда, из-за множества поворотов они растянулись на добрых десять), я остановился передохнуть и заглянул внутрь. Пещеру украшали все те же резные изображения; но здесь фигуры были обращены к наблюдателю лицами, черт которых, впрочем, не удавалось различить. Зловещие твари на заднем плане отсутствовали.

Я заполз в пещеру. Ее протяженность составляла около двадцати ярдов. В ней было сухо и достаточно светло, а снаружи сверкала и переливалась голубая дымка. Я чувствовал себя в полной безопасности (вот только от чего?), ибо догадывался, что фигуры у входа были стражами (опять-таки, какому врагу они преграждали путь?) По совести, эти вопросы не слишком меня занимали: мне было так покойно, что даже любознательность несколько притупилась. Я перекусил, утолил жажду и лег спать, а когда проснулся, то продолжил спуск. Свои припасы я расходовал экономно, благо мне не особенно хотелось ни есть, ни пить. Следующую ночь я также провел в пещере, наутро двинулся дальше, а вечером впервые увидел город. — Беглец помолчал. — Да, город, город в бездне! Мне довелось узреть то, что, должно быть, таилось до сих пор от взоров смертных. Пропасть, очевидно, имела форму бутылки; под пятью вершинами находилось ее «горлышко». Каких размеров она достигала в поперечнике, я не знаю. Может статься, две-три тысячи миль. А на дне раскинулся город.

Сперва сквозь дымку замерцали огоньки, потом показались макушки деревьев, которые являли собой жутковатое зрелище. Высокие и тонкие стволы венчали клубки щупальцев, на концах которых торчали, словно змеиные головы, крошечные листочки. Деревья были ярко-красного цвета. Под ними мелькали желтые пятна, чья поверхность то и дело покрывалась рябью. Я понял, что вижу водоемы, однако чем они заполнены и отчего по ним пробегает рябь, определить не сумел.

У моих ног распростерся город — чудовищное нагромождение цилиндров, лежавших горизонтально и собранных в пирамиды по три, пять или десять. Мне трудно описать его так, чтобы вы вообразили, о чем идет речь. Хотя... Представьте себе, что у вас имеются в достаточном количестве водопроводные трубы. Вы кладете три штуки рядом, потом пристраиваете сверху две и еще две; или так — внизу пять, затем четыре, три, две и одна. Представили? Вот так все и выглядело. Над этими цилиндрами возвышались башни, минареты, купола и совершенно невозможного вида статуи. Рядом со зданиями, что светились всеми оттенками розового, росли кошмарные деревья, похожие на многоголовых гидр, стерегущих логово гигантских червей.

Несколькими футами ниже лестница переходила в исполинскую арку, столь же неземную, как мост, что переброшен через Хель к Асгарду. Арка упиралась в вершину самой высокой пирамиды и как бы растворялась в ней. Ужасный город, обитель демонов...

Беглец прервал рассказ. Его глаза закатились, он задрожал, прошептал что-то неразборчивое, и шепот был словно отзвуком того шелеста, который мы слышали в лесу. Я положил руку на лоб страдальца, моля без слов, чтобы он очнулся.

— Черт побери! — выдавил наконец Стэнтон. — Они не отпускают меня. Но поздно, поздно! — воскликнул он, а затем, как ни в чем не бывало, продолжил свое повествование: — Я пересек мост и приблизился к той пирамиде. На мгновение меня окутал голубой мрак. Я ступил на винтовую лесенку, спустился по ней и оказался... за неимением лучшего придется назвать то помещение комнатой. Я по-прежнему стоял на лесенке, но мрак рассеялся, и теперь можно было осмотреться. Пол комнаты находился в сотне футов подо мной, стены-полумесяцы величественно возносились к невидимому краю пропасти; помещение заполнил диковинный алый свет, слегка напоминавший тот, каким сверкает опал. Заинтригованный увиденным, я поспешил вниз и вскоре очутился на полу. Вдалеке вы-

сился алтарь; основаниями для его резных колонн с многочисленными завитками служили изваяния неведомых чудищ. Сам алтарь был вытесан из громадного пурпурного камня, который изобиловал барельефами. О, не спрашивайте меня, что они изображали! Человек не в состоянии воспринять их; они были для меня все равно что тени, рыскающие в аду. Мой рассудок не улавливал ни формы, ни содержания, тем не менее они каким-то образом запечатлелись в сознании, вызвав смутные образы древней вражды, яростных схваток между мерзостными тварями, побед, одержанных в насыщенных испарениями джунглях, гнусных обрядов и церемоний...

Внезапно я ощутил присутствие живого существа. Оно притаилось на верху алтаря, в пятидесяти футах над моей головой. Я чувствовал его каждым волоском, каждой клеточкой кожи. Живое существо, бесконечно ужасное и бесконечно злобное! Оно выжидало удобный момент, чтобы напасть, и оставалось невидимым. Позади меня сиял голубой свет. Как будто по наитию я попытался вернуться на лесенку, но не тут-то было. Страх перед невидимым наблюдателем подхватил меня, закружил, как водоворот, и швырнул прямо в круг света, а затем повлек дальше, мимо цилиндров, мимо красных деревьев и выложенных камнями канав. Мне бросилось в глаза, что цилиндры сильно смахивают на стволы неких каменных эвкалиптов, а причудливая резьба напоминает фантастические переплетения орхидей. Эти цилиндры поражали и повергали в ужас. Им следовало исчезнуть заодно с динозаврами. Они потрясали воображение и сводили с ума.

В них имелись отверстия, подобные тем, что встречались мне при спуске в стене пропасти. Я проник в одно из таких отверстий и попал в просторное помещение со сводчатым потолком футах в двадцати от пола. В потолке виднелась щель, сквозь которую проступали очертания похожей комнаты наверху. Помещение заполнял все тот же алый свет.

Неожиданно я споткнулся. По спине у меня побежали мурашки, сердце пропустило удар. Я протянул руку и коснулся чего-то холодного и гладкого, что вдруг шевельнулось, и я опрометью кинулся прочь, исполненный отвращения, которое отдавало безумием. Когда я пришел в себя, то увидел, что по-прежнему нахожусь среди каменных цилиндров и красных деревьев; желая поскорее вернуться к храму с чудовищным алтарем, я огляделся по сторонам. Меня терзал страх, схожий, должно быть, с тем, какой испытывает, попадая в ад, душа грешника. Голубая дымка стала плотнее и ярче, цилиндры тоже заблестели и засверкали, и внезапно я догадался, что наверху, в моем мире, наступили сумерки и что уплотнение дымки — сигнал обитателям бездны просыпаться. Я поспешил спрятаться за видневшимся в двух шагах от меня изваянием, подумав, что, может быть, мне удастся отсидеться за ним и переждать опасность. Вдруг послышалось невнятное бормотание, которое постепенно переросло в громкий шепот. Я выглянул из-за статуи и заметил на улицах подземного города множество огней. Они появлялись из отверстий в цилиндрах и кружились в воздухе, на высоте, как мне показалось, от двух до восьми футов — мелькали туда-сюда, чинно проплывали парочками, останавливались и перешептывались и при этом оставались не более чем огнями.

— Огни-призраки! — выдохнул Андерсон.

— Вот именно, — произнес рассказчик. — Впрочем, они явно были живыми, обладали сознанием и волей. Самые крупные из них достигали в поперечнике двух футов. В центре каждого помещалось ядро, красное, голубое или зеленое, окруженное чем-то вроде ореола, за которым начиналась пустота; но чувствовалось, что это впечатление обманчиво, что в действительности пустоту заполняют могучие тела. Я напрягал зрение, надеясь все-таки разглядеть их, но тщетно.

И тут нечто холодное и тонкое, будто плеть, притронулось к моему лицу. Я резко обернулся. За спиной у меня висели четыре бледно-голубых огня. Они рассматривали меня — да, рассматривали, словно у них были глаза! Другое невидимое щупальце легло мне на плечо. Ближайший из огней что-то прошептал. Я закричал. Неожиданно всякий шепот на городских «улицах» стих. С трудом отведя взгляд от бледно-голубой четверки, я высунул голову из-за статуи: к моему укрытию поднимались миллионы огней! Скоро их собралось столько, что мне почудилось, будто я очутился на Бродвее. Дюжина щупалец коснулась меня, и я закричал снова, а потом провалился в темноту, потеряв сознание.

Очнувшись, я обнаружил, что каким-то образом оказался в просторном помещении у подножия винтовой лесенки и лежу у алтаря. Меня окружало привычное алое свечение. Огни не показывались. Я вскочил и кинулся было к лесенке, однако сильный рывок вынудил меня упасть на колени. Только теперь я заметил на поясе желтый металлический обруч, от которого к кольцу, вбитому в камень алтаря, тянулась серебристая цепь. Я полез за ножом. Ножа в кармане не было! Меня лишили всего, кроме фляг с водой, что болтались на шее; очевидно, их приняли за часть тела.

Я попробовал разорвать обруч. Тот вырвался у меня из рук и лишь туже сдавил талию. Тогда я рванул цепь. Она даже не шелохнулась. Неожиданно я вновь ощутил присутствие того внушавшего панический ужас существа — и распростерся пред алтарем, устрашенный одной лишь мыслью о том, что оно способно сделать со мной. Прошло какое-то время, прежде чем ко мне вернулось самообладание. Я осмотрелся и увидел рядом с одной из колонн желтую миску с прозрачной жидкостью. Я жадно приник к ней губами, вовсе не думая о том, что жидкость, может статься, ядовита, но все обошлось, и ко мне начали потихоньку возвращаться силы. Похоже, смерть от истощения мне не грозила. Обитатели бездны, кто бы они ни были, имели, судя по всему, представление о потребностях человека.

Потом алое свечение сделалось гуще, послышался приглушенный гул, и в храм влетели огни. Они располагались рядами, друг за другом. Гул сменился напевным шепотом, в такт мелодии огни то взмывали вверх, то опускались вниз. Так продолжалось всю ночь, и под конец мне почудилось, будто я превратился в песчинку на дне пронизанного шепотом океана, песчинку, которая повторяла все движения огней. Даже мое сердце забилось в лад с их колыханием! Но вот вокруг посветлело, и шепот стих. Огни куда-то пропали, оставив меня в одиночестве, и я понял, что снаружи, над пропастью, занимается день.

Я заснул, а когда проснулся, нашел у колонны все ту же миску с прозрачной жидкостью. Поев, я принялся изучать цепь, а затем взялся тереть одно о другое два ее звена и занимался этим до самого вечера. Мне удалось кое-чего добиться, и угасшая было надежда затеплилась снова.

Вскоре прилетели огни, и отправление обряда, свидетелем и невольным участником которого мне

выпало быть, возобновилось. Шепот зачаровывал, проникал в потаенные уголки души, принуждал к повиновению. Мои губи задрожали, словно я пытался исторгнуть крик о помощи, а потом с них сорвался шепоток. Я вторил обитателям бездны! Мое тело отказывалось слушаться, и я — прости меня, Господи! — как бы слился с безымянными подземными тварями и потому, видимо, стал различать очертания их фигур.

Я увидел раздутые тела, десятки щупалец, разинутые рты под переливчатыми огнями. Мне будто явились призраки огромных отвратительных слизняков. На рассвете слизни поспешили покинуть храм — не ползком, а по воздуху. Они поднимались над полом и вылетали в отверстие в стене храма.

Вместо того чтобы заснуть, я снова взялся за цепь. Работа шла медленно, однако надежда крепла. Вечером обитатели бездны опять заставили меня поклоняться той твари, что восседала на алтаре.

Миновало два дня, то есть алое свечение дважды сначала становилось гуще, а затем рассеивалось. На пятые сутки плена я перетер-таки цепь и освободился от нее, бросился к лесенке, пробежал, зажмурив глаза, мимо невидимого существа наверху алтаря, выскочил из пирамиды, преодолел мост и устремился туда, где светит солнце.

Вы не представляете, что это такое — карабкаться по ступенькам, зная, что за спиной у тебя ад. Слепой страх гнал меня вперед, но какое-то время спустя, когда подземный город уже исчез в голубой дымке, я понял, что не в силах сделать и шага. Сердце колотилось, как барабан. Я забрался в одну из пещерок, устроился в ней как можно дальше от входа и стал ждать. Едва наступил вечер, снизу, со дна пропасти, донесся низкий утробный звук; дымку пронзил луч света. Когда он поблек, я различил снаружи своего убежища мириады огней. То сверкали глаза обитателей бездны! Раз за разом вспарывали дымку лучи, раз за разом взмывали над городом призрачные слизняки. Они искали меня! Они знали, что я где-то на лестнице!

Призывный шепот проникал в меня, и я едва удерживался от того, чтобы не откликнуться. Я сознавал, что стоит мне подать голос, и я погиб, а потому крепко закусил губу, чтобы не издать ненароком ни единого возгласа. Пляска лучей и огней продолжалась всю ночь, и всю ночь я молил о спасении резные фигуры на стенах пещеры.

Беглец замолчал. Походило на то, что с ним вот-вот случится обморок. Наконец он как будто немного оправился.

— Я задумался, кто вырезал эти фигуры? Кто воздвиг дома вдоль дороги, что вела к пропасти, кто построил гигантскую лестницу? Кто и зачем? Неужели кого-то не пугали ужасные слизни, неужели кому-то от них что-то было надобно? Наверное — ведь столь грандиозные сооружения просто ради любопытства не возводят. Однако какую же цель преследовали неведомые зодчие? И почему они, обитавшие наверху, канули в небытие, а твари в бездне выжили? — Рассказчик посмотрел на нас. — Ответа у меня нет, и вряд ли он появится, когда я умру.

Рассвет принес с собой тишину. Я осушил до дна флягу, выбрался из пещеры и возобновил подъем. Около полудня ноги не выдержали. Тогда я разорвал рубашку и обмотал кусками полотна колени и руки. Пришлось ползти на четвереньках: иного выхода не было. Под вечер я вновь укрылся в одной из пещер и приготовился наблюдать за тем, как сгущается дымка, сверкают и рассыпаются мириадами огней лучи, а от стен пропасти отдается эхом зловещий шепот. Все так и было, за тем исключением, что изменилась тональность шепота: он больше не угрожал, нет, он увещевал, упрашивал, манил.

Меня охватило неодолимое желание покинуть пещеру и присоединиться к огням, что кружились в голубой дымке; позволить им делать со мной все, что угодно, увлечь туда, откуда не возвращаются. Я разрывался между томлением и страхом, а желание становилось все сильнее с каждым новым лучом, что возносился из бездны. Мое тело словно превратилось в маятник, я раскачивался взад-вперед в такт лучам, однако нечто все же не пускало меня наружу и побудило приложить ладонь к непослушным губам. Всю ночь я сражался — с самим собой и чарами обитателей бездны.

На рассвете, чуть не выпав из пещеры на лестницу, я понял, что все кончено: любое движение отдавалось болью во всем теле. Тем не менее я заставил себя кое-как, на четвереньках, преодолеть первый десяток ступеней, а там руки и колени онемели, и боль куда-то исчезла. Временами я впадал в забытье, а очнувшись, замечал, что, сам не ведая как, продолжаю подниматься. Остальное я помню довольно смутно. Бесконечные пролеты лестницы, укромные уголки пещер, тысячи переливчатых огней, настойчивый, призывный шепот... Однажды ночью, придя в себя, я увидел, что нахожусь уже у входа в пещеру, откуда рукой подать до голубой дымки с ее проклятыми огоньками! К счастью, я сумел справиться с собственным телом. Помню, как боролся со сном, как, проклиная все на свете, карабкался по ступенькам, что вели на поверхность.

Едва помню, как перевалился через край обрыва, дополз до ворот, миновал их, чувствуя, что высеченные на столбах исполины в диковинных остроконечных колпаках помогают мне, отгоняя светящиеся шары, которые так и норовят подхватить меня и скинуть в черный провал, где среди красных деревьев со змеями вместо ветвей кружатся астероиды и планеты. Еще помню, что спал долго-долго, отсыпался за все бессонные ночи, а проснувшись, увидел на севере сверкание лучей, мельтешение огней, услышал манящий шепот — и осознал, что теперь они не властны надо мной. Потом снова полз; мои члены, как корабль Старого Морехода*, двигались по собственной воле. Ваш костер... Спасение... — Беглец криво улыбнулся нам и так и заснул — с улыбкой на устах.

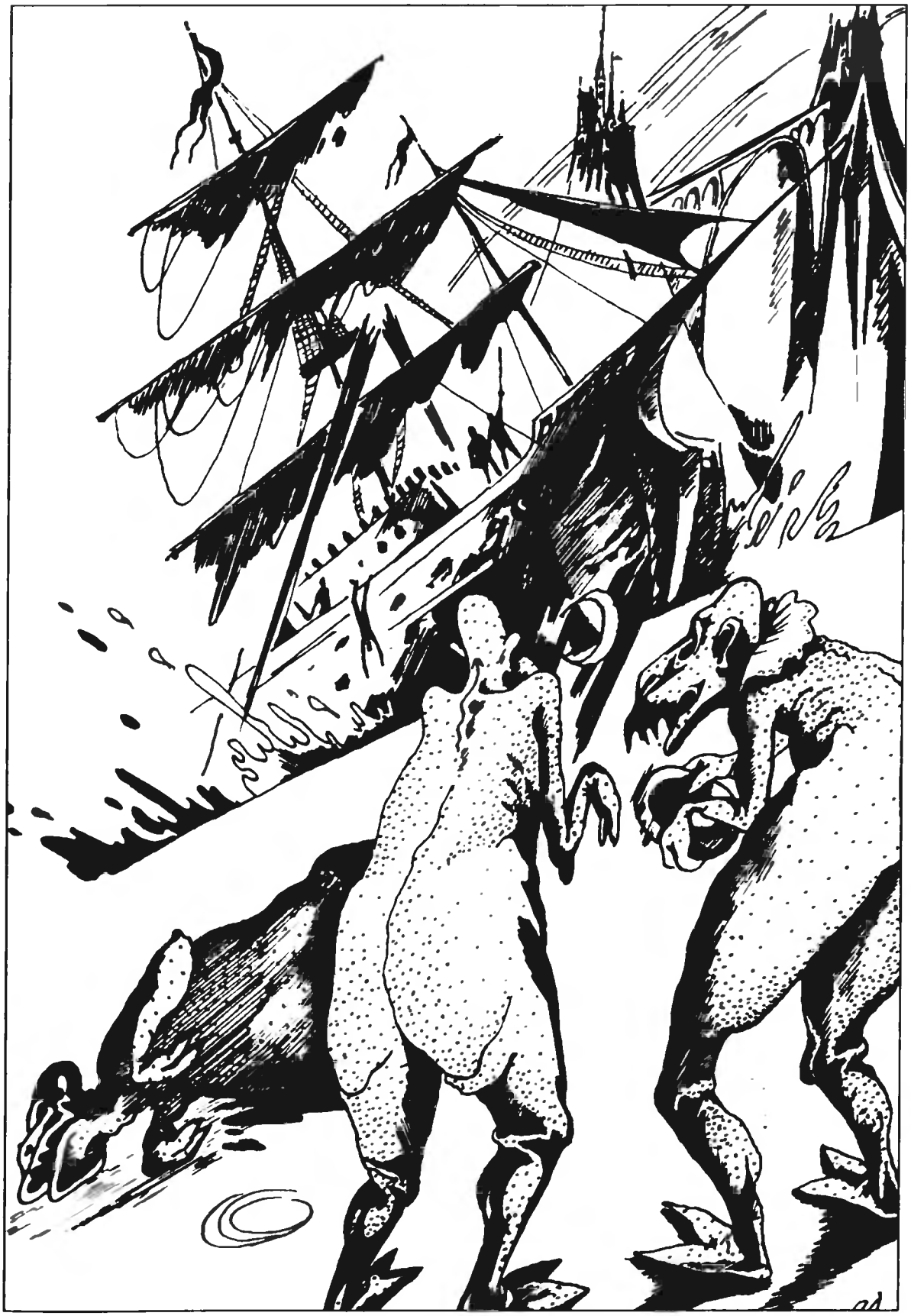
Чуть погодя мы собрались и отправились обратно на юг, уложив Стэнтона на самодельные носилки. Мы несли его три дня, и все три дня он спал, а затем, так и не проснувшись, умер. Мы выполнили его просьбу: развели костер, сожгли тело, а пепел развеяли по ветру. Чтобы вернуть этот прах к жизни, необходимы могущественные заклятия, какими не владеют, как мне почему-то кажется, даже обитатели бездны.

Мы с Андерсоном больше не пытались достичь пятиконечной вершины горы, что напоминает формой человеческую руку; и если там и впрямь столько золота, что его можно собирать, не нагибаясь, — пускай оно дожидается тех, кто окажется безрассуднее нас.

Перевел с английского Кирилл КОРОЛЕВ

---

* *Старый Мореход — герой поэмы английского поэта-романтика Сэмюэла Т.Колриджа «Сказание о Старом Мореходе».*



РЕЗУЛЬТАТ

Майкл Муркок

Глаза Яшмового Гиганта

Десять тысяч лет владычествовала над миром Светлая Империя Мелнибонэ, славная своими волшебниками-правителями, драконьими полчищами и золочеными боевыми барками. Из Призрачного Города Иммрира, столицы острова Мелнибонэ, управляли человечеством Светлые Императоры. Однако в самих мелнибонэйцах — высоких ростом, гордых, жестоких, таинственных, благородных, сведущих в колдовстве — ощущалось нечто чуждое человеческой природе. Им доводилось бывать в загадочных Вышних Мирах, а потому они знали, что с великолепием тех миров не идут в сравнение никакие чудеса Земли. На правителей Молодых Королевств мелнибонэйцы смотрели с высокомерным презрением, а простолюдинов убивали или обращали в рабство.

Но миновала сотня веков, и власть Мелнибонэ начала ослабевать. Империю до самого основания сотрясали неурядицы, вызванные могучими руническими заклятиями. О былом величии напоминали только сам остров да его единственный город, Иммрир — по-прежнему неприступный, по-прежнему внушающий страх. Слава его гремела по свету уже не столь громко, но так или иначе город оставался торговой столицей мира.

И так могло бы продолжаться до скончания времен, если бы не вмешательство Судьбы.

В течение нескольких последующих веков, нареченных эпохой Молодых Королевств, возникло на краткий срок и кануло в небытие немало крошечных империй: Шигот, Мэйдагк, С'элим, Илмиора и другие. А потом Земля и пространство над ней пришли в движение: на наковальне Судьбы ковались жребии людей и богов, повсюду бушевали ужасные войны и творились великие дела. В те годы мир узнал много славных воинов.

Главным же героем тех лет был Элрик, последний правитель Мелнибонэ, владелец испещренного рунами Черного Клинка — Бурезова.

Впрочем, вряд ли стоит величать Элрика героем, ибо не кто иной, как он предал свой род и возглавил войско Морских Владык, которое двинулось на Иммрир с территории Молодых Королевств. Битва закончилась разрушением города и гибелью нападавших. Однако Элрика вела тогда рука Судьбы, хотя он долгие годы об этом и не подозревал. Элрик Мелнибонэйский, гордый принц уничтоженной империи, последний правитель вымирающей расы, стал бродягой. При звуке его имени сердца жителей Молодых Королевств преисполнялись ужасом и ненавистью. Элрик с Черным Мечом, колдун, убийца родичей и разрушитель своего дома, ведать не ведал о направлявшей его Судьбе...

...Жил когда-то в Пэн-Тэнге некий чародей, которого звали Телеб К'азрна. Элрик, всегда готовый отомстить за любую обиду (что причинило ему самому и другим немало горя), этого чародея ненавидел. На протяжении трех лет он тщетно гонялся за Телебом и наконец настиг его в Бакшаане, городе, что превосходил богатством все остальные поселения Северо-Востока. Именно в роскоши Бакшаана К'азрна обрел свой последний приют.

Коренастый и рыжеволосый Хмурник, спутник Элрика, хотел двинуться на юго-восток, в мирные земли Илмиоры, однако принца влекло на Южный континент. Там он провел зиму, проматывая в городах Аргимилиара остатки своих сокровищ и безуспешно стараясь забыться.

Из «Хроники Черного Клинка»

1

Чалал считался самым красивым из всех городов Молодых Королевств. Некоторые даже говорили, что он ровня Имрриру, призрачному городу Мелнибонэ, но те, кому довелось побывать в обоих, находили красоту Чалала более человечной.

Город Чалал раскинулся на обеих берегах реки Ча, стремившей свои воды через страну Пикарейд, правители которой, как повелось с их родоначальника, Морнира Первого, были не только королями, но и покровителями искусств. Широкие улицы города заполняли монументы и статуи. Ни один из домов не был похож на другие. В солнечный день глаза слепили блики солнца на белом мраморе, шлифованном граните и алебастре стен. Величайшие мастера Молодых Королевств вложили душу в создание чудесных парков и садов, фонтанов, скверов и лабиринтов. Чалал был величайшим из сокровищ Пикарейда, и страна долго отказывала себе во всем ради его творения.

Как-то весной в Чалале появились двое странного вида людей. Они медленно ехали по отделанной мрамором и ляпис-лазурью набережной реки на своих усталых шазарианских лошадях. Один, очень высокий, белокожий, с красными глазами и молочного цвета волосами, был перепоясан громадным мечом в ножнах. Второй, значительно ниже своего спутника, сардонически поглядывал по сторонам из-под копны рыжих волос. Он имел два меча, первый из которых был длинным и кривым, тогда как другой напоминал своим размером кинжал.

Люди эти явно прибыли издалека: одежды их запылились, лица несли следы усталости. Они были похожи на неудачливых купцов или на ландскнехтов, потерявших свою армию. Но горожане, видевшие их, узнали высокого человека и догадались, кто его спутник. А узнав, вряд ли обрадовались: об Элрике Мелнибонэйском ходила дурная слава. Молва нарекла его убийцей, предателем и грабителем родичей, приносящим с собою лишь ужас и смерть.

Горожанин, которого путники встретили у одного из чудесных мостов через Ча, не пытался скрыть испуг и враждебность. Хмурник из Элуэра рассмеялся:

— По-моему, наше появление не вызывает особой радости, Элрик.

Элрик пожал плечами; на лице его появилась слабая улыбка.

— Можно ли их винить в том, что они желают покоя для своего города?

Запыленное лицо Хмурника исказила усмешка.

— А может, они заплатят нам, чтобы мы убрались отсюда? Из-за твоей расточительности наши кошельки пусты, как желудок голодной коровы. А в Чалале, говорят, есть такое правило: любой путник должен уплатить налог за лицезрение всей здешней красоты.

— Им придется потрудиться, чтобы получить налог с нас. Давай-ка поищем приют вон за тем мостом.

Лошади затрусили по гранитному мосту, украшенному статуями героев Пикарейда.

Вдруг Хмурник показал рукой вперед. К мосту мчались несколько всадников в сверкающих доспехах. На предводителе был шлем с алым плюмажем, забрало скрывало лицо. Элрик со спутником направили своих лошадей в сторону, уступая дорогу. Предводитель отряда поблагодарил их, подняв руку в салюте, но вдруг, резко обернувшись, бросил взгляд на Элрика. Всадники промчались по мосту и поскакали дальше по широкой улице, обсаженной каштанами, листья которых приветствовали весну.

— Должно быть, этот рыцарь видел тебя раньше, — заметил Хмурник. — Судя по оружию, он не из Чалала. Только бы он не оказался одним из тех, кто имеет на тебя зуб.

— Да, таких много, — беззаботно согласился Элрик, — правда, никому еще не удалось отомстить мне.

— Глупцы, ведь у тебя Черный Меч.

Они долго искали постоялый двор, но нигде их не приняли даже на ночь. В Чалале без туго кошелька лучше было не появляться. Наступила ночь. Хмурник стал еще более угрюм. Наконец Элрик спешился и подвел лошадь к огромному мраморному монументу, возвышавшемуся над лужайкой белых цветов. Лошадь принялась щипать цветы, а Элрик уселся на землю, опершись спиной о пьедестал. — Я буду спать здесь. Ночь довольно теплая. — Завернувшись в свой потрепанный плащ, он закрыл глаза.

Хмурник повернул коня и поскакал к реке.

Элрик проснулся от холода. Облака закрыли луну, и в двух шагах уже ничего не было видно. Он встал и потянулся. Вдруг в ночи вспыхнули огоньки, около дюжины, и все они быстро приближались. Скоро Элрик увидел фонари в руках всадников, одетых в кожаные короткие куртки и такие же шапочки. Кроме фонарей, у всадников были круглые щиты, мечи и пики.

Командир отряда взглянул на Элрика, лицо которого скрывал капюшон.

— Что ты здесь делаешь, чужестранец?

— Пытаюсь заснуть, — отозвался Элрик. — Но холод ночи и твое появление помешали мне.

— А почему ты не остановился на постоялом дворе?

— Это мне не по карману.

— А заплатил ли ты Налог Путника?

— Нет.

Воинственное лицо капитана стражи посуровело.

— Значит, ты уже нарушил два из немногих законов Чалала.

— Не спорю. А теперь прошу тебя: иди своей дорогой, а я все же попытаюсь заснуть.

— Перед тобой капитан стражи, — угрюмо произнес собеседник Элрика. — В мои обязанности входит взимать Налог Путника и задерживать бродяг, оскорбляющих своим видом взоры тех, кто приехал в Чалал любоваться его красотой.

— Лучше бы ты забыл про свои обязанности, — посоветовал Элрик. — Мне наплевать на все законы мира, а уж тем более — на здешние.

— Клянусь Валсаком, ты поплатишься за свою наглость! Может, я и отпустил бы тебя, согласись ты уйти, но теперь...

Элрик сбросил с плеч плащ и положил ладонь на рукоять Бурезова. Меч тихонько заурчал.

— Советую тебе исчезнуть, — хмуро произнес принц. — Если я выну этот клинок, ты наверняка умрешь.

Капитан стражи улыбнулся и махнул рукой в сторону своего отряда.

— Не будь глупцом, чужестранец. Если ты не окажешь сопротивления, наказание будет легким. Но если ты убьешь хотя бы одного, тебя ждет пожизненная каторга в каменоломнях.

— Если этот клинок появится на свет, то смерть настигнет вас всех, — перебил его Элрик. — Знай, перед тобой Элрик, принц Мелнибонэйский, и в руках у него Черный Клинок!

Багровое лицо капитана побледнело. Но отступить он уже не мог:

— Кто бы ты ни был, я должен выполнить свой долг. Эй, стража!..

— Что за перебранка? Капитан, ты понимаешь, что обращаешься к моему другу принцу Элрику?

Капитан с видимым облегчением обернулся к внезапно появившемуся всаднику. Это был рыцарь лет сорока, с квадратным лицом, в сверкающих доспехах, полуприкрытых белым плащом, в шлеме с алым плюмажем. Тот самый, которому Элрик уступил дорогу на мосту.

— Он не заплатил Налог Путника, господин, — произнес капитан. — Поэтому я обязан...

Всадник отцепил от пояса небольшой кошелек и швырнул его на землю.

— Здесь нужная сумма, да и кое-что сверх того.

Капитан нагнулся и поднял кошелек:

— Благодарю, господин. Пошли, ребята!

Стражники канули в темноту, оставив Элрика одного с незнакомцем.

— Благодарю тебя, — сказал Элрик. — У меня не было никакого желания убивать их.

— Сочту за честь предложить тебе кров в своем доме.

— Я не из тех, кто просит милостыню.

— Я знаю, принц. Это я прошу твоей помощи. Вот уже несколько месяцев я ищу тебя.

— Что тебе нужно от меня?

— Может, ты позволишь мне рассказать об этом за столом в доме, который я снял в Чалале? Это недалеко отсюда.

Помедлив, принц согласился. Он вскочил в седло, и двое всадников тронулись в путь. Вскоре они достигли здания, окруженного низкой стеной, заросшей виноградной лозой и плющом. Проехав через ворота, они очутились во дворе; грум принял коней. Войдя в дом, они прошли коротким коридором и очутились в теплой хорошо освещенной комнате, где уже стоял накрытый стол. Почувствовав запах горячей пищи, Элрик осознал, насколько он проголодался. За столом уже сидел человек. Увидев Элрика, он ухмыльнулся и встал.

— Хмурник!

— Привет, Элрик. Слуги этого господина сказали, что я найду тебя здесь. Однако жду я уже целый час!

Когда гости уселись, хозяин произнес:

— Позвольте назвать и свое имя, принц: я герцог Эван Эстран из Старого Хролмара, что в Вилмире.

— Я слышал о тебе, — Элрик налег на салат, принесенный слугой. Герцог Эван Эстран был известен как искатель приключений. — Мне рассказывали о твоих странствиях.

Герцог Эван улыбнулся.

— Да, я жил в твоем Мелнибонэ, а на востоке добирался до родных краев мастера Хмурника — Элуэра и Неизвестных Королевств. Я бывал в Миирхне, где живут Крылатые Люди, доходил до Края Света и надеюсь, что однажды загляну и за Край. Но никогда я не пересекал Кипучего Моря и знаю лишь узенькую полоску побережья Западного Континента, которая не имеет названия. Кажется, ты там бывал?

— Один раз, когда Морские Владыки собирались в свой роковой поход.

Элрик бросил взгляд на Хмурника, лицо которого вдруг напряглось и стало тревожным.

— Ты никогда не бывал в глубине Западного Континента? — продолжал свои расспросы герцог Эван.

— Нет.

— Но как ты знаешь, есть свидетельства, что твои предки пришли в наш мир именно оттуда.

— Свидетельства? Несколько ветхих легенд, вот и все.

— Одна из этих легенд рассказывает о городе, который старше призрачного Иммрира, но существует до сих пор в непроходимых лесах на западе.

— Ты имеешь в виду Р'лин К'рен А'а? — Элрик попытался изобразить безразличие.

— Да. Странное название. И странно ты его произнес...

— Оно означает «Где встречаются Высшие». Это древний язык Мелнибонэ. Но города нет.

— Есть. На карте, которую мне удалось раздобыть.

Неторопливо, разжевав мясо, Элрик проглотил кусок.

— Несомненно, это фальшивка.

— Возможно. Ты помнишь что-нибудь еще из легенды о Р'лин К'рен А'а?

— Еще я слышал про Обреченного на Жизнь, — Элрик отодвинул тарелку и налил себе вина. — Говорят, будто город получил свое название из-за того, что однажды там собрались Владыки Вышних Миров, чтобы обсудить правила Космической Битвы. Их разговор подслушал один из жителей города, который остался в нем, когда другие в страхе бежали. Когда Владыки обнаружили его, то в наказание присудили ему вечную жизнь и устрашающее знание...

— Я тоже слышал эту историю. Но больше всего меня заинтересовало, что обитатели Р'лин К'рен А'а так никогда и не вернулись в свой город. Вместо этого они двинулись на север и пересекли море. Некоторые осели на острове, который мы теперь называем Колдовским; а других сильным штормом занесло на большой остров, населенный драконами, — на Мелнибонэ.

— И ты хочешь проверить, правда ли это. Значит, твой интерес — просто любопытство книгочея?

— Отчасти. Но основная причина, скажем так, более прозаическая. Твои предки оставили там громадные сокровища. Они бросили даже идола Эриоха, Владыки Хаоса, — чудовищную статую, вырезанную из яшмы, глаза которой — два огромных драгоценных камня, равных которым по величине и чистоте нет. Камни из другой плоскости бытия. Говорят, они способны открыть многие тайны Вышних Миров, поднять занавес над прошлым и будущим, указать дорогу в инобытие...

— У всех народов есть подобные легенды.

— Но мелнибонэйцы — особая раса! Ты ведь прекрасно знаешь, что они не совсем люди. Силы их велики, знания безмерны.

— Все это было давно, — перебил Элрик. — У меня нет ни подобных сил, ни обширных знаний. Я лишь частичка былого.

— Я искал тебя в Бакшаане и позднее в Джадмере не для того, чтобы ты подтвердил услышанное мной. Мне нужен был единственный человек, который способен стать моим спутником в поисках истины.

Элрик осушил кубок с вином.

— Из того, что мне довелось слышать о герцоге Эване, он не тот человек, которому нужна поддержка...

Герцог Эван рассмеялся снова.

— Я пошел один в Элуэр, когда мои люди бросили меня в Плачущей Пустыне. Я мало чего боюсь на этом свете, принц. Но в живых я оставался потому, что всегда тщательно готовил свои предприятия. В этом путешествии я могу столкнуться с опасностями, которые мне не по плечу, — колдовством, например. Мне нужен союзник, имеющий опыт подобных схваток. Ты ведь такой же бродяга, как и я, принц Элрик. Если бы не твоя склонность странствовать, твой кузен вряд ли бы захватил в твое отсутствие Рубиновый Престол Мелнибонэ...

— Хватит, — с горечью произнес Элрик. — Где карта?

— Ты отправишься со мной?

— Покажи карту.

Герцог вытащил из кармана платья свиток.

— Где ты ее взял?

— На Мелнибонэ.

— Ты недавно был там? — Элрик почувствовал нарастающий гнев.

Эван поднял руку.

— Многие бродят по развалинам Иммрира, милорд. Многие ищут сокровища. Я же искал знания. Я обнаружил ларец, запечатанный так, словно он должен был храниться вечно. В том ларце оказалась карта.

Герцог развернул свиток. Элрик узнал язык — древний Высший Язык Мелнибонэ. Это была карта части Западного Континента. Территории, изображенной на ней, он не видел ни на одной другой карте. Большая река проникала, извиваясь, в глубь материка миль на сто или даже больше. Судя по рисунку, река эта проходила через лес и разветвлялась на два рукава, которые впоследствии соединялись снова. На островке между двумя рукавами черной краской был нарисован кружок. Возле него затейливым древним шрифтом было начертано: Р'лин К'рен А'а.

Элрик внимательно разглядывал свиток. На фальшивку не похоже.

— Больше там ничего не нашли? — спросил он.

— Свиток тоже был запечатан, и из его печати мы извлекли вот это, — герцог Эван протянул Элрику небольшой рубин такого густого красного цвета, что сперва он показался Элрику черным, но, повернув камень так, чтобы на него падал свет, принц увидел в центре рубина рисунок идола и узнал его. Он нахмурился, затем произнес:

— Я соглашаюсь на твое предложение, герцог Эван. Можешь ты мне оставить этот камень?

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет. Но, похоже, могу выяснить.

— Ну что ж, бери. Себе я оставлю карту.

— Когда ты предполагаешь отплыть?

— На побережье отправимся завтра. Мой корабль готов. Мы двинемся вдоль южного берега в Кипучее Море.

— Немногие вернулись из плавания по тем водам, — пробормотал с иронией Элрик. Он поглядел на Хмурника: взгляд того умолял не соглашаться на предложение герцога. Элрик улыбнулся приятелю. — Это приключение как раз по мне.

Хмурник с несчастным видом пожал плечами.

2

Берег Лормира исчез в теплом тумане. Вилмирианская шхуна, грациозно разрезая носом волны, двинулась на запад, к Кипучему Морю.

Однажды Элрик уже видел его: тогда он пролетал над ним на птице, сделанной из золота, серебра и меди, разыскивая мрачный остров, на котором стоял волшебный дворец Эшаналуна — дворец Майшеллы. Сейчас, стоя на полуюте и глядя на клубящийся впереди туман, Элрик старался не думать о Майшелле, не вспоминать былых чувств. Он отер пот с лица, повернулся и увидел встревоженное лицо Хмурника.

— Потерпи меня еще, мастер Хмурник. Твои опасения всегда оправданны, однако я не обращаю на них внимания. Интересно, почему?

Хмурник мрачным взглядом окинул туго натянутые паруса шхуны.

— Потому что ты ищешь опасности, как другие ищут любви или выпивки, — ведь в опасностях ты забываешься.

— Да? Немногие же из тех опасностей, которым мы вместе смотрели в лицо, помогли мне забыться. Скорее они укрепили мою память, изменили мою скорбь. — Элрик глубоко, с печалью, вздохнул. — Я иду за опасностью, потому что думаю, будто там может скрываться ответ, причина всей этой трагедии. И в то же время я знаю, что ответа мне не найти.

— Тем не менее ты ведь за ним и плывешь в Р'лин К'рен А'а? Найти его у своих далеких предков?

— Этот город — миф. Даже если карта не врет, мы обнаружим лишь развалины. Имррир простоял десять тысяч лет, а основан был по крайней мере через два века после того, как мой народ перебрался на Мелнибонэ. Время расправилось с Р'лин К'рен А'а.

— А Яшмовый Идол?

— Если статуя и существовала, за прошедшие сотни веков она наверняка разрушилась.

— А Обреченный на Жизнь?

— Легенда.

— Но ты надеешься, что если все обстоит так, как утверждает герцог Эван...

— Нет, Хмурник, я б о ю с ь, что все обстоит так.

Ветер дул порывами, и шхуна продвигалась медленно. Духота нарастала. Команда опасливо переговаривалась; на лицах матросов застыл испуг. Только герцог Эван как будто сохранил присутствие духа. Он призывал своих людей приободриться, обещая всем скорое богатство. Матросы приготовили весла и разделись, чтобы удобнее было грести.

Море пузырилось и ревело вокруг корабля; туман затруднял видимость, и держать курс приходилось по грубым навигационным инструментам. Однажды из моря выскочила какая-то зеленая тварь: она поглядела на корабль и рухнула обратно в воду. Путники мало ели и мало спали; Элрик практически не уходил с полуюта. Хмурник молчаливо терпел удушающую жару; герцог Эван поспевал везде, подбадривая людей, и, казалось, не испытывал особого неудобства.

— В конце концов, — сказал он Хмурнику, — мы ведь пересекаем только залив этого моря. Попробуй представить, что происходит в центре.

— Нет уж, хватит с меня и этого. Мне кажется, я сварюсь заживо к концу дня.

Эван ухмыльнулся.

— Выше нос, мастер Хмурник. Если верить моим картам, то через пару дней мы очутимся у берегов Западного Континента.

— Мне от этого будет не легче, — пробормотал Хмурник и отправился искать свою каюту.

Но скоро море стало менее неистовым, туман начал рассеиваться, жара чуть спала — и наконец судно очутилось в спокойных водах, под голубым небом, на котором сверкало золотое солнце. Команда повеселела. На маленьком песчаном островке, где похоронили троих, не выдержавших испытания, матросы обнаружили фрукты и родничок. Герцог Эван позвал Элрика к себе в каюту и показал ему древнюю карту.

— Гляди. Вот здесь наш островок. Еще три дня, и мы окажемся в устье реки.

Элрик кивнул.

— Разумнее будет остаться ненадолго здесь и полностью восстановить силы. Должны быть какие-то причины того, что никто в течение веков не пытался пройти через тот лес.

— Там наверняка дикари, кое-кто утверждал даже, что они не люди. Убежден, что с этим препятствием мы справимся. Но сделаем так, как ты предлагаешь.

На четвертый день их стоянки у острова задул сильный восточный ветер, и решено было поднять якорь. Шхуна резво двинулась вперед, команда увидела в этом добрый знак.

— Глупцы, — заявил Хмурник, стоя рядом с Элриком на носу корабля. — Придет время, когда они пожелают оказаться снова в Кипучем Море, лишь бы подальше от тех мест. Это путешествие не принесет выгоды никому из нас, Элрик. Пусть даже мы отыщем все сокровища Р'лин К'рен А'а.

Элрик не ответил. Его захлестнули воспоминания. Его отец и мать были последними законными правителями Светлой Империи — гордые, беспечные, жестокие. Они лелеяли надежду, что их сын восстановит былую славу Мелнибонэ. Вместо этого он уничтожил последние остатки славы. Родители его, как и он сам, были лишними в новой эпохе, эпохе Молодых Королевств, но отказывались признать это. Путешествие на Западный Континент, на землю предков, имело для Элрика особый смысл. Там не было новых народов. Континент ничуть не изменился с тех пор, как жители покинули Р'лин К'рен А'а. Лес — это тот же лес, по которому бродили его предки, земля — та же земля, что дала рождение его расе, сплавив в единое целое характер народа, его мрачные развлечения, его печальные искусства и темные восторги. Чувствовали ли предки эту агонию, эту безысходность от одного лишь горького знания, что существование не имеет смысла, цели, надежды? Элрик знал, что многие интеллектуалы Молодых Королевств жалеют могучий народ Мелнибонэ — жалеют, как юродивых. Но если они были юродивыми и если они обрушили на мир безумие, длившееся сотню веков, зачем они

сделали это? Возможно, Р'лин К'рен А'а позволит разгадать тайну, скрываемую лесом и глубокой рекой, издавна несущей свои воды. Может быть, там наконец он найдет покой.

Элрик провел пятерней по своим молочно-белым волосам; взгляд его алых глаз выразил муку. Он последний в своем роду — и ни на кого не похожий. Хмурник ошибался. Элрик знал, что все сущее имеет свою противоположность. В войне он сможет найти мир. И, естественно, в мире таится битва. Почему-то больше всего истины — в парадоксах. Поэтому процветают философы и прорицатели. В совершенном мире для них не нашлось бы места. В мире несовершенном тайны всегда неразрешимы, и потому всегда есть большой выбор решений.

На утро третьего дня показался берег. Пройдя мимо песчаных отмелей, шхуна бросила якорь в устье темной безымянной реки.

3

Наступил вечер. Тени деревьев удлинились. Из сумеречного леса доносились крики зверей и птиц. Воздух был пряным от лесных испарений. Элрику не терпелось двинуться дальше. О сне — и обычно-то не очень желанном — теперь не было и речи. Элрик недвижно стоял у борта, как будто ожидая какого-то события. Глаза его были полуприкрыты, и вряд ли он о чем-либо думал. Элрику хотелось, чтобы лес поглотил его. Он мечтал стать одним целым с деревьями, с кустами, с лесным зверьем. Принц глубоко вдохнул пряный воздух, словно это могло помочь его желанию. Жужжание насекомых звало его в самую глубь древнего леса. Но он не шевельнулся, не смог ответить на зов. Наконец на палубу поднялся Хмурник. Он коснулся плеча Элрика, позвал его, и принц безвольно сошел в свою каюту, завернулся в плащ и пролежал так всю ночь, прислушиваясь к голосу леса.

Утром следующего дня они подняли якорь и двинулись на веслах вверх по реке наперекор ленивому течению. Даже герцог Эван выглядел немного озабоченным. Путникам казалось, что солнечный свет остался позади вместе с морем. Ветви деревьев нависали над их головами, образуя огромный сумрачный туннель. Усыпанные яркими цветами лианы свешивались с ветвей и цеплялись за корабельные мачты. По деревьям шныряли похожие на крыс зверушки, с любопытством глазевшие на шхуну. Река сделала поворот, и море окончательно пропало из вида. Солнечные лучи иногда пробивались сквозь листву, приобретая зеленоватый оттенок. Элрик с настороженностью разглядывал лес и темную реку, над которой вились похожие на клочки тумана стаи мошкары, а по воде плыли цветы, похожие на капли крови среди чернил. Отовсюду доносились шорохи, всплески, бульканье и всхлипы — рыбы или речные животные гонялись за вспугнутой веслами добычей. Весла, вспарывая воду, поднимали из глубины громадные плети водорослей вместе с прятавшейся там водяной живностью.

Прошло несколько дней. Элрик едва заметил это, ибо лес не изменился. Потом река расширилась, деревья отступили, в бескрайнее небо взмыли огромные птицы, потревоженные приближением корабля. Команда была рада вновь очутиться под открытым небом. Все, кроме Элрика. Принц ушел вниз.

На корабль напали несколько дней спустя. Что-то просвистело в воздухе, раздался вопль, и один из моряков упал на палубу. Тонкий серый полукруг вонзился ему в живот. И тут же на палубу обрушился верхний рей, волоча за собой парус и шкоты. Еще одному из матросов снесло голову. Он сделал несколько шагов и повалился навзничь. Кровь хлестала струей из шеи. Повсюду слышался тонкий свистящий звук. Элрик выскочил на палубу, вытаскивая на бегу меч. Первым, кого он увидел, был Хмурник, в ужасе распластавшийся у борта. Элрику показалось, что по воздуху проносятся какие-то серые пятна, которые впиваются в людей, в паруса, в дерево бортов. Некоторые из них упали на палубу. Он увидел тонкие кристаллические диски около фута в диаметре. Летели они с обоих берегов, укрыться от них было невозможно.

Элрик попытался разглядеть противника. Что-то шевельнулось среди деревьев на правом берегу. Вдруг атака прекратилась. Это случилось так внезапно, что лишь через несколько минут люди зашевелились и поползли по кораблю в поисках укрытия. У руля появился герцог Эван, поднявший обнаженный меч.

— Вниз! Взять щиты и доспехи! Вооружайтесь, ребята, или нам конец!

Едва он произнес эти слова, как напавшие на них существа высыпали из-за деревьев и бросились в воду. Дисков больше не было. Кажется, нападавшие израсходовали весь свой запас.

— Клянусь Хардросом! — выдохнул Эван. — Они настоящие, эти твари, или с нами забавляется какой-нибудь колдун?

Существа эти казались похожими на рептилий, но с гребнем из перьев и кружевным воротом на шее. Главное же — лица их были почти человеческими. Передние лапы напоминали руки людей, но задние были очень длинными, как у аистов. Они двигались по дну реки, балансируя на этих своих ходулях. В руках они держали большие дубинки с прорезями, которые, несомненно, использовались для метания тех самых дисков. Элрик ощутил тошноту. Не колеблясь ни секунды, он поднял Бурезов.

Увидев меч, существа замерли. Блистающий клинок напугал не только их: герцог Эван и его люди побледнели.

— Боги! — произнес Эван. — Я не знаю, кто меня больше пугает, — те, кто напал на нас, или тот, кто нас защищает!

— Подальше от этого меча, — предостерег Хмурник. — Он поражает тех, кто больше всего дорог его хозяину.

Рептилии подобрались к шхуне. Цепляясь за борта, они полезли на корабль. Вооруженные моряки кинулись в схватку.

На Элрика набросились сразу несколько врагов, но Бурезов отразил все удары. Держа меч обеими руками, принц размахивал им, оставляя глубокие раны в чешуйчатых телах.

Твари шипели, агонизируя, раскрывая в последней ярости алые пасти; их черная кровь смешивалась с речной водой. Однако жизнь в них держалась поразительно долго, глубокие раны, нанесенные Бурезовым, как будто мало тревожили их. Обычно одного укола Бурезова хватало, чтобы душа человека отправилась к богам. На этих же тварей ничего не действовало. Быть может, у них и не было души...

Ненависть придавала Элрику сил.

Но повсюду на корабле моряки отступали. Борта над палубой были сломаны; громадные дубинки крушили доски, рвали шкоты и парусину. Дикари явно стремились уничтожить и команду корабля, и

сам корабль. Теперь уже сомневаться, за кем будет исход битвы, не приходилось.

Эван крикнул Элрику:

— Во имя всех богов, принц Элрик! Не призовешь ли ты на помощь волшебство? Иначе мы обречены!

Это был единственный выход. Корабль постепенно заполняли шипящие рептилии. Тела многих были изранены, однако подохли лишь две-три твари.

Элрик укрылся за дверью, почти сорванной с петель, пытаясь сосредоточиться и вспомнить заклинание. Он задыхался от изнеможения, ноги не держали его. Но из глубин памяти выплыли слова. Он не был уверен, что это как раз то, что нужно, но ничего больше вспомнить не удалось. Предки его много тысяч лет назад заключили договор с духами разных стихий, которые правили животным миром. В прошлом он пользовался помощью кое-кого из них, но к тому, кого собирался призвать сейчас, не обращался ни разу. Элрик заговорил на древнем Высшем Языке Мелнибонэ:

— Король, парящий на крыльях! Владыка всех невидимых тружеников! Ннуууррр'к'к, Повелитель Насекомых, призываю тебя!

Элрик перестал осознавать, что происходит вокруг. Он чувствовал лишь движение корабля. Звуки битвы отдалились, когда он послал свой голос из этой плоскости Земли в иную, где властвовал Ннуууррр'к'к, Король Насекомых.

Элрик услышал жужжание. Постепенно оно обрело смысл:

— Кто ты, смертный? По какому праву призываешь меня?

— Я Элрик, последний правитель Мелнибонэ. Мои прадеды помогали тебе, Ннуууррр'к'к.

— Да. Но это было давно.

— И также давно они в последний раз просили твоей помощи!

— Верно. Что же ты просишь, Элрик Мелнибонэйский?

— Взгляни на мой мир. Ты увидишь, что я в опасности.

Теперь Элрик увидел перед собой — словно через несколько слоев дымчатого шелка, — призрачную фигуру. Он попытался было разглядеть ее, но она ушла из его поля зрения, потом вернулась. Он знал, что видит сейчас другую плоскость Земли.

— Поможешь ли ты мне, Ннуууррр'к'к?

— У тебя нет покровителя из твоего рода? Какого-нибудь владыки Хаоса, который мог бы помочь тебе?

— Мой покровитель — Эриох. Он очень капризен. Я почти не знал от него помощи.

— Тогда я помогу тебе, смертный. Но не зови меня боле, когда все кончится.

— Это был мой первый и последний призыв, Ннуууррр'к'к.

Призрачная фигура исчезла.

Элрик снова услыхал шум схватки; выглянув из своего укрытия, он увидел, что по крайней мере половина команды мертва.

И вдруг воздух зазвенел; постепенно звон перешел в гул. Теперь его услышал и Хмурник, оказавшийся рядом с принцем. Он начал оглядываться в поисках источника звука. Вдруг он выдохнул, указывая вверх:

— Ты этого искал?

В голубом небе появилось бо́льшое черное облако. Оно устремилось к кораблю; сражающиеся стороны замерли, глядя вверх. Рыжее солнце, зеленый лес, глубокая синева неба — и черная туча.

Они походили на громадных стрекоз. От блеска их крыльев захватывало дух. Насекомые приближались, и жужжание становилось все громче и протяжнее.

Поняв, что атака направлена на них, рептилии бросились в воду, пытаясь достичь берега, прежде чем гигантские насекомые окажутся в опасной близости. Но было уже поздно.

Стрекозы так плотно облепили тела дикарей, что тех совсем не стало видно. Шипение жертв стало почти жалобным. Но насекомые продолжали убивать. Быть может, они жалили рептилий своими хвостами — людям ничего не было видно.

Время от времени из речных вод вздымалась вдруг длинная нога и судорожно дергалась в воздухе. Но вскоре исчезли из виду последние облепленные насекомыми рептилии, а их шипение было окончательно заглушено этим холодящим кровь жужжанием.

Отирая холодный пот со лба, герцог Эван подбежал к мелнибонэйцу:

— Твоя работа, принц Элрик? Благодарю тебя за помощь. Наше суденышко получило с дюжину пробоин, и вода прибывает очень быстро. Просто чудо, что корабль до сих пор держится на плаву! Я уже отдал приказ взяться за весла. Надеюсь, мы успеем добраться до острова. — Герцог махнул рукой вперед. — Вон он, прямо по курсу.

— А что если не все эти твари перебиты? — спросил Хмурник.

Эван угрюмо улыбнулся и указал на дальний берег:

— Гляди.

Около дюжины рептилий улепетывало в лес. Судьба их соплеменников была ясна.

— Вряд ли им захочется снова напасть на нас.

Огромные стрекозы уже парили высоко в небе. Эван с облегчением отвернулся, заметив, что черная туча осталась позади.

— Грозно же твое волшебство, принц Элрик!

Элрик улыбнулся и пожал плечами.

— Оно помогло нам, герцог Эван. — Он сунул в ножны свой рунический меч. Тот, будто не желая этого, скорбно застонал.

Хмурник оглядел оружие:

— Этому клинку скоро захочется попировать, Элрик, пожелаешь ты того или нет.

— Наверняка он сможет утолить свой голод в лесу, — ответил принц. Он переступил через обломок мачты и пошел вниз.

Бросив взгляд на пену, покрывающую поверхность воды, Хмурник вздрогнул.

4

К тому моменту, когда вооруженные веревками люди начали втягивать корабль на илистый берег острова, над поверхностью реки виднелась только палуба корабля. В двух шагах от берега возвышалась стена деревьев. Хмурник побрел по мелководью вслед Элрику.

Очутившись на земле, Хмурник принялся более внимательно разглядывать лес. Ни шороха не слышалось среди ветвей. Не пели птицы, не жужжали насекомые — все окутала тишина.

— Эти твои неведомые приятели напугали, похоже, не только тех тварей, — пробормотал Хмурник. — Тут как будто нет никого живого.

Элрик кивнул:

— Да, странно.

К ним присоединился герцог Эван. Он снял до-

спехи и облачился в кожаную куртку и в брюки из оленьей кожи. На боку висел меч.

— Нам придется оставить большую часть людей на корабле, — сказал он с сожалением. — Они займутся ремонтом, пока мы будем искать Р'лин К'рен А'а. — Он плотнее запахнулся в свой тонкий плащ. — Здесь довольно неуютно, вы не находите?

— Мы только что говорили об этом, — отозвался Хмурник. — Как будто все живое бежало с острова.

Герцог Эван ухмыльнулся:

— Если все, кто нам попадется, будут столь же робки, то нам просто нечего опасаться. Должен признать, принц Элрик, что если бы я замыслил против тебя зло, а потом увидел бы этих чудовищ, вызванных тобой, я бы крепко подумал, прежде чем осуществить свое намерение. Но тем не менее я благодарю тебя. Если бы не ты, мы бы все погибли.

— Ты же именно из-за этого пригласил меня с собой, — устало ответил Элрик. — Надо бы поесть и передохнуть. Потом двинемся дальше.

Тень прошла по лицу герцога Эвана. Он никак не мог понять принца.

Войти в лес оказалось делом нелегким. Шестеро вооруженных топорами матросов (остальные остались чинить корабль) начали прорубаться через подлесок. Над побережьем по-прежнему царила неестественная тишина. К ночи они продвинулись меньше чем на полмили и полностью выдохлись. Лес был таким густым, что они едва-едва сумели установить шатер. Единственный фонарь, маленький и чадящий, давал скудный свет. Матросы повалились кто где, прямо под деревьями.

Элрик не мог заснуть, но теперь виной этому был не лес. Принца беспокоила тишина. Он был уверен, что отнюдь не их появление прогнало всех живых существ. Но куда-то все подевались: грызуны, птицы, насекомые — никого не было видно. Похоже, на острове очень долго, возможно, столетия или десятки столетий, не жил никто, кроме растений. Элрик припомнил, что говорилось в легенде о Р'лин К'рен А'а. Предание гласило, что когда боги собрались там на совет, то бежали прочь не только жители города, но и животные. Никто не осмелился быть рядом с Вышними Владыками.

Когда на следующее утро они двинулись дальше, удары их топоров были единственным шумом, нарушавшим тишину леса. С магнетитом в одной руке и с картой в другой, герцог Эван пытался вести их, указывая, в каком направлении прорубать тропу. Но продвижение замедлялось. Этой дорогой никто не ходил в течение многих веков.

На четвертый день пути они вышли к плоской вулканической скале и обнаружили родник. Решено было разбить лагерь. Элрик только начал умываться холодной водой, как вдруг за спиной его раздался вопль. Он резко обернулся. Один из матросов прилаживал стрелу к тетиве лука.

— В чем дело? — крикнул герцог Эван.

— Там, милорд!

— Ерунда, тут ничего...

— Вон! — Матрос пустил стрелу в ближайшую группу деревьев. Там что-то шевельнулось; Элрику показалось, что между стволами мелькнула серая тень.

— Что это было? — спросил Хмурник у моряка.

— Я не понял. Но мне показалось, это человек, мастер, — с запинкой пробормотал матрос.

Элрик в раздумье поглядел на деревья.

— Человек?

Хмурник хорошо знал своего друга.

— Ты ожидал этого, Элрик?

— Я не был уверен...

Герцог Эван пожал плечами.

— Скорее всего, это тень облака между деревьями. А вообще, согласно моим вычислениям, мы должны были уже достичь города.

— Теперь ты считаешь, что его не существует? — спросил Элрик.

— Похоже, мне становится все равно, принц, — герцог оперся о ствол массивного дерева и отбросил в сторону висевшую перед его лицом лиану. — Однако делать больше нечего. Корабль еще не готов к отплытию.

Элрик повернулся к нему.

— Дай мне карту и магнетит, герцог. Мне кажется, я смогу найти дорогу.

Вилмирианец пожал плечами и вручил Элрику карту.

Ночь они провели у скалы, а утром двинулись дальше. Теперь их вел принц.

К полудню они выбрались из леса. Перед ними лежали развалины. Раньше это было городом Р'лин К'рен А'а.

5

Руины были абсолютно безжизненны. Булыжники выворочены из мостовых, стены домов обрушились, но в трещинах — ни былинки. Над всем этим тленом возвышалась гигантская фигура: выполненная из белой, сероватой и зеленой яшмы статуя обнаженного юноши. Лицо его, манившее почти женской красотой, было обращено пустыми глазницами на север.

— Глаза! — вскричал герцог Эван. — Их нет!

Остальные члены отряда в молчании глядели на статую и на развалины. Город оказался небольшим. Судя по незначительному числу украшений на домах, обитатели его были простыми, хотя зажиточными людьми — в отличие от мелнибонэйцев Светлой Империи. Элрик никак не мог поверить, что Р'лин К'рен А'а — родина его предков, уж слишком обыденным выглядел этот город.

— Тут кто-то успел побывать до нас, — сказал герцог Эван. — Проклятье, наше путешествие оказалось напрасным!

Элрик рассмеялся:

— Ты, что, и правда полагал, что сможешь добыть глаза Гиганта, милорд?

Статуя была не ниже любой из башен Города Грез; одна лишь голова не уступала размерами дому. Герцог Эван закусил губу, стараясь не показать, как его задела усмешка Элрика.

— Однако не все потеряно, — заметил он. — В Р'лин К'рен А'а есть и другие сокровища. Пошли...

Он повел отряд в город.

Уцелели немногие дома, но материал, из которого были выстроены здания, пробудил в людях любопытство — ничего подобного они ранее не встречали. Когда-то здесь играли краски, но теперь они выцвели. Приглушенные алые, желтые и голубые тона до сих пор поражали сотнями оттенков.

Элрик коснулся рукой холодной и гладкой стены. Это не камень, не дерево и не металл. Быть может, материал из другой плоскости?

Он попытался представить себе, каким был этот город до того, как жители его покинули. Широкие улицы; приземистые дома, окруженные большими дворами; никаких крепостных стен... Если это и вправду родина его предков, то что превратило мирных жителей Р'лин К'рен А'а в безумных строителей причудливых, фантастических башен Им-

мрира? Элрик думал, будто найдет здесь разгадку всех тайн, а вместо этого наткнулся еще на одну.

В этот момент над его головой просвистел первый диск и разбился о разрушенную стену.

Следующий диск снес полчерепа одному из матросов; третий рассек ухо Хмурнику. Люди попадали на землю, стараясь укрыться среди развалин.

— А эти твари мстительны, — заметил Эван жестко. — Они многим рискуют, пытаясь отплатить нам за смерть своих собратьев.

Лица матросов выражали ужас, да и в глазах Эвана мелькнуло нечто подобное.

Еще несколько дисков разбилось о камни, но было ясно, что на какое-то время рептилии потеряли людей из виду. Хмурник закашлялся: он вдохнул поднявшуюся из развалин белую пыль.

— Зови-ка снова своих грозных приятелей, Элрик.

Элрик покачал головой.

— Не могу. Мой союзник сказал, что в другой раз уже не придет. — Он поглядел влево: там стоял маленький домик, все четыре стены которого остались целы. Двери в домике не было, только окно.

— Тогда позови Эриоха, — настаивал Хмурник.

— Эриоха? Вряд ли...

Элрик перекатился по земле и бросился к домику, прыгнул в окно и упал на кучу камней, разодрав в кровь руки и колени.

Кое-как он поднялся. Вдалеке виднелась громадная, слепая статуя бога. Это должен быть идол Эриоха. Защищал ли он Р'лин К'рен А'а? Или угрожал городу? Кто-то вскрикнул. Элрик поглядел в том направлении: диск впился в руку одному из матросов. Он обнажил Бурезов, поднял его и повернулся лицом к статуе.

— Эриох! — воскликнул он. — Эриох, помоги мне!

Клинок полыхнул черным пламенем и загудел, словно присоединяясь в зову Элрика.

— Эриох!

Придет ли он? В последнее время покровитель королей Мелнибонэ отказывался откликаться, ссылаясь на более важные дела — имея в виду вечную борьбу между Порядком и Хаосом.

— Эриох!

Человека с мечом окутывал теперь трепещущий черный туман; белое лицо Элрика, казалось, дрожало в такт мерцанию тумана.

— Эриох! Прошу тебя о помощи! Тебя зовет Элрик!

И в ушах его раздался голос, мягкий, спокойный, убаюкивающий. Дружеский голос.

— Элрик, я обожаю тебя. Я люблю тебя более всех смертных, но помочь тебе не в силах — пока.

Элрик воскликнул в отчаянии:

— Но тогда мы обречены!

— Нет. Беги в лес. Оставь других и беги. Твоя судьба ждет тебя в другом месте и в другое время...

— Я не брошу их!

— Это глупость, милый Элрик.

— Эриох! Со времен основания Мелнибонэ ты помогал ее королям! Помоги же ныне последнему владыке!

— Я не могу расходовать свои силы. Грядет великая битва. Возвращение в Р'лин К'рен А'а может обойтись мне слишком дорого. Тебя спасут. Но другие погибнут.

С этими словами князь Хаоса ушел. Элрик ощутил его исчезновение. Он нахмурился, притронулся пальцами к поясу, пытаясь вспомнить некогда услышанное. Раздался шум, и в дом ввалился Хмурник.

— Где помощь?

— Боюсь, что ее не будет. — Элрик покачал головой. — Эриох снова отринул меня. Он снова предрекал великую судьбу и говорил, что ему необходимо беречь силы.

— Твои предки могли бы выбрать себе покровителя посговорчивее! Наши старые знакомые приближаются. Гляди, — Хмурник показал на окраину города. Принц увидел около дюжины длинноногих тварей с дубинками наготове: они двигались по направлению к дому.

Снова послышался шум. Из-под груды камней у другой стены выбрался Эван, за которым появились его люди. Герцог проклинал все на свете.

— На помощь рассчитывать не приходится, — сказал ему Элрик. Вилмирианец угрюмо кивнул.

— Надо попытаться спрятаться, — неуверенно предложил Хмурник. — Схватки нам не выдержать.

Один за другим люди выбрались из дома и двинулись искать укрытие, с каждым шагом приближаясь к центру города, к статуе Яшмового Гиганта.

Резкое шипение за спиной дало им понять, что их заметили. Тут же еще один вилмирианец упал: диск торчал у него между лопатками. Люди бросились бежать.

Впереди появилось красное здание в несколько этажей, с сохранившейся крышей.

— Туда! — крикнул герцог Эван.

Не колеблясь, они влетели внутрь, промчались по полуразрушенным пролетам и пыльным коридорам и остановились, переводя дыхание, в большом сумрачном зале. Тот был абсолютно пуст; сквозь трещины в стене пробивался дневной свет.

— Это здание сохранилось лучше других, — заметил герцог Эван. — Интересно, почему? Может, это укрепление?

Трое оставшихся в живых матросов боязливо оглядывались. Вид у них был такой, словно они предпочли бы сейчас схватку с тварями снаружи. Элрик сделал несколько шагов и замер, заметив рисунок на дальней стене.

Хмурник тоже увидел его.

— Что это, друг Элрик?

Элрик узнал буквы Высшего Языка древней Мелнибонэ, но они немного отличались от обычных, и ему понадобилось время, чтобы понять, о чем идет речь.

— Что там написано, Элрик? — прошептал герцог Эван, подойдя к принцу.

— «Если ты пришел убить меня, приветствую тебя. Если же ты пришел, не зная, как пробудить Яшмового Человека, тогда убирайся».

— Это для нас? — спросил Эван.

Элрик пожал плечами.

— За прошедшие десять тысяч лет ее могли нанести когда угодно и для кого угодно.

Хмурник подошел к стене и приложил ладонь к рисунку.

— Я бы сказал, что это случилось недавно. Краска еще не высохла.

Элрик нахмурился.

— Значит, здесь кто-то есть. Почему же они нам не покажутся?

— Может, здесь всего один житель, — сказал Хмурник. — Про которого ты вспоминал, Элрик. Обреченный на Жизнь. Скорее всего, это его послание...

— Пошли, — сказал Элван. — У нас нет времени вспоминать легенды. — Он пересек комнату, прошел еще через одну дверь и начал спускаться по обнаружившейся там лестнице. Вдруг он приглушенно вскрикнул.

Остальные спустились следом. Герцог стоял на

пороге еще одного зала, пол которого был устлан тонкими листами какого-то металла, гибкого, как пергамент. В стенах с геометрической последовательностью были пробиты тысячи отверстий, над каждым из них виднелся некий символ.

— Что это? — спросил Хмурник.

Элрик наклонился и подобрал один из кусков. На нем был выгравирован мелнибонэйский знак, который явно кто-то пытался стереть.

— Это библиотека, — сказал он тихо. — Библиотека моих предков. Кто-то стремился уничтожить ее. Эти свитки считались неразрушимыми, но кто-то очень постарался, чтобы их нельзя было прочесть. — Он разгреб обрывки металла-пергамента ногой. — Ясно, что наш друг — или друзья — ненавидит науки.

— Да уж, — с горечью согласился Эван. — Бесценная сокровищница знаний, и все искарежено!

Хмурник прислушался.

— Судя по звуку, твари уже в доме.

Теперь и остальные различили шлепанье лап в дальних коридорах.

Маленький отряд проследовал через зал и очутился в круто уходящем вверх коридоре. Впереди замерцал дневной свет.

— Коридор впереди разрушен и, похоже, завален, — сказал Элрик. — Крыша провалилась. Но, кажется, мы сможем выбраться.

То и дело оглядываясь назад, люди двинулись на свет. Наконец они очутились на центральной площади города. На дальнем конце ее виднелись ноги статуи, возвышавшейся теперь почти что над головами беглецов.

Прямо перед ними были два непонятных сооружения — в отличие от других домов, не подвергавшиеся разрушению. Куполообразные, граненые, они были сделаны из какого-то металла, напоминавшего хрусталь. Внизу по-прежнему слышалось движение рептилий.

— Поищем приют в ближайшем из зданий, — сказал Элрик и ринулся вперед. Один за другим они пробрались внутрь через неправильной формы отверстие в основании купола.

Очутившись внутри, они заколебались. Глазам стало больно от игры света. Невозможно было понять, куда идти.

— Как зеркальный лабиринт! — выдохнул Хмурник. — Вот это здорово! Знать бы, что это такое!

Коридоры, казалось, разбегались по всем направлениям — если только они не были отражениями того, где стояли люди. Элрик, крадучись, двинулся дальше, остальные — за ним.

— Пахнет колдовством, — пробормотал Хмурник. — Мы случайно не в ловушке?

Элрик вытащил меч. Тот заурчал тихо, почти жалобно. Вдруг все сместилось. Фигуры его товарищей стали призрачными.

— Хмурник! Герцог Эван!

Он услышал бормотание голосов, но это не были голоса его друзей.

— Хмурник!

Но коротышка пропал. Элрик остался один.

6

Он обернулся. Алый свет ударил ему в глаза и на мгновение ослепил. Он крикнул. Но крик вышел похожим на жалобный вой.

Он пошел было вперед, но через некоторое время понял, что не может определить, прошагал ли несколько метров или дюжину миль. В нескольких ярдах от него за отблеском блистающих камней появилась фигура. Он попытался было пройти мерцающий занавес, но тот исчез. Элрик замер.

Глаза, ловившие его, были полны неизбывной печали.

На него глядел принц Элрик, только с черными волосами.

— Кто ты? — голос предательски дрогнул.

— У меня много имен. Одно из них Эрекозе. Я был многими. Может, я — это все люди.

— Но ты похож на меня!

— Я и есть ты.

— Нет!

В глазах призрака, с жалостью глядевшего на Элрика, появились слезы.

— Нечего меня оплакивать! — взревел Элрик. — Я не нуждаюсь в сострадании!

— Быть может, я плачу о себе, ибо знаю нашу судьбу.

— И какова же она?

— Ты не поймешь.

— Скажи мне.

— Спроси своих богов.

Элрик поднял меч, цедя сквозь зубы:

— Ну нет! Я выбью ответ из твоей дурной головы.

Призрак растаял в воздухе. И коридор тут же заполнили тысячи подобных призраков. Все были похожи на него.

— Убирайтесь! — завопил он. — Боги, что это за место?!

Словно повинуясь его команде, тени исчезли.

— Элрик?

Принц круто обернулся с мечом наготове. Это был герцог Эван Эстран из Старого Хролмара. Руки у герцога дрожали.

— Кажется, я сошел с ума. Принц...

— Что ты видел?

— Многое. Я не могу описать.

— Где Хмурник и остальные?

— Каждый остался один, как ты и я.

Элрик поднял Бурезов и со всего размаха обрушил меч на хрустальную стену. Черный Клинок застонал, стена потемнела. Однако меч все-таки проделал отверстие. Элрик увидел через него дневной свет. — Вперед, герцог, мы выберемся отсюда!

Ошеломленный, Эван последовал за ним; они покинули кристалл и очутились на центральной площади Р'лин К'рен А'а.

Их оглушил шум. По площади двигались тележки и колесницы. Невдалеке виднелись конюшни. Мирно расхаживали люди. Яшмовый Гигант не возвышался над городом.

Элрик вгляделся в лица. Знакомые черты мелнибонэйцев. Но что-то было еще, чего он не мог определить. Потом он понял. Неподвижность лиц. Он протянул руку и коснулся одного из прохожих.

— Скажи мне, друг мой, какой год...

Но человек не услышал его и прошел мимо. Элрик попытался остановить других, но с тем же успехом.

— Как они отринули такой покой? — изумленно произнес герцог Эван. — Как они превратились в таких, как ты, принц Элрик?

Круто повернувшись, Элрик прорычал в лицо вилмирианцу:

— Заткнись!

Герцог Эван пожал плечами.

— Возможно, это просто иллюзия.

— Может быть, — печально согласился Элрик, — но я уверен, что так они жили до прихода Вышних.

— Ты винишь богов?

— Я виню знание, которое принесли боги.

Герцог кивнул.

— Понимаю, — сказал он серьезно.

Он повернулся к кристаллу и прислушался.

— Ты слышишь этот голос, принц Элрик? Что он говорит?

Голос как будто исходил из кристалла. Он говорил на древнем языке Мелнибонэ, но со странным акцентом:

— Сюда! Сюда!

— Не имею ни малейшего желания возвращаться назад, — бросил Элрик.

— А что нам остается? — спросил Эван.

Они вдвоем вступили в кристалл.

И снова очутились в лабиринте, в котором был то ли один коридор, то ли великое множество. Голос стал слышен отчетливее.

— Сделайте два шага вправо. — Поколебавшись, они сделали два шага вправо.

— Теперь два шага влево, — приказал голос. Они повиновались. — Шаг вперед. — Они очутились на разрушенной площади Р'лин К'рен А'а.

Там стояли Хмурник и незнакомец.

— Где остальные? — требовательно спросил герцог Эван.

— Спроси у него, — устало ответил Хмурник, взмахнув мечом, зажатым в правой руке.

Они уставились на незнакомца. Он был абсолютно гол, но черты лица странно напоминали Элрика. Сначала принц решил, что это еще один призрак, но потом уловил, что сходство не полное. К тому же в боку человека, прямо над третьим ребром, что-то застряло. Элрик понял, что это стрела, и содрогнулся. Обнаженный незнакомец кивнул.

— Да, стрела попала в цель. Но она не может сразить меня, ибо я Й'озуи К'рели Рейр...

— Ты считаешь себя Обреченным на Жизнь? — спросил Элрик.

— Не считаю, это я и есть. — Человек горько улыбнулся. — Ты не веришь?

Элрик поглядел на стрелу и покачал головой.

— Так тебе десять тысяч лет? — изумленно спросил Эван.

— Что он сказал? — спросил Й'озуи К'рели Рейр у Элрика. Тот перевел.

— И это все? — вздохнул человек. Потом он пристально поглядел на Элрика. — Ты из моего народа?

— Да.

— Из какой семьи?

— Из королевского рода.

— Наконец-то ты пришел. Я тоже из этого рода.

— Верю.

— Я заметил, что за вами следуют Олабы.

— Олабы?

— Эти дикари с дубинками.

— Ах, да. Мы схватились с ними, поднимаясь по реке.

— Я отведу вас в безопасное место. Следуйте за мной.

Вслед за Й'озуи К'рели Рейром они пересекли площадь и подошли к разрушенной стене. Их проводник поднял одну из плит и показал им уходящие в темноту ступеньки. Он первым шагнул вниз. Вскоре они очутились в помещении, освещенном светом грубых масляных ламп. Если не считать постели из соломы, в комнате было пусто.

— Довольно скромное жилище, — заметил Элрик.

— Мне больше ничего не нужно.

— Откуда взялись эти Олабы? — спросил Элрик.

— Они появились тут совсем недавно. Лет с тысячу назад, а может, и вполовину меньше. Они пришли с верхней реки. Но сюда они обычно не заглядывают. Видно, вы убили слишком многих, и они решили отомстить. Й'озуи К'рели Рейр показал на других людей, глядевших на него в некотором смятении. — А это кто? Тоже дикари? Они не из нашего народа.

— Из нашего народа остались немногие.

— Что он говорит? — спросил герцог Эван.

— Он говорит, что этих рептилий называют Олабами, — ответил Элрик.

— Это Олабы украли глаза Яшмового Человека?

Когда Элрик перевел вопрос, Обреченный на Жизнь изумился.

— Так вы не поняли? Вы же были в этих глазах! Те огромные кристаллы, по которым вы бродили, это они и есть. Эти кристаллы скатились слезами по его лицу вскоре после того, как ушли Вышние.

— Значит, Вышние приходили сюда?

— Да. Яшмовый Гигант принес послание от них, и весь народ ушел, заключив с ним сделку.

— Разве не твои сородичи построили Яшмового Гиганта?

— Яшмовый Гигант — это Эриох, князь Хаоса. Он вышел из леса, и встал на площади, и объявил, что наш город лежит точно в центре некоего пространства и поэтому Владыки Вышних Миров могут встретиться только в нем.

— А сделка?

— В награду за город Эриох обещал наделить могуществом наш королевский род и объявил себя его покровителем. Он обещал дать знания и орудия, необходимые для постройки нового города.

— И они согласились?

— А что им оставалось делать, родич?

Элрик уставился взглядом в пыльный пол.

— Вот как их подкупили, — пробормотал он.

— Я отказался. Я не хотел уходить из этого города и я не доверял Эриоху. Когда все остальные уплыли вниз по реке, я остался. И слышал, как пришли Владыки Вышних Миров. Как они устанавливали правила битвы Порядка и Хаоса. Когда они ушли, я выбрался из своего укрытия. Но Эриох — Яшмовый Гигант — остался. Когда это случилось, кристаллы выпали из глазниц и упали на землю. Дух Эриоха ушел, но яшмовый идол остался.

— И ты по-прежнему помнишь разговор между Владыками Порядка и Хаоса?

— Это мой рок.

— Быть может, судьба твоя менее жестока, чем судьбы тех, кто ушел, — тихо сказал Элрик. — Я последний в роду с такой судьбой...

Й'озуи К'рели Рейр казался изумленным. Он поглядел в глаза Элрику, и изумление сменилось жалостью.

— Я считал, что не может быть судьбы хуже. Но теперь вижу, что это не так...

— Облегчи же, по крайней мере, мою душу, — сказал Элрик. — Я должен знать, о чем беседовали Вышние Владыки в те дни. Я должен понять, зачем я живу. Ответь же мне, прошу тебя!

— Я могу только в с п о м и н а т ь, о чем беседовали Вышние Владыки, — с горечью сказал собеседник. — Но когда я пытаюсь рассказать об этом или записать их слова, у меня ничего не выходит...

Принц обхватил голову руками.

— Весь долгий путь впустую!

— Вот уж нет, — возразил Й'озуи К'рели Рейр. — По крайней мере, для меня. — Он сделал паузу. — Скажи мне, как вы нашли этот город? У вас была карта?

Элрик вытащил карту.

— Вот эта.

— Точно, она. Много столетий назад я спрятал ее в ларец, который вложил в выдолбленный ствол дерева. Я пустил его в реку, надеясь, что он последует за моими соплеменниками и что они найдут его... — А печать по-прежнему на карте? Образ одного из воплощений Эриоха, вырезанный на небольшом рубине?

— Да. Мне показалось, я узнал образ, но утверждать наверняка не решался.

— Образ в Камне, — пробормотал Й'озуи К'рели Рейр. — Как я молил, чтобы он возвратился — и принес его кто-либо из королевского рода!

— И что все это значит?

Хмурник вмешался:

— Этот человек поможет нам бежать, Элрик?

— Подожди, — ответил принц. — Я все расскажу тебе, но позже.

— Образ в Камне поможет мне освободиться, — сказал Обреченный на Жизнь. — Если им владеет член королевского рода, тогда он может приказать Яшмовому Гиганту.

— Но почему ты сам не использовал его?

— Из-за моего проклятия. Я могу приказывать, но не имею сил призвать духа. Вот так Вышние Владыки подшутили надо мной.

— Что я должен сделать? — спросил Элрик.

— Призвать Эриоха, приказать ему снова войти в статую и поднять глаза, чтобы он мог видеть, как ему уйти из Р'лин К'рен А'а.

— И что будет, когда он уйдет?

— Проклятье спадет с меня.

Элрик задумался. Если он призовет Эриоха, который явно не желает этого, и прикажет ему выполнить то, чего тот не хочет делать, то принц рискует нажить себе могущественного врага. С другой стороны, у них нет никакой возможности отбиться от Олабов. Если Яшмовый Гигант тронется с места, Олабы почти наверняка убегут, и появится шанс добраться до корабля и уплыть к морю. Элрик все объяснил товарищам. И Хмурник, и Эван засомневались, а матрос мало что соображал от страха.

— Я должен сделать это, — решил Элрик, — ради Обреченного на Жизнь. Я должен призвать Эриоха и снять проклятие с Р'лин К'рен А'а.

— И навлечь проклятие на нас! — воскликнул герцог Эван, механически положив ладонь на рукоять меча. — Нет. Мне кажется, надо пробиваться через Олабов. Оставь этого человека, он безумен, он бредит. Пойдем отсюда.

— Иди, если хочешь, — отозвался Элрик. — А я останусь с ним.

— Ты должен пойти с нами. Твой клинок поможет нам. Без тебя нам не справиться с Олабами.

— Ты же видел, что с Олабами от Бурезова толку мало.

— Мало, но есть. Не бросай меня, Элрик!

— Я не собираюсь тебя бросать. Я должен призвать Эриоха. Так я помогу нам всем.

Эван отступил. Его пугали не только Олабы и не только дух, которого собирались призывать. Он как будто прочел что-то на лице Элрика, нечто такое, о чем не подозревал и сам Элрик.

— Нужно выйти наружу, — сказал Й'озуи К'рели Рейр. — Надо встать под Яшмовым Гигантом.

— Когда все это произойдет, — спросил Элрик вдруг, — как мы покинем Р'лин К'рен А'а?

— У меня есть лодка. В ней часть сокровищ города. Она находится на западном побережье острова.

Они выбрались на площадь. Наступила ночь; в небе сияла огромная луна. Элрик вынул из сумки на поясе Образ в Камне и зажал его в руке. В правую руку он взял Бурезов. Эван, Хмурник и матрос отступили. Элрик поднял голову, посмотрел на громадные яшмовые ноги, на торс, руки, голову; потом он обеими руками воздел меч в воздух и прокричал:

— ЭРИОХ!

Голос Бурезова почти заглушил голос человека. Клинок пульсировал в руках Элрика, угрожая выскользнуть.

— ЭРИОХ!

Его товарищи теперь видели сверкающий и раскачивающийся меч, белые руки, лицо и глаза принца, сверлящие темноту.

— ЭРИОХ!

В ушах у Элрика зазвучал голос, который не принадлежал Эриоху; принцу даже показалось, что это говорит его меч.

— Элрик! Эриоху нужны кровь и души! Помни, кровь и души.

— Нет, эти люди мои друзья; а Олабам Бурезов вреда не причинит. Эриох должен прийти без крови и без душ.

— Только так можно призвать его наверняка! — произнес голос, на этот раз отчетливее. Было такое впечатление, что он исходит из-за спины Элрика. Он повернулся, но никого не увидел. Никого и ничего, кроме встревоженного лица герцога Эвана. Глаза Элрика остановились на лице вилмирианца, и в этот момент меч вырвался из его рук и двинулся в направлении герцога.

— Нет! — закричал Элрик. — Стой!

Но Бурезов не остановился до тех пор, пока не вошел глубоко в сердце герцога Эвана и не утолил свою жажду. Матрос в оцепенении смотрел, как умирает его хозяин.

Герцог Эван дернулся:

— Элрик! Какую измену ты... — Он вскрикнул: — О, нет!

Он дернулся:

— Пожалуйста...

Он вздрогнул:

— Моя душа...

Он затих.

Элрик схватил меч и, не думая, зарубил матроса.

— Теперь у Эриоха есть кровь и души, — сказал он холодно. — Да придет он!

Хмурник и Обреченный на Жизнь отступили, с ужасом глядя на одержимого Элрика.

— ДА ПРИДЕТ ЭРИОХ!

— Я здесь, Элрик.

Элрик обернулся и увидел темный силуэт в тени ног статуи — тень в тени.

— Эриох, ты должен вернуться в эту статую и заставить ее навсегда покинуть Р'лин К'рен А'а.

— Мне бы этого не хотелось, Элрик.

— Тогда я тебе прикажу сделать это, князь Эриох!

— Прикажешь? Только тот, кто владеет Образом в Камне, может сделать это, и лишь один раз.

— Я владею Образом в Камне! — Элрик поднял рубин. — Гляди!

Тень в тени шевельнулась, словно в гневе.

— Если я исполню твое приказание, это приведет к цепи событий, которые могут быть нежелательны для тебя, — Эриох вдруг заговорил на Нижнем Мелнибонэйском, как будто хотел этим подчеркнуть серьезность своих слов.

— Пусть. Я приказываю тебе войти в Яшмового Гиганта и подобрать его глаза, чтобы он мог уйти отсюда. Затем я приказываю тебе уйти и забрать с собой проклятие Вышних.

— Когда Яшмовый Гигант перестанет стеречь ме-

сто, где некогда встретились Вышние, начнется великая битва в Верхних Мирах.

— Я приказываю тебе, Эриох. Ступай же!

— А ты упрям, Элрик.

— Ступай! — Элрик поднял Бурезов. Грозной была песнь меча, и в тот миг клинок казался более могущественным, чем Эриох.

Земля содрогнулась. Огромную статую охватило пламя. Тень в тени исчезла.

Яшмовый Гигант наклонился. Тело его перегнулось, руки подобрали кристаллы, лежащие на земле, обшарив почти всю площадь. Потом Гигант выпрямился, сжимая по кристаллу в каждой ладони.

Элрик бросился к дальнему углу площади, где уже стояли Хмурник и Й'озуи К'релн Рейр, дрожа от страха.

Из глаз статуи полыхнуло пламя; яшмовые губы раздвинулись.

— Дело сделано, Элрик, — раскатился над площадью громовой голос.

Й'озуи К'релн Рейр зарыдал.

— Уходи, Эриох.

— Я ухожу. Проклятье снимается с Р'лин К'рен А'а и с Й'озуи К'релн Рейра, но более великое проклятье налагается теперь на всю вашу плоскость! Я иду в Пэн-Тэнг, чтобы ответить наконец на обращенные ко мне призывы Теократа!

— Ну и что? Объясни, Эриох, — крикнул Элрик.

— Скоро ты получишь объяснение. Прощай!

Огромные ноги сделали шаг, перемахнули через руины и двинулись к морю, проламывая дорогу через лес. Яшмовый Гигант исчез в мгновение ока.

Тут Обреченный на Жизнь рассмеялся. Но его смех был странен. Хмурник зажал уши.

— Пора! — крикнул Й'озуи К'релн Рейр. — Пора твоему мечу забрать мою жизнь!

Элрик провел ладонью по лицу. Он едва осознавал, что происходит.

— Нет, — сказал он, — я не могу...

Внезапно Бурезов выскользнул из его руки и погрузился в сердце Обреченного на Жизнь.

Й'озуи К'релн Рейр умер, смеясь. Он упал на землю, и губы его шевельнулись. Он что-то прошептал. Элрик подошел ближе.

— Меч знает теперь то, что знал я. Моя ноша оставила меня. — Глаза его закрылись.

Десять тысяч лет Обреченного на Жизнь кончились.

Элрик устало вынул меч из груди мертвеца, а потом поднял вопросительный взгляд на Хмурника.

Его друг отвернулся.

Пришел туманный рассвет. Элрик видел, как тело Й'озуи К'релн Рейра превратилось в горстку праха. Ветер смешал ее с пылью руин. Потом Элрик пошел через площадь туда, где лежало скрюченное тело герцога Эвана, и опустился перед ним на колени.

— Тебя предупреждали, герцог Эван Эстран из Старого Хролмара, что плохо кончают жизнь те, кто связывает свою судьбу с Элриком Мелнибонэйским. Ты не поверил. — Принц вздохнул и поднялся.

Хмурник стоял рядом с ним. Солнце осветило развалины. Хмурник коснулся плеча друга.

— Олабы исчезли. По-моему, эта картина их доконала.

— Еще одного я убил, Хмурник. Что же я, навсегда привязан к этому проклятому мечу? Мне надо избавиться от него.

Хмурник молча кивнул.

— Я похороню герцога Эвана, — продолжал Элрик. — А ты отправляйся к кораблю и скажи матросам, что мы возвращаемся.

Хмурник повернулся и пошел в восточном направлении.

Элрик спустился по лестнице и положил герцога Эвана на постель из соломы. Потом он взял у мертвеца кинжал и, не найдя ничего другого, окунул его в кровь герцога и написал на стене:

«Здесь лежит герцог Эван Эстран из Старого Хролмара. Он бродил по миру и возвращался в свой Вилмир, нагруженный знаниями и сокровищами. Он любил мечтать, но затерялся в мечте другого и погиб. Он обогатил Молодые Королевства и дал этим силу другой мечте. Он умер, чтобы мог умереть Обреченный на Жизнь».

Элрик остановился. Потом бросил кинжал. У него не получилось выразить свое чувство вины в торжественных словах эпитафии человеку, которого он убил.

Он снова взялся за кинжал.

«Он погиб потому, что Элрик Мелнибонэйский желал мира и знания, которых ему не суждено обрести. Он умер, сраженный Черным Клинком».

Посреди площади все еще лежало одинокое тело моряка-вилмирианца. Никто не знал его имени. Никто не отпевал его и не пытался сочинить эпитафию. Он умер не за высокую цель, не следуя невероятной мечте. Даже мертвое его тело не могло принести пользы. На этом острове не водились стервятники. В пыли городских руин не было земли, которую тело могло бы удобрить.

Элрик вернулся на площадь, увидел труп, и на миг он стал для него символом всего, что здесь произошло и произойдет в будущем.

— Бесполезно, — пробормотал он.

Может быть, его далекие предки догадывались об этом. Но полное знание пришло тогда, когда появился Яшмовый Гигант, и они обезумели в своей муке. Знание отгородило их разум от жизни.

— Элрик!

Хмурник вернулся. Элрик поднял голову.

— Олабы расправились с командой. Все убиты, корабль разрушен.

Элрик припомнил, что Обреченный на Жизнь говорил ему что-то про лодку.

Поиски лодки Й'озуи К'релн Рейра заняли у них остаток дня и всю ночь. Найдя лодку, они подтащили ее к воде, а потом обследовали. Это было крепкое суденышко, сделанное из того же материала, который они видели в библиотеке Р'лин К'рен А'а. Хмурник заглянул в сундук и ухмыльнулся:

Сокровища! Все-таки не без пользы!

Элрик оглянулся на молчаливый лес, и дрожь прошла по его телу. Он вспомнил свои надежды, которые лелеял на пути сюда, и обозвал себя глупцом. Когда они подняли парус и двинулись вниз по течению, на лице его возникло подобие улыбки.

Хмурник перебирал драгоценности.

— Нам больше не знать бедности, друг Элрик.

— Да, — согласился принц. — Ну разве нам не повезло, друг Хмурник?

На этот раз вздрогнул его спутник.

Перевел с английского
Никита МИХАЙЛОВ

Вадим Розин,
доктор философских наук

ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ

Познакомившись с этим номером журнала, читатель имел возможность убедиться, что жанровые особенности фэнтези, причем, как классической, так и «новой волны», уходят корнями в одну почву – эзотерическое представление о мире, художественно освоенное. Этим, кстати, и объясняется тот факт, почему в былые годы имена Пика и Лавкрафта, Меррита и Муркока, Джеймса и Брэдли были практически не известны советскому читателю – в отличие от писателей, работающих в жанре так называемой научной фантастики. Эта плоскость бытия просто не имела права на существование в сугубо материалистической Вселенной. Сегодня мы предлагаем вам статью заведующего лабораторией Института философии РАН, посвященную проблеме эзотерического сознания.

Буквально слово «эзотерическов» означавт «тайное», «сокрытое» (знанив, учение). Однако происхождение этого понятия нв вполне соответствувт его нынешнему бытованию: сейчас, когда большинство эзотериков открыто обращаются к людям, оно используется чвщв для обозначвния определенной традиции мысли, мироощущения.

Тем не менее ореол таинственности остается, его поддерживают тв стрвнные миры, которые описывают эзотерики, и те кажущиеся нечеловеческими психические и физические возможности, которые они демонстрируют. Широкий интерес к эзотеризму в России подогревается и всей современной ситуацией: с одной стороны, глобальные проблемы обозначили тупик техногенной цивилизации, с другой – страна переживает состояние хаоса. Кризис идеологии резко умножил количество людей, потерявших почву под ногами. Отсутствие ясных жизненных перспектив многих привлекает к эзотеризму. Наконец, люди сознательно обращаются к эзотеризму в поисках путей спасения.

Надо сказать, что в России это третья волна интереса к эзотерическим учениям. Первая прокатилась в начале века, когда были опубликованы работы Е.Блаватской, Кришнамурти и другие. Вторая волна после почти полувекового перерыва пала на 60-е годы. В самиздате ходила эзотерическая литервтура, стали организовываться группы, появились учителя – гуру, тогда же возникли некие смешанные школы, которые строились на сплвве идей эзотеризма и отчасти буддизма. Нынешняя третья волна увлечения отличается попытками осмыслить эзотеризм как явление, определить его место в рамках мировой культуры. В феврале прошлого года в Москве состоялся первый Международный конгресс эзотериков в России, организованный Институтом космической философии, в рвботе которого приняли учвстие более двух тысяч ученых. Прочитана серия докладов и у нас в Институте философии РАН. Словом, появляются не только сами тексты Даниила Андреева, Рудольфа Штейнера, Карлоса Кастанеды и других эзотериков, но и комментврии к ним. И, разумеется, растет число поклонников.

«БОЮСЬ, ТЫ ЛЕТАЛ БЫ ВМЕСТЕ СО СКАЛОЙ»

Эзотеризм входит в культуру текстами. Но чем они отличаются от художвственных сочинений? Как различить миры эзотерика и, скажем, фантаста? Вот известнейшая «Роза мира» Даниилв Андрвева, клвссика эзотвризма, и роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. И в одном, и в другом случае рисуются некие фантастические миры, и читателя приглашают в них. В мире Даниила Андреева сущвствует Сатана, описанный очень ярко, есть черти, летающие ящеры – раруги, уицраоры – демоны великодержавной государственности; природа здесь выступает в образах живых персонажей – стихиалий. Но и в романе Булгакова – «потусторонние» персонажи, с героями тоже происходит ряд удивительных превращений. В обоих произведениях как будто много общего; однако я прекрасно помню первую ревкцию в среде интеллигенции на появившийся в самиздате текст Д.Андреева (резко отличавшуюся от восхищения, с которым впервые читали «Мастера»): человек «сдвинулся»...

В чем же различие? Эзотерик Андреев утверждает, что все, им описываемое, происходит на самом деле, он относится к психической реальности как к истинной. Предлагается абсолютно другая, нежели в художественном произведении, система координат, а это и есть знак эзотерического текста. Таковы и сочинения Рамакришны, Кришнамурти, Г.Гурджиева, Шри Ауробиндо Гхоша, П.Успенского, Р.Штейнерв, Е.Рерих, К.Кастанеды – особые самостоятельные миры гениее эзотеризма.

Тексты эзотериков отличает страстная критика традиционной новоевропейской культуры и ее ценностей – власти, успеха, конкуренции, личности, разума и т.д., а также независимость их жизненной траектории от культурных традиций, возможность самостоятельно выстроить свою жизнь, дух, тело, реализовать самые невероятные идеалы. Гений эзотеризма – это необычный человек, даже уже не человек. Шри Ауробиндо Гхош, например, называл людей, до конца прошедших эзотерическим путем, «гностическими существами», считая, что они достигают практического бессмертия, сливаются со Вселенной.

Творцы эзотерических текстов исходят из идеи двух реальностей – обычной, оцениваемой как Майя, иллюзия сознания, и истинной, эзотерической (каждый гений эзотеризма утверждает свою эзотерическую реальность).* Назнвчение человека, убеждены гении эзотеризма, – пройти путь, в конце которого находится *истинный,* эзотерический мир; условием этого является кардинальное изменение своего существа, работв над его трансформацией.

Эзотерическая жизнь включвет в себя, с одной стороны, рвзработку

* *«Все-все, что ни видит взор, – пишет П.Флоренский, – все имеет свое тайное значение, двойное существование и иную, зазмпирическую сущность. Все причастно иному миру: во всем иной мир отображает свой оттиск».*

эзотерического учения или освоение его (у последователей, учеников, адептов), с другой — психотехническую работу: отказ от желаний, отклоняющих эзотерика с его пути, культивирование учения, достижение особых состояний сознания, погружающих, вводящих в эзотерический мир.

На последнем нужно остановиться особо, именно здесь проявляется, так сказать, гениальность гениев эзотеризма. Внешне это всегда какая-то психотехника — йога, медитация, мантры, специальные техники, но для самого эзотерика — это жизнь, путь, ведущие из обыденного мира в мир *истинный*.

Как же к этому относиться, как ориентироваться? Помешательство? Но вот по телевидению нам ежевечерне читают прогнозы погоды, а затем — астрологический прогноз. Выступает политолог со своими предупреждениями, а следом известный экстрасенс, и каждый утверждает, что адекватно описывает реальность. Какую реальность? Это вопрос не вкуса, но миросозерцания.

Даниил Андреев пишет: «Дух нашего времени задается вопросом: пусть то, что автор называет опытом, достоверно для пережившего его субъекта, но может ли он иметь большую объективную значимость, чем опыт обитателей лечебницы для душевнобольных?»

Где гарантии, что этот опыт подлинный? Но заметим: дальше Андреев спрашивает — в разве ко всем явлениям духовной жизни мы подходим с требованиями гарантии подлинности? А если не ко всем, то почему именно к этим? Мы же не требуем гарантии достоверности от художника или композиторов. Нет гарантии и при передаче религиозного, в частности, метаисторического опыта. «Без всяких гарантий душевному опыту другого поверит тот, чей духовный строй хотя бы отчасти ему созвучен. Не поверит и потребует гарантий — в если получит, все равно их не примет — тот, кому этот строй чужд».

Есть рассуждение по этому поводу, на мой взгляд, более тонкое и интересное. Карлос Кастанада прямо утверждает: не существует критериев, которые позволили бы дать ответы на эти вопросы. В одном из сочинений он выступает в роли ученика мага и все время спрашивает учителя, дона Хуана, было ли это или нет? Летал я или нет? — допытывается он. А если бы я был прикован к скале?.. На что дон Хуан отвечает: боюсь, ты летал бы вместе со скалой.

Ответ можно понять так. Если ты находишься в данной реальности — она существует. Если же нет, не тебе судить, существует ли она для другого человека. Даже художественный вымысел, фантазия возникает не на пустом месте, и сегодня у многих наших соотечественников происходит как бы переворот в сознании, они начинают догадываться, что идеальные миры много сложнее, чем просто «отражение реальности», как всех нас учили.

Когда-то в детстве нам говорили: видишь желтое пятно на листе бумаги? Это солнце. И мы приняли на веру «опыт» взрослых. То есть по мере того как взрослый настаивает, что здесь нарисовано солнышко, происходит удивительная вещь: детский опыт актуализируется не в связи с реальностью (пятно на бумаге), а в связи с внутренним опытом (доверие ко взрослому). И этот психический феномен многое объясняет. Гельмгольц, исследуя эти механизмы, показал, что человек строит свое отношение к окружающему не только на основе чувственной информации о нем, но и прежнего опыта, связанного с восприятием определенных предметов, знаний о них и даже деятельности с ними, причем соотношение этих «составляющих» может быть разным. Только исходя из этого формируется поведение, действие. Если рассуждать таким образом, летят все привычные критерии: оказывается, 99,9% времени мы живем в собственных фантазиях — слушаем, переживаем, видим сновидения, мечтаем.

«ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК...»

В Древней Греции, как известно, были пессимисты и оптимисты. Пессимисты считали, что после смерти душа будет исторгнута в мрачное царство Аида, и потому, говоря сегодняшним языком, «надо брать от жизни все». Оптимисты полагали, что возможен иной, более счастливый конец. К последним относились пифагорейцы. Они создали свою иерархию мироздания (и держали ее в строгой тайне): разумные существа могут быть трех видов — Бог, человек и создания, подобные Пифагору. Пифагор учил, что он рожден от семени, превосходящего человеческое.

В античности наметилась идея двух миров: обыденного, где человек смертен, и истинного, где он обретает бессмертие. Человеку дано вкусить бессмертие, блаженство уже при жизни, но для этого нужны некие особые условия. Главное состояло в том, что *человек должен вглядеться в себя;* до этого он как бы все время смотрел на небо, пытаясь понять, истолковать волю богов. Фуко замечает, что в основе античной культуры лежала идея «эпимелив», то есть заботы о себе, в соответствии с которой человек должен не только познать себя, но и преобразовывать, совершенствовать, и только это обеспечивало ему правильный путь жизни, ведущий к спасению. А Платон, как бы доводя эту мысль до логического конца, утверждал, что душа по природе своей божественна, но при рождении человека «забыла» себя. И для того, чтобы человек обрел бессмертие, он, по мысли Платона, должен жить особым образом, познавая себя, занимаясь философией и науками.

Напомню, под наукой тогда понималась не просто система знаний, как сегодня. Наука была одним из способов взаимоотношений людей с высшими, истинными мирами, и занимаясь, скажем, астрономическими исчислениями, люди не забывали о богах. До уровня обыденного, «нормального» дела науку низвел Аристотель.

На Востоке поиски путей спасения шли в том же направлении: человек должен достигнуть мира, в котором нет страдания. Жизнь была полна страданий, и смерть не избавляла от них, да еще часто человек должен был переносить загробное существование в обличье бессловесного существа — таков смысл идеи реинкарнации. Но в мире есть Нирвана, вечное блаженство. От древнейших учений брахманизма идет идея, что истинное знание спасет от смерти. Будда трансформировал ее в идею избавления от страданий. «Я не отвечаю на вопрос, что будет после смерти, — говорит Будда, — я отвечаю на вопрос, как избавиться от страданий». Но восточный путь достижения этой цели был поведенчески диаметрально противоположным западному: он состоял в «размонтировании» обычных желаний, привычных связей, отказе от принятых в обществе занятий и уходе от людей, погружения в себя при помощи различных психотехник, прежде всего психопрактики йоги, обеспечивающей преобразование человеческого существа в иное. Внутренний мир в результате должен стать внешним, а монах перейти в другую форму бытия, где нет страданий (как нет и ничего другого). Это и есть Нирвана, как ее переосмыслил Будда. Однако остается квинтэссенция индивидуальности, когда личность — это весь мир, она растворена в нем и одновременно равна ему. В отношении бытия и культуры «обыкновенных» людей это есть антибытие, антикультура.

Европейская и восточная линии эзотеризма при сходстве целей, почти противоположны в практическом отношении к миру «обыкновенному». Вслед за Платоном античные мыслители полагали, что эзотерики, которые достигнут глубин *истинного* мира, в конце концов вернутся в этот мир, чтобы стать государственными деятелями и указывать путь другим. Р.Штейнер трактует свои эзотерический мир как продолжение культурной работы, начатой в мире обычном. Штейнер пишет, что если во время сочинения стихов рядом с поэтом на стол падает солнечный луч, то луч этот наполнен духовной аурой тех эзотерических существ, которые помогают поэту, вдохновляя его.

Кстати, сам Штейнер был не только известным философом, архитектором, он еще и автор школы вальдорфской педагогики, которая распространена сейчас во многих странах.

Даниил Андреев, скажем, занимался экологическими проблемами, и эти разделы в его работах продвинуты значительно сильнее (этически, в не

функционально), чем это сделано даже сегодня традиционной наукой. Он опередил многих философов, разрабатывая проблематику культа женщины. Он предлагал даже изменить форму Святой Троицы, заменив Бога-Отца Приснодевой-Матерью.

На Востоке преобладает другое отношение к обычному миру — или равнодушие, или уничижительность, или отрицание, — но в любом случае неприятие. Начиная знакомиться этой проблематикой в 60-х годах, я был увлечен благородными идеями того же Штайнера, но вот как раз по прочтении агни-йоги испытал некий ступор: там постоянно говорится, что всякий, не идущий этим путем, погибнет, будет испепелен. Кое-где в тексте прорывается ненависть к людям, не разделяющим этого учения.

Каждый из гениев эзотеризма строил свое учение «под себя», и никакого этического единообразия здесь нет. Если цель — обретение блаженства как избавление от страданий, мы получим учение Будды. Если во главу угла ставится идея свободы, получится учение Кришнамурти. Но целью может быть, скажем, обретение власти над другими людьми: сам способ эзотеризма не накладывает запрета ни на какие идеи.

Один русский философ писал, что эзотерики — люди с историческим нетерпением: они хотят реализовать свои идеалы еще при жизни. Они утверждают, что цель человеческого существования состоит в обретении *истинного* мира путем переделки себя, изменения собственной сущности. Рудольф Штейнер утверждал, что если человек не провел очистительной нравственной работы, при переходе в другой мир он встретится со своим двойником, неизжитыми сторонами собственной личности и как бы «завязнет» во взаимоотношениях с ним. Но после того как весь внутренний опыт человека стал строго отвечать эзотерическому учению, эзотерик будет гармоничен в обретенном мире. И попадет туда, где даже боль и страдание превращаются в наслаждение и любовь; я называю это «полет в себя»...

«ТРИ МИРА В ОДНОМ»

Полагаю, можно говорить о трех основных типах человеческого сознания: религиозное, эзотерическое, рациональное. Мы привыкли существовать в системе координат рационального сознания, мы знакомы с религиозным сознанием. Мир эзотерического сознания и мироощущения менее известен, и, на мой взгляд, знания о нем необходимо вводить в общую культуру.

Все эти типы сознания, как психологические возможности, заложены в каждом человеке, в какой из них разовьется и будет доминировать в жизни — зависит от воспитания, наших пристрастий и других обстоятельств.

Но важно и то, что в истории культуры эзотерическое и религиозное сознание тесно связаны, одно может перетекать в другое. Мировые религии начались с эзотерических учений. Апостолы несли в мир учение Христа. Откровения Будды, пророчества Магометы были сначала достоянием немногих. На основе этих знаний возникли религии. Идея другого мира, эзотерической реальности в религии превращается в идею Бога, а люди двигаются к спасению, постижению истины уже не индивидуально, а собором. Надо заметить, что с течением времени от каждой религии «отслаиваются» эзотерические учения: от православия отошел исихазм, от буддизма — дзен, от ислама — суфизм.

Напрашивается гипотеза: религиозная и эзотерическая идеи дополнительны, все религии начинаются с эзотеризма и далее в лоне каждой религии рождаются новые эзотерические учения. Наблюдения показывают, что при этом имеют место интересные особенности. Чтобы на основе эзотерической идеи и культуры сложилась религия, индивидуальный путь спасения должен быть подвергнут критике и вытеснен идеей коллективного, соборного спасения. Метафизическая картина мира должна быть переосмыслена и заменена на собственно религиозную, с выдвижением на первый план реальности Бога. Наконец, идея пути заменяется идеей религиозного спасения.

Более того, в отдельном человеке могут соединяться все три типа сознания. Недавно мне пришлось анализировать книги Феофана Затворника, одного из столпов православной Церкви конца прошлого столетия, и в его работе «Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться» я с изумлением обнаружил сплав религиозного мировоззрения с элементами эзотерического и даже научного.

Традиция такова, что вокруг гения эзотеризма постепенно появляются адепты, ученики, складывается школа. В рамках школы существует множество правил, достаточно жестких ограничений. Например, в Индии, прежде чем стать йогом, юноша должен вырасти, завести семью, детей, обеспечить их.

В нашем отечестве, как и во многих странах Запада, эзотеризм стал модой, и многим людям, потерявшим жизненную цель, приобщение к подобным учениям дает иллюзию самоутверждения, как бы предлагает простое решение всех внутренних проблем. Возникают многочисленные «кружки», где избирается опять же простой путь — за основу берется какая-то одна сторона эзотерического учения, либо и вовсе голая психотехника, и на столь зыбком основании люди пытаются строить жизнь. Но они не понимают, с чем играют, скажем, увлекаясь простой и весьма популярной нынче психотехникой Гроффа. Они готовы принять технику, в им предлагаются эзотерическое мировоззрение, и не подготовленному человеку процессы, происходящие в «другом» мире, неподконтрольны, неподвластны.

Современные попытки создания собственного эзотерического мира это только подтверждают. Я знаком с подобным опытом Андрея Монастырских, талантливого искусствоведа-авангардиста. Его искания зафиксированы в еще неизданной книге «Каширское шоссе». Разочаровавшись в ценностях этого мира, художник хотел приобщиться к Церкви, к вере. Страстное желание, чтение священных текстов и, видимо, подвижность психики привели к тому, что он попал в мир своего внутреннего опыта. Он ожидал, что этот мир оживших религиозных представлений будет гармоничным и идеальным, что сам он вознесется душою и будет переживать непрерывное блаженство. Что же вышло на самом деле?

В иную реальность он принес лишь свою внутреннюю творческую дисгармонию, весь мир своей сложной души. Однако если среди обычных людей он переживал свои проблемы как вполне земные, то на новом уровне все его ощущения приобрели космический и гротескный характер: страсти обернулись демонами, эгоизм заявил о себе тем, что он ощутил себя демиургом и пожелал творить новые миры, а заложенный в детстве атеизм в конце концов привел к богохульству...

Несомненно, однако, что при всех внутренних противоречиях эзотеризм — один из путей развития культуры. Его носители уже не мыслят своего существования вне напряженной душевной работы. Для отдельных людей погружение в собственный внутренний мир, перестройка его под свои идеалы несет с собою решение проблемы спасения. Но прикоснувшийся к этому человек должен навсегда распроститься с иллюзией, что как в этом, так и в том мире возможны простые решения. И главная опасность, которая поджидает на этом пути: воспарив в высший мир, человек может встретить там лишь самого себя...

Йог-любитель со станции Дно
впал в Нирвану с приятелем. Но
(отчего — непонятно)
вскоре выпал обратно,
больно стукнувшись лбом о бревно.

Сергей Никитин. «Лимерики».

БОРХЕС, Хорхе Луис (BORGES, Jorge Luis).

Аргентинский писатель, классик мировой литературы. Родился в 1899 г. в Буэнос-Айресе. Уже в юные годы обнаружил яркий поэтический талвнт, однако первую книгу стихов («Страсть к Буэнос-Айресу») издал лишь в 1923 г., после возвращения из Швейцарии, где получал образование. В конце 20-х окончательно сформировал свое литературное мировоззрение и утвердился в пристрастии к произведениям короткой формы (стихотворение, эссе, рассказ), которые потом писал всю жизнь (наибольшей известностью пользовались: поэтические сборники «Луна через дорогу», «Другое и то же самое», «Золото тигров», «История ночи», «Железная монета», книги эссеистики «Inquisitions», «Воображаемый зоопарк», «Что такое буддизм?», «Девять дантовских эссе», сборники рассказов «Сад разветвляющихся тропинок», «Шесть проблем для дона Исидро Пароди», «Сестра Элоизы», «Алеф», «Смерть и компас»). С 1937 по 1946 г. работал главным библиотекарем Буэнос-Айреса, с 1946 по 1955-й преподавателем английской литературы в частных учебных заведениях Аргентины и Уругвая, с 1955 по 1973-й — директором Аргентинской национальной библиотеки. Обладатель множества наград и призов — начиная с Городской литературной премии Буэнос-Айреса 1928 г. (за эссе «Язык аргентинцев») и кончая орденом «Рыцврь Бритвнской империи». В 1986 г. скончался от рака печени.

БРЭДЛИ, Марион (BRADLEY, Marion).

Американская писательница. Родилась в 1930 г. в г. Олбани, шт. Нью-Йорк. Окончив педагогическое училище, вышла замуж и стала домохозяйкой. В свободное время начала писать, а с середины 1953 г. — регулярно публиковаться (первое появление в печати — рассказ «Замочная скважина» в альманахв «Vortex»). На нвстоящий момент является одним из самых плодовитых американских авторов; пользуясь заслуженным авторитетом у поклонников фэнтези (романы «Медный дракон», «Бесконечное путешествие», «Руины Исиса», «Нвследник»; знаменитый сериал о плвнете Дарковер: «Кровавое солнце», «Опасная звезда», «Ветра Дарковера», «Расколотая цепь», «Город колдовства» и т.д. — всего 16 частей), пробовала свои силы в таких разных литературных жанрах, как хоррор («Ведьмовской холм», «Барабаны тьмы»), сентиментальная прозв («Странная женщина») и даже эротический роман («Я — лесбиянка»; опубликован в 1962 г. под псевдонимом). В 1964 г. завершилв курс обучения в Университете Гардин Симмонс (г. Абилен, шт. Техас) и стала бакалавром английского и испанского языков, в также психологии. Лауревт премии журналв «Локус». С 1989 г. редактирует «Marion Zimmer Bradley's Fantasy Magazine».

ПИК, Мервин (PEAKE, Mervyn).

Английский писатель. Родился в 1911 г. в китвйском городе Кулинь в семье миссионера. В 1923 г. вместе с семьей возвратился в Великобритвнию. Получив художественное образование, работал театральным декоратором, иллюстрировал книги Л.Кэрролла и Р.Л.Стивенсона. А в конце 30-х впервые написал свою — детскую сквзку «Капитан Слотерборд бросает якорь» (опубликована в 1939 г. лондонским издательством «Кантри Лвйф»). С той поры труд живописца постоянно совмещал с литературной деятельностью, выпустив в общей сложности шесть сборников стихотворений и поэм, две сказки, пьесу и, наконец, снисквший ему любовь читателей (впрочем, читателей элитарных) «фэнтезийный» сериал о замке Горменгаст. В 1951 г. был удостоен премии Королевского литературного общества (за роман «Горменгаст» и поэму «Стеклодувы»). Болезнь Паркинсона, оборвавшая его жизнь в 1968 г., поставила точку в карьере одного из самых самобытных писателей и художников XX века.

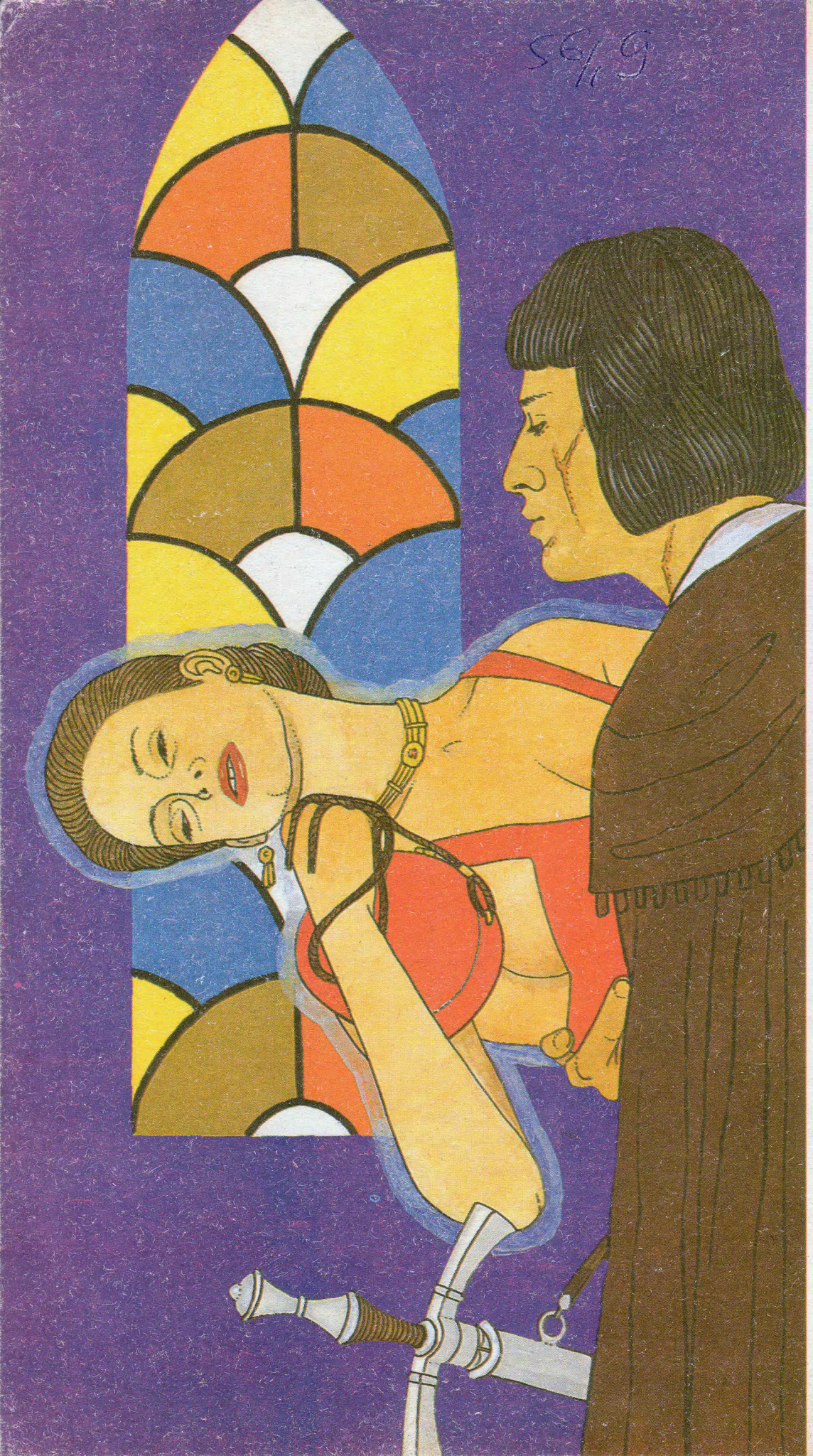
МЕРРИТ, Абрахам (MERRIT, Abraham).

Американский писатель, оказавший существенное алияние на развитие фантастической литературы. Родился в 1884 г. в г. Беверли, шт. Нью-Джерси. По окончании средней школы поступил работать репортером в газету «Inquirer» и не оставлял журналистского поприща до конца дней (с 1912 г. — в еженедельнике «American Weekly», в т.ч. с 1937 г. главным редактором). Беллетристикой занимался в качестве хобби (первая публикация — рассказ «Сквозь драконово стекло» в журнале «All-Story Weekly», 1917 г.), поэтому художественных произведений написал сравнительно мало (среди них выделяются оккультно-детективные «Семь шагов к Сатане» и «Гори, ведьма, гори!», основанный на вавилонской мифологии «Корабль Иштвр», посвященные теме затерянных рас «Лунная заводь», «Лик в бездне» и «Жители миража»). Подлинное новаторство творческой мвнеры писателя стало очевидным лишь после его смерти (1943 г.), когда имя Меррита заняло почетное место в списке грандов жанра наряду с именами Роберта Говарда и Говарда Лавкрафтв.

МУРКОК, Майкл (MOORCOCK, Michael).

Английский писатель. Родился в 1939 г. в г. Митчем, гр. Суррей. Профессионально заниматься литературой начал в 18-летнем возрасте (первая публикация — повесть «Соджан-меченосец» в журнале «Tarzan Adventures», май 1957 г.) и с того времени живет исключительно писательским трудом. С 1964 г. возглааляет журнал «Новые миры», публикаторская деятельность которого привела в конце 60-х к формированию «новой волны НФ» (к ней причисляли себя, в частности, Роджер Желязны, Роберт Силверберг, Норман Спинрад, Томас Диш). Философской основой творчества «нововолнистов» стала идея о существовании бесконечного множества миров, параллельных нашему (по Муркоку, инкарнаций). Именно она былв использована Муркоком в подавляющем большинстве его произведений, складывающихся в гигантский цикл с условным названием «Вечный победитель». Цикл этот состоит из нескольких сериалов, каждый из которых имеет своего главного героя и описывает свою инкврнвцию (например, романы об Элрике, романы о Хокмуне, романы о Джерри Карнелиусе). Сюжетные линии почти всех сериалов сходятся в шестикнижии «Танцоры на краю времени», написанном в конце 70-х — начале 80-х гг. Помимо титвнической работы над «Вечным победителем», Муркок известен как автор детективных, юмористических и публицистических книг, а также как музыкант (выступал в рок-группах «Дип фикс» и «Хоквинд»). Удостоен ряда литературных премий, в т.ч. Премии Британской научно-фантастической ассоциации, «Небьюлы», Приза газеты «Guardian». Продолжает работать.

Подготовил Александр РОЙФЕ



ЕСМ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Клиффорд Саймак
СВАЛКА

Гордон Диксон
КОРЕНЬ КВАДРАТНЫЙ ИЗ БУТЫЛКИ ШАМПАНСКОГО

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Дин Кунц
ДВЕНАДЦАТАЯ КОЙКА

Норман Спинрад
КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

индексы:
(каталог «Известий»)
73118, 39801